

П
Ж
И
З
Н
И
П
Л
Ь
К
С
Ш
М
Г
Е
П
Р
У
Т
Ь
П

Фред Ортенберг

ТКАНЬ ЖИЗНИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
РОССИЙСКОГО
ЕВРЕЯ

Иерусалим 2020

Фред Ортенберг

Ткань жизни. Продолжение.
(воспоминания российского еврея)

Иерусалим

2020 год

«Ткань жизни. Продолжение.
(воспоминания российского еврея)» - *Фред Ортенберг;*
Оформление – Маргарита Шамис

Ортенберг Фред Самойлович

Ткань жизни. Продолжение. (воспоминания российского еврея)
Иерусалим, 2020, 260 с.

Воспоминания идишского писателя Самуила Ортенберга "Ткань жизни" были изданы в Израиле в переводе на русский язык и пользовались успехом у читателей. В предлагаемой книге сын писателя Фред Ортенберг принял эстафетную палочку памяти и продолжил семейную хронику, начиная с того момента, на котором оборвались воспоминания отца. События охватывают 1930-2019 годы и происходят в Советском Союзе, перестроечной России и Израиле. Судьбы членов типичной еврейской семьи показаны на фоне сталинских репрессий, войны, эвакуации, Холокоста, послевоенных антисемитских акций, развала СССР, репатриации евреев в Израиль.

© Все права принадлежат Фреду Ортенбергу,

Ул. Симха Гольцберг 3/7,
Иерусалим, 97574, Израиль.
Тел. 972-2-5835329, 054-4752280
E-mail: fred40093@gmail.com
ISBN: 965-555-171-7

Книга отпечатана в типографии "Ной",
Иерусалим, Израиль

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	1
Детство.....	5
Предвоенные годы.....	20
Война.....	34
В эвакуации.....	49
Возвращение. Школа.....	74
Наш двор.....	92
Мои родственники.....	105
Университет.....	120
Начало пути.....	137
Родной город. Расставание.....	150
Становление.....	165
Космос.....	184
Личная жизнь.....	206
В кругу семьи.....	217
Израиль.....	235
Заключительная.....	249
Приложение.....	255

Предисловие

На протяжении жизни меня неоднократно посещало намерение делать хроникальные записи происходящих событий. Я даже несколько раз начинал вести повседневные заметки, но с этими дневниками произошло то, что обычно с ними и происходит - они были утрачены, скорее всего, уничтожены мною - при обстоятельствах, которые я даже не могу вспомнить. Между тем, после выхода на пенсию у меня вновь появилось желание сохранить память о прожитой жизни, и я решил написать воспоминания, воскресить в памяти подробности тех событий, которые выпали на нашу долю, описать детали нашего бытия. Свободного времени для размышлений у меня сейчас достаточно, часто проплывает в памяти панорама прошедшей жизни, возникают в голове эпизоды – иногда яркие и значительные, иногда мелкие и обыденные, мелькают образы людей, близких мне и случайно встреченных. Желание изложить эти свои размышления на бумаге появилось в значительной мере под воздействием воспоминаний моего отца Самуила Ортенберга "Ткань жизни". События, описываемые в книге отца, обрываются в начале тридцатых годов прошлого века, и я хочу хронологически продолжить рассказ о жизни нашей семьи, доведя повествование до наших дней. После выхода на пенсию я уточнил и дополнил генеалогическое древо нашего семейства, которое отец представил в своей книге. Новая версия древа, которая охватывает период с середины позапрошлого века по сегодняшний день, будет показана в приложении к моим воспоминаниям.

Мои отец и мать родились в начале прошлого века в небольших местечках на Украине. Они воспитывались в традиционных еврейских семьях. Их родители содержали лавки с розничными товарами. Моя мать - Сигал Зинаида Савельевна – родилась в 1907 году. Мама провела детство в местечке Фельштин Подольской губернии. Здесь же прошла начальное обучение. После окончания Винницкого педагогического техникума работала учителем первых классов. Мой отец - Ортенберг Самуил Петрович - родился в 1903 году в местечке Погребище (Бердичевский уезд Киевской губернии). Начальное образование мой отец получил в хедере, а затем в гимназии. В начале 20-х годов жил и работал в Виннице. Потом учился в Киеве на "Высших еврейских трехлетних педагогических курсах". После окончания этого вуза в 1925 году, получив две специальности - учителя естествознания и математико-

природоведческих знаний - Самуил вернулся в Винницу. Работал на курсах переподготовки еврейских учителей Подолья и в педагогическом техникуме. Участвовал в работе Первого и Второго Всесоюзных съездов деятелей еврейской культуры и просвещения в Москве.

Среди множества увлечений моего отца была страсть к писательству. Он выполнил значительное число литературно-критических работ, оставил после себя несколько книг, включая уже упомянутые воспоминания "Ткань жизни". Воспоминания охватывают двадцатилетний период его жизни (1910-1930 годы) и состоят из двух частей. В первой части действие происходит в местечке Погребище, где прошло его детство. Детально показана жизнь еврейской общины в царской, досоветской России, представлены драматические события, произошедшие в местечке во время мировой войны, революции, гражданской войны, погромов. Во второй части описаны юношеские годы, которые он прожил в Виннице, Киеве и Одессе. В воспоминаниях Самуил описал свои встречи с Давидом Гофштейном, Перецем Маркишем, Морисом Винчевским, С. Михоэлсом и В. Зускиным. Эта часть посвящена годам учёбы, службы в армии, началу педагогической и литературной деятельности. На этом воспоминания завершаются. В заключительном эпизоде мои папа и мама, недавно связавшие свои судьбы, покидают Винницу, где они проживали. Их мысли и чувства во время переезда на поезде в город Днепропетровск наполнены ожиданием больших перемен. Что толкнуло их на это непростое решение? По свидетельству отца, он не мог больше мириться с формализмом в обучении студентов, который практиковался в Винницком педтехникуме, где он преподавал, и очень рассчитывал получить на новом месте более перспективную работу.

Я попытаюсь кратко рассказать, как сложилась их жизнь в новых условиях, точнее, как сложилась наша совместная жизнь, так как вскоре после переезда родился я. Статистика свидетельствует, что большинство еврейских семей в Советском Союзе в эти годы ограничивалось одним ребенком. Мои родители не составляли исключения – я был единственным ребенком в нашей семье, а, следовательно, являюсь главным свидетелем на жизненном пути моих родителей и сейчас собираюсь стать летописцем событий их последующей жизни. Отмечу, что мои детские воспоминания не являются самостоятельными, а основаны на личных наблюдениях и, в значительной степени, на оценках и суждениях моих родителей. Приступая к работе, поделюсь сомнениями относительно моих писательских способностей. Хотя ранее я и написал несколько книжек на русском языке, изданных в России, но

последние 25 лет я постоянно проживаю в Израиле, редко выезжаю в Россию, мало читаю русские книги. Думаю, что мой былой русский, увы, утрачен или, уж точно, обеднен. Позволит ли это мне достойно представить в воспоминаниях события моей жизни? Я не знаю. Мне сейчас 86 лет. В таком зрелом возрасте при восстановлении прошлого существует опасность появления сбоев – некоторые имена, отдельные события забываются, другие истории предстают в искаженном виде. Как говорил армянский поэт Амо Сагян:

Я память не сравню с женою.
Ах, память, память! Мне она
Не изменяла молодою,
Теперь – старуха – не верна!

Мой отец до конца своих дней сохранил ясность мыслей и превосходную память. Надеюсь, она меня тоже не подведет, по крайней мере, до завершения написания этой рукописи. Готовясь к предстоящей работе, пробегая мысленно свой жизненный путь, я все чаще задумываюсь над тем, как же долго я живу. Множество эпохальных событий свершилось на территории стран, где проживали я и мои родственники. Бесчисленное число жизненных коллизий произошло с нами. Сумею ли я сделать достойную выборку событий, чтобы изобразить путь, пройденный за этот промежуток времени моей родней? И успею ли? Надеюсь, что сказание о нашем семействе, написанное мной, будет интересно читать потомкам. Пусть сага о предках поможет им решать человеческие проблемы и успешно продвигаться вперед.

Написано в праздник Суккот 26.09.2018, Иерусалим, Писгат Зеев Цафон.

Глава 1

Детство

Днепропетровск – город чугуна, стали и проката. Так гласили плакаты, установленные на въездах в город, и это была абсолютная правда. Город был

крупнейшим индустриальным гигантом черной металлургии не только СССР, но и всей Европы. При этом Днепропетровск представлял собой образовательный и культурный центр с множеством высших учебных заведений, театров, дворцов культуры, кинотеатров.

Присмотревшись, мои родители увидели, что поселились они в прекрасном городе, утопающем в зелени и расположенном по обе стороны красивейшей реки. Посещение парков, кафе и других мест для отдыха и прогулок окончательно убедило их в правильности сделанного выбора. Сразу же по приезде родителям пришлось решать бытовые проблемы, в первую очередь – квартирный вопрос. Первые годы жизни в Днепропетровске они снимали квартиру. В начале это была небольшая комната, а потом две комнатенки в одноэтажном доме на окраине города. Проживать приходилось, как правило, вместе с хозяевами, общественные удобства располагались во дворе. Воду брали из уличной колонки и вёдрами приносили домой, пищу готовили на электрической плитке. Подобным нехитрым сервисом в то время пользовалось большинство жителей города.

В таком домике я родился и провел несколько первых лет моей жизни. Разумеется, я этого не помню, но иногда в воображении возникают три деревянные ступеньки, ведущие от входных дверей квартиры, по которым я спускаюсь во двор, а мама держит меня за ручку и ведет по тропинке к калитке. Дали мне имя Фридрих. Такой выбор имени для еврейского мальчика сейчас вызывает у меня лишь недоумение, но в свое время имя больно ударило по моей судьбе. Например, в годы войны с немцами мои ровесники присвоили мне уничижительную кличку Фриц. Имея такую "кликху", я постоянно подвергался остракизму и унижениям. В русской среде даже характерные еврейские имена не вызывали такого неприятия, как мое типично немецкое

имя. Поэтому, много позже, уже во время учебы в университете, когда один из моих друзей почему-то начал называть меня так, как Маркс называл Энгельса - Фредом, я тотчас же ухватился за эту подсказку, предложил это имя для обращения ко мне всем моим друзьям, вместо тяжеловесного - Фридрих. Имя прижилось, и я с удовольствием пользуюсь им до сего дня во всех видах деятельности, в том числе – это имя автора опубликованных мною книг. Что заставило моих родителей наградить меня таким именем? Они утверждали, что сделали это в честь выдающегося мыслителя Ф.Энгельса, который, также, как и я, родился в ноябре месяце. Действительно, в эти годы приметой времени в советской стране стало стремление многих родителей дать своим детям имена, связанные с событиями или героями Октябрьской революции 1917 года. Например, Нинель (перевертыш Ленина), Сталина, Революция, Идея и тому подобные. Со мной в школе учился тщедушный, вечно сопливый и трусливый мальчишка по фамилии Каценеленбоген, имя которого было Дамирр – аббревиатура от популярного лозунга "Даешь Мировую Революцию!". Как ему там живется в России, в особенности после перестройки? Интересно бы посмотреть.

Возвращаясь к моему имени, можно сказать, что его выбор мог быть данью упомянутой моде на идеологизированные имена. Мои родители не были гражданами, беспредельно преданными властям и её социальным идеалам. Они были людьми критического ума и хорошо видели пороки создаваемого общества. Повседневная жизнь постоянно подкрепляла неудовлетворенность новыми фактами. В начале 30-х годов свирепствовал Голодомор, города снабжались продуктами на минимально допустимом уровне. Не представляю, как уж они в это время существовали, да ещё вместе со мной. Могу сказать, что позднее, когда положение немного улучшилось и обеспечение товарами стабилизировалось, они тоже не жили в роскоши, а еле-еле сводили концы с концами. Вскоре я уже сам мог оценить материальный достаток нашей семьи и хорошо запомнил, что зарплаты регулярно не хватало до конца месяца. Так что для восторгов и поклонения одному из авторов коммунистического манифеста оснований было немного. Поэтому предложу другую версию для объяснения того, почему меня не назвали при рождении просто Ильей, Яковом или Сеней. В 1932 году в СССР были введены внутренние паспорта со знаменитой "пятой графой". Это дало толчок к тому, что многие евреи сменили свои фамилии и имена на славянские, а родившимся детям старались давать имена без национальной окраски. В смешанных семьях предпочитали указывать свою национальность по национальности родителя не еврея. Тем самым для облегчения существования в антисемитской российской среде

некоторые евреи шли на полный отказ от национальной идентичности. Могло ли подобное поведение стать для моих родителей примером для подражания при выборе моего имени? Думаю, что - нет. И мой отец, и моя мама всегда гордились своим еврейством, много сделали для развития и распространения еврейской культуры, отказ от своих корней был для них неприемлем. Подводя итог, можно сказать, что не было серьезных мотивов для присвоения мне столь амбициозного имени, но некоторое давление обоих вышеописанных факторов на принятие решения ощущалось, вследствие чего родители в мое свидетельство о рождении вписали имя Фридрих. Поэтому я на вопрос, откуда у меня такое имя, обычно отвечаю, что причиной является отсутствие чувства юмора у моих родителей и романтическая революционная блажь, поселившаяся в те годы в их головах.

Вскоре после приезда в город родители устроились на работу. Маму взяли учителем в младшие классы общеобразовательной школы почти сразу же на полную ставку. Она быстро освоилась со своими обязанностями, подружилась с педагогическим коллективом. У детей она всегда пользовалась авторитетом. Но самое главное, что преподавательская работа ей очень нравилась. Вскоре она решила повысить свою квалификацию и уже через несколько лет поступила на заочное отделение Запорожского педагогического института. Такая форма обучения позволяла получить высшее образование без отрыва от основной работы. В течение года студенты занимались самостоятельно по месту жительства, а экзаменационная проверка проводилась в институте во время летней и зимней сессий. Случилось как-то, что меня не с кем было оставить дома, и мама вынуждена была взять меня с собой в Запорожье. Так начались наши поездки с мамой на сессии, которые я хорошо запомнил. Жили мы в общежитии: мама, её подруга и я в одной комнате. Они по очереди передавали меня друг другу или оставляли студентам, которые были свободны в данный момент от занятий. Все они любили меня, играли со мной, баловали и мне это нравилось. Они тоже радовались возможности общения с болтливым симпатичным малышом. Часто они брали меня с собой в институт, иногда запускали безобидного карапуза в аудиторию, где проходили экзамены, в качестве почтового голубя. Я передавал шпаргалку или подсказку тому, кто в этом нуждался, и убегал. Преподаватели относились к моему присутствию с пониманием, а беготню рассматривали, как детскую шалость. Иногда кому-нибудь из студентов удавалось таким образом избежать провала. Вечером происшествие весело обсуждалось в общежитии, а я чувствовал себя героем дня. Годы пролетели быстро, мама успешно окончила институт и в

дальнейшем преподавала русский язык и литературу в старших классах средней школы.

Как я уже говорил, мой отец переехал в Днепропетровск по приглашению для работы в Еврейском машиностроительном техникуме. Техникум относился к системе Народного комиссариата местной промышленности Украинской ССР, а предложение работы в нем было инициировано, я предполагаю, другом отца Борисом Яковлевичем Каганом - в прошлом революционером и авторитетным партийным функционером, которому отец в своих воспоминаниях посвятил целую главу. Располагался техникум в центре города, в здании рядом с почтамтом, теперь здесь находится музей "Литературное Приднпровье" (проспект Карла Маркса, ныне проспект Дмитрия Яворницкого № 64). В 1936 году в статье, посвященной 5-летию техникума, было написано: "В двухэтажном здании и прилегающих к нему пристройках расположены аудитории, лаборатории, механический и литейный цехи и прочее. 350 студентов, приехавших из дальних сел и местечек, получают здесь высокую квалификацию по холодной обработке металлов и другим специальностям. Техникум проводит также культурно-воспитательную работу среди учащихся. В техникуме имеется большая библиотека, помещения общежития - радиофицированы. Для студентов, окончивших 7 классов, обучение проводится на механическом, электромеханическом и вечернем отделениях. На вечернее отделение принимаются исключительно работники предприятий. Продолжительность обучения в техникуме четыре года. В 1934 году при техникуме было организовано производство точных измерительных приборов."

По приезде отец включился в работу техникума и сразу же возглавил учебную часть. Много времени он уделял организации учебного процесса, индивидуальной работе с учащимися. Задерживался в кабинете после завершения занятий допоздна, за что получал замечания от мамы. Значительные усилия он прилагал для повышения уровня преподавания, уделял большое внимание подбору педагогических кадров. Дома он иногда обсуждал с мамой и с гостями свои отношения с сотрудниками, рассказывал об их преподавательском опыте, искал методы совершенствования учебного процесса. Если бы отец продлил свои воспоминания на годы работы в техникуме, то смог бы со свойственным ему мастерством воссоздать, образно и с юмором, кипучую жизнь всего коллектива. Я же могу ограничиться только сухой справкой. Фамилии некоторых коллег отца остались у меня в памяти и фигурируют в различных документах, я приведу их в случайном порядке,

никого не выделяя, так как отец всегда отзывался лестно обо всех преподавателях техникума.

Итак, математику вели Каминецкий и Лapidус, украинский язык преподавал Бутенко, русский – Б.Я. Каган, историю ВКП(б) – О. Д. Медник, военное дело – Рабинович, черчение – Гинзбург, теоретическую механику Л.Л. Горбовицкий; электротехнику преподавали О.М. Рыбак и Бородовский. Курс допуски и посадки вел Цимерман, грузоподъемные устройства – А.Г. Яворский. На выпускных фотографиях техникума присутствует ещё ряд преподавателей: Д. О. Юдилевич, И. М. Вассерман, Я. С. Лемберский, Я. А. Капельянов, П. К. Полонский, С. Л. Баскинд, А.Г. Яворский. Предметы, которые они вели, мне неизвестны. Отец практиковал привлечение к обучению ведущих специалистов города. Например, большим успехом пользовались у студентов лекции преподавателя из строительного института Михаила Григорьевича Мазо. Курсы черчения и механики в техникуме по совместительству преподавал Вениамин Александрович Гальперин. Он работал главным механиком металлургического комбината и принадлежал к первой тройке заводских светил. К слову, не могу не рассказать об одной замечательной истории в биографии Гальперина: в 1920 году, будучи в командировке в Феодосии, он познакомился с писателем Ильей Эренбургом и вместе с ним готовил побег из оккупированного Врангелем Крыма. И, наконец, закончу знакомство с сотрудниками списком директоров, которые руководили техникумом в разное время: Рабинович, Каминецкий, Ханин. Последним директором техникума в 1940 году стал И.М. Миналов, а его замом – С.Г. Шпецер.

Помимо административной, у отца в техникуме была и педагогическая нагрузка. Он преподавал студентам гуманитарные дисциплины, связанные с еврейской историей и культурой. Напомню, что преподавание многих предметов проводилось на языке идиш. Поэтому техникум был очень привлекательным местом для евреев, в особенности для учащихся, получивших начальное образование на еврейском языке. Таких было немало – только в Днепропетровске евреи составляли около 20% населения (около 100 тысяч человек по данным 1939 года). С учетом прилегающих к городу многочисленных районов и местечек с преимущественно еврейским населением количество желающих получить техническую специальность, обучаясь на родном еврейском языке, было огромным. В известной мере, техникум отвечал этому запросу, являясь одновременно некоторым национальным центром для молодежи. Просветительскую работу со

студентами по еврейской тематике отец считал одной из главных задач своей миссии. Встречи с еврейскими знаменитостями, - артистами, певцами, писателями (как, например, описанная в воспоминаниях отца встреча с Соломоном Михоэлсом и Вениамином Зускиным) стали нормой жизни студенческой молодежи и способствовали повышению их успеваемости.

После окончания техникума выпускники распределялись на работу на предприятия металлургической промышленности. От руководства заводов систематически поступали только хорошие и даже хвалебные отзывы о квалификации выпускников техникума. Техникум успешно решал важную для страны задачу насыщения нарождающейся металлургической индустрии кадрами специалистов. На первых порах деятельность техникума поддерживалась и поощрялась местной властью. Однако со временем отношение начало меняться в худшую сторону. С 1937 года техникум назывался уже Еврейским металлообрабатывающим. Работа техникума, методы подготовки специалистов начали подвергаться критике и чувствовалось, что негативное отношение к техникуму вызвано указаниями высшего руководства. Окончательно всё проявилось в 1938 году, когда было принято постановление ЦК КП(б)У, по которому существование национальных школ было признано нецелесообразным и вредным, так как они якобы были очагами буржуазно-националистического влияния. В соответствии с этим решением практически все еврейские учебные заведения были переведены на русский и украинский языки обучения. В 1938 году техникум был переименован в Днепропетровский механический техникум, сохранив свое подчинение Наркомату местной промышленности. Находился он теперь в отдельном многоэтажном здании на улице Железной (ныне Миронова, 5). Еврейских учебных дисциплин в техникуме уже не было. Обновилось и руководство техникума, учебную часть возглавила женщина, член партии, русская, её фамилию я не знаю. У отца в техникуме осталась только учебная нагрузка, он преподавал на русском языке политэкономию. Кстати, к 1940 году в стране была также завершена ликвидация еврейских учреждений и организаций.

Отец был очень рад, когда вскоре после приезда в Днепропетровск получил авторские экземпляры монографии о жизни и творчестве известного еврейского писателя XIX века Ицхока Йозеля Линецкого. Книга была написана отцом на идиш по заказу Академии Наук Украины и опубликована в 1931 году тиражом свыше 1000 экземпляров. На титульном листе художник изобразил старый еврейский квартал Винницы – бывшую Иерусалимку, представлявшую

собой нагромождение бедных деревянных лачуг. Книга была издательским дебютом отца, и он всегда очень гордился ею. Занятия литературой отец

ש. ארטענבעג.

ל' ל'נעצק' און ד"ן צ"ט.
ל'טעראטור - ה'סטאר'שער עט'וד.

וו'נ'צע
1931

продолжил на новом месте параллельно с работой в техникуме. В последующие годы им были выполнены работы, посвященные творчеству русских и еврейских писателей Толстого, Короленко, Горького, Бялика, Шолом-Алейхема, Бергельсона, Альбертона и др. Результаты этих исследований в разные годы были опубликованы в журналах и газетах на русском, украинском языках и на идиш. В процессе своей литературно-критической деятельности отец сблизился и подружился с днепропетровскими писателями и поэтами. У нас дома часто бывал популярные в городе писатели Меир Альбертон (писал на идиш) и Александр Бейлинов, впоследствии сменивший фамилию на Былинов. Я запомнил одну

короткую дискуссию во время их встречи. Отец упрекнул Бейлинова в прямом заимствовании фрагмента из романа Анатоля Франса для характеристики героя своей повести, на что автор возразил, что считает такую практику приемлемой в творчестве. Все эти годы отец был активным членом писательского сообщества. Он был организатором и непременным участником большинства мероприятий, проводимых литераторами.

Я напомним наиболее значительные из них. В 1931 году в Доме Красной Армии прошел I Общегородской слет ударников-литераторов, на котором отмечались успехи днепропетровских еврейских писателей Копеловского, Каминера, Шермана, Гельберта. В 1934 году состоялось следующее совещание литераторов города, на котором М. Альбертон рассказал о прошедшем недавно Всесоюзном съезде писателей, делегатом которого он являлся. На общегородском собрании по итогам съезда писателей выступали поэты Ицик Фефер, романист Юрий Яновский, поэт Яков Городской, прозаик Леонид Юхвид и другие. Авторитет писателей города вырос: Марк Шехтер был принят в Союз писателей Украины, А. Бейлинов – кандидатом в члены Союза. В 1934

году состоялся вечер поэзии, на котором вместе с Николаем Асеевым, Семеном Кирсановым выступал Иосиф Уткин, прочитавший "Повесть о рыжем Мотэле". В 1935 году вышел первый номер журнала "Штурм", который стал официальным печатным органом Днепропетровской областной организации Союза писателей Украины. Мне этот журнал запомнился дружеским шаржем и карикатурой, которые были опубликованы в одном из выпусков. Карикатура поразила меня исключительным сходством лица персонажа картинки с реальным лицом отца, а текст показался мне таким смешным, что я помню его даже сейчас:

Расписав тетрадь, как декорацию,
В ход пустив высокий штиль и тон,
Критик Ортенберг закончил диссертацию –
Некий Л.Толстой и Меир Альбертон.

В этом же году состоялось совещание литераторов области, которое открыли секретарь комитета партии Мендель Хатаевич и гость из Москвы замечательный советский поэт Михаил Голодный, который начал свою речь с объяснений в любви: "Я днепропетровец. Я патриот этого города". Затем выступили редактор американского журнала Кюнитц, писатель из Киева Адельгейм, профессор С.П. Циммерман и мой отец. Зачитали приветственные телеграммы от известнейших украинских лириков Павла Тычины и Павла Усенко. Это было яркое, запоминающееся событие для литературной общественности Днепропетровской области, и мне было очень приятно, что мой отец был в центре этого праздника.

В писательской среде всегда отмечалось восторженное отношение к своему городу, его живописным окрестностям, а в особенности, к такому красивейшему творению природы, как река Днепр. Каждый писатель пытался прикоснуться к этой теме. Когда в 1936 году Марк Шехтер опубликовал стихотворение "Обращение к Днепропетровску", то оно было воспринято, как гимн величавой реке:

Взбежавшим легко на пригорок
От синей, от громкой воды,
Мой город, таким постоянно
Мне снишься и видишься ты...

До постройки Днепрогэса в районе Днепропетровска находились каменные пороги, препятствующие течению, которые река с грохотом преодолевала.

Один из них, называвшийся "Будило", шумел особенно громко. Видимо его и имел в виду поэт, когда говорил о громкой воде. Образы бешеных порогов, беснующейся реки, воды, закованной в бетон телом плотины, часто появлялись в произведениях, где речь идет о полной свободе и об её ограничении. Я приведу лишь один пример. В воспоминаниях моего отца отдельная глава посвящена посещению Днепровских порогов, и заканчивается она словами сожаления по поводу того, что маленькое еврейское местечко Кичкас в результате возведения плотины оказалось под водой.

Если рассматривать условия нашей жизни в этот период с таких общечеловеческих позиций, то картина будет выглядеть пессимистично. Вот её основные черты - бытовая неустроенность, невысокие заработки, но, главное, невозможность реализовать собственный потенциал. Попытки отца создать для еврейской молодежи возможность получить образование на родном языке провалились из-за антисемитской, националистической политики властей. Мечтам о писательской карьере также не дано было сбыться. Для литературного творчества необходима свобода. В Советском Союзе деятельность писателей, художников, музыкантов строго контролировалась и направлялась партийными органами. Идеологическая установка была направлена на снижение всех видов активности на еврейском языке. При таких обстоятельствах отцу пришлось постепенно свернуть свою литературно-критическую деятельность. Отец любил делиться своими обширнейшими знаниями с людьми: выступал с лекциями, устраивал встречи, проводил беседы с любыми группами населения, на любых площадках - в клубах, домах культуры, в красных уголках - по вопросам еврейской истории, культуры, текущего момента, всевозможных праздничных и юбилейных дат. Это был тот род деятельности, который официально назывался распространение знаний. Вначале его такая пропагандистская активность приветствовалась, но со временем партийные идеологи взяли эту сферу человеческого общения под свой жесткий контроль, отменяя или не рекомендуя мероприятия по темам, которые были близки отцу: например, была сорвана лекция, посвященная жизни и творчеству писателя Шолом-Алейхема. В запретах просматривалась шовинистическая направленность, противостоять этим указаниям было невозможно и опасно, пришлось свести просветительскую деятельность на нет.

Картина будет неполной, если я не расскажу о той ужасной обстановке, которая сложилась в стране в эти годы, о страхе, который охватил все слои общества. Родители не говорили со мной на эту тему никогда, но я

чувствовал своим детским сердечком, что какая-то тревога за мою жизнь, за благополучие нашей семьи постоянно гложет их. Я говорю о большом терроре, развязанном сталинской правящей верхушкой для укрепления своей власти. С начала 1930-х годов репрессии приобрели массовый характер. В июле 1937 года ЦК ВКП(б) разослал местным партийным комитетам, органам НКВД и прокуратуры секретную инструкцию, подписанную Сталиным, Ежовым и Вышинским, о проведении акции "по изъятию остатков враждебных классов". В инструкции конкретно для каждой республики давалась норма (в процентах) арестов, которые предстояло произвести. Пик сталинских репрессий на Днепропетровщине пришелся на 1937 год – первое полугодие 1938 года. За это время в области было арестовано 29521 человек. В 1937 году приговорён к смертной казни и расстрелян по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации первый секретарь Днепропетровского обкома М.М.Хатаевич. При этом органам НКВД "удалось раскрыть" в городе "троцкистско-меньшевистскую группу", "инженерную группу", некий "партийный центр" и даже "троцкистско-молодежную группу". Сотни тысяч людей, проживавших в области, попали под жернова репрессий. Среди них были и известные деятели, и обыкновенные жители, вообще непричастные к какой-либо политической деятельности. В последнее время появились разоблачительные материалы, в которых представлены методы работы сотрудников следственных органов в те годы. Палачи пытками выбивали показания из несчастных людей, измываясь над ними и их женами. И люди, живущие рядом с этим адом и ожидающие, что их в любой момент тоже может постигнуть та же участь, жили в постоянном страхе.

Подводя итог, можно сказать, что основными чертами советского общества были низкий уровень жизни, государственный антисемитизм, ограничение всех свобод, сталинские репрессии. Вот такая неприглядная картина. К счастью, как мы знаем, не только в таком тоталитарном обществе, каким был советский строй, но и при более иезуитских правлениях, жизнь шла своим чередом: люди появлялись на свет, влюблялись, развлекались, трудились, рожали и умирали. Точно также и наша семья, я считаю, успешно вписалась в днепропетровскую действительность. Родители преуспевали на работе, с любовью и вниманием относились друг другу, обзавелись друзьями и знакомыми, на летние каникулы могли позволить себе поездку на курорт, как правило, к морю. Очень много внимания они уделяли моему развитию и воспитанию. Я был достаточно послушным и сообразительным мальчиком небольшого росточка, но с большими, небесной голубизны глазами, и поэтому вызывал всеобщее умиление. Родителям это импонировало, но отставание в

росте вызывало их беспокойство, да что скрывать, и моё - тоже. К сожалению, в то время никаких методов ускорения роста не было, кроме спортивных упражнений. Приходилось ждать, и я за время учебы в школе получил от своих друзей прозвища: "коротышка" и "кроха". К моей радости, в конце формирования своей фигуры я великаном не стал, но догнал своих ровесников по росту, а некоторых даже перегнал. Разумеется, у родителей, помимо роста, было множество других проблем, связанных со мной. Их безумная любовь особенно наглядно проявлялось во время решения вопросов, связанных с здоровьем. Когда моё самочувствие было нормальным, отец не проявлял особой близости в наших отношениях, мама наблюдала за моим режимом дня, питанием и достаточно сдержанно проявляла свои чувства. Когда же я заболел, ситуация резко менялась. Лица моих родителей становились серьезными и озабоченными. Отец не отходил от меня ни на минуту, мама становилась необыкновенно ласковой, постоянно обнимала и целовала. Все их силы были направлены на поиски врачей высочайшей квалификации, получение необходимых лекарств и уход за мной. Каждое моё заболевание было для них катастрофой. В такие моменты они не стеснялись выражать свои чувства, любыми способами стремились облегчить мое состояние и приблизить выздоровление. Помню, как в дошкольные годы родители тщательно следили, чтобы я был вовремя и сытно накормлен и опрятно одет.

С некоторого момента времени в моём воспитании им начала помогать домработница Фрося. Практика найма домработниц в тридцатые годы – это советское изобретение, появившееся в результате бесчеловечной политики властей в отношении сельского населения. Жители деревень и колхозов в двадцатые-тридцатые годы страдали от голода и непосильного труда, и бегство в город было для них последней надеждой на спасение. По всей стране миллионы женщин, девушек, девочек бежали в города, и для этой категории людей государство установило законный статус их трудоустройства и прописки в семьях. Новые хозяева таких беженцев давали им хлеб, крышу над головой, какие-то мизерные деньги. Няня ребенку и работница по дому стали вполне стандартной ситуацией для советские служащих всех рангов, даже для малообеспеченных семей учителей, врачей, инженеров. Жили домработницы в одном доме с нанимателем, порой ютились на кухне, в чулане. Тесные условия и скромные заработки были для них лучше, чем голод в отчем селе. Таким образом в середине тридцатых годов у нас дома появилась Фрося – девушка примерно 18 лет из деревни, которая находилась недалеко от Днепропетровска и называлась Пятихатки. Фрося прожила с нами несколько лет и все это время нянчилась со мной. Разумеется, она не была похожа на

гувернантку принца Уэльского, но с задачами по уходу за ребенком справлялась замечательно. Образование у неё было не высшее - один, возможно, два класса сельской школы, представления о мироустройстве были

совершенно дикими, но в остальном она была очень милым и добрым человеком. Мама была горда тем, что у её ребенка появилась няня, а вопросами уборки квартиры, готовки занимается работница по дому. Мама почувствовала себя хозяйкой и всячески демонстрировала свою власть, делая Фросе замечания и отдавая указания. Фрося безропотно выслушивала и исполняла все наставления потому, что не знала многих правил домоводства и воспитания детей, а также потому, что была полностью бесправна, как и другие деревенские женщины, попавшие в услужение к частным лицам. Я думаю, что если поискать

информацию о судьбах подобных женщин, то можно будет найти много историй несправедливого отношения к ним; так называемых; нанимателей на работу по дому. Что касается Фроси, то, насколько я помню, её судьба сложилась нормально, поскольку она, работая у нас, имела возможность решать проблемы личной жизни. Она вышла замуж и переехала от нас к своему избраннику в родную деревню.

За время её пребывания у нас я превратился в холеного избалованного еврейского ребенка, маминого сынка, и когда пошел в школу, то получил от своих сверстников характеристику "барчонок", против которой не возражала даже учительница. Думаю, что нелестное и несправедливое прозвище мне дали за благополучный, сытый и уверенный вид, а не за внутренние качества, которые, как мне казалась, никак не соответствовали такой обидной оценке. В любом случае, обилие прозвищ, которыми награждали меня в детстве сверстники, свидетельствует о том, что был я личностью необычной и

привлекающей к себе внимание. Отмечу, что мои воспоминания, относящиеся к раннему детству, очень туманны и расплывчаты, в них отсутствуют конкретные события или образы. Быть может, это последствия спокойного, бесконфликтного существования, которое мне обеспечили заботливые родители, оберегая от ненужных волнений. Иногда где-то в глубине моей души звучат колыбельные песни, которые мама пела мне на языке идиш нежным ласковым голосом. Иной раз возникает голова красивой женщины, склонившейся над моей кроватью; на голове - коричневая шляпка, украшенная загадочной легкой вуалью, закрывающей мамин лоб. Кто знает, действительно ли это младенческие видения или это более поздние образы, навеянные фотографиями из семейного альбома?

Я помню странную привычку отца утром после пробуждения громко ни к кому не обращаясь произносить, глядя в потолок, латинские крылатые выражения: *Memento mori!* (Помни о смерти), *Sic transit gloria mundi* (Так проходит мирская слава), *O tempora, o mores!* (О времена, о нравы!), *Mens sana in corpore sano* (В здоровом теле — здоровый дух), *In vino veritas* (Истина в вине), *Vita brevis est, ars longa* (Жизнь коротка, искусство вечно), *Homo hominī lupus est* (Человек человеку волк) и тому подобные. Возгласы продолжались несколько минут, во время умывания, чистки зубов и прекращались перед завтраком. Позволю себе высказать предположение, каким образом у отца появилась подобная манера поведения. Дело в том, что после окончания хедера произнесение утренней молитвы стало для него обязательным ритуалом. Последующие события, включая пятнадцать лет проживания в государстве с идеологией принудительного атеизма с строгими запретами на все отправления религиозного культа, не смогли отменить потребность в произнесении утренней молитвы. В результате в подсознании произошла замена разговора с Богом обращением к человеческой мудрости — громогласному цитированию крылатых выражений Отец относился к этой своей слабости с юмором, с усмешкой, шутил, что мне полезно изучать латынь на слух в таком раннем возрасте. Правда, позже он в утренней риторике заменил латинские выражения на спряжение немецких глаголов. Поэтому можно также предположить, что ежедневное по утрам освежение в памяти латинских выражений и спряжений немецких глаголов возвращало отца в те славные годы, когда он учился в гимназии. Громкие возгласы по утрам я слышал только в тридцатые годы, в дальнейшем эта причуда у отца пропала. Но в своей практике он очень умело пользовался знанием латыни, используя мудрые изречения и в своих произведениях, и в публичных выступлениях, и в процессе общения с людьми. В связи с описанным курьёзным воспоминанием,

я хотел лишь напомнить, что, помимо упомянутых языков - латыни и немецкого, отец свободно, как и родным языком идиш, владел русским, украинским и ивритом. Я с удивлением наблюдал, как он без затруднений переходит с одного языка на другой и в беседе, и при написании текстов. Не только в языках, но и во многих других областях знаний отец был энциклопедически образованным человеком.

Свободное от работы время родители проводили вместе: занимались домашними делами, принимали гостей, ходили в гости, гуляли, играли со мной. Конечно же, я помню посещение детских представлений, праздничные утренники, демонстрации, на которые отец всегда брал меня с собой, и мы шли в колонне людей, взявшись за руки, и я размахивал флажком или надувным шариком. По выходным мы часто отправлялись все вместе в парк отдыха. Папа покупал билеты, и мы садились с ним, обнявшись, в кресло на карусели и долго кружились, и это было совсем не страшно, не то, что на качелях, которые я обходил стороной. Иногда мы отправлялись за город на природу и устраивали пикник. Обычно мы располагались на берегу какой-нибудь маленькой речушки. Выбирали заводь с медленным течением, купались на мелководье. Родители не умели плавать и меня оберегали от любых неожиданностей. Поэтому дозволенная зона для купания была размером с ванну. Отец заходил в воду первым, поживаясь при любой температуре от холода. Затем он закрывал пальцами рук ноздри, глаза, уши, приседал и быстро погружал голову под воду. Через секунду он выскакивал из воды, громко фыркая и энергично мотая головой, как будто он только что прошел экстремальные подводные испытания. На этом его часть программы заканчивалась, и он, довольный, возвращался на берег. Надо полагать, что такого стиля плавания, купаясь в речке Рось, придерживалась значительная часть еврейского населения папиного родного местечка Погребище. Мама же, наоборот, заходила в речку медленно и важно, тщательно прощупывала дно ногами на протяжении нескольких метров, а затем ложилась на поверхность воды и размахивая руками имитировала плавание, ноги при этом, я думаю, она ото дна не отрывала. Проплыв таким образом метра два, она поворачивалась и плыла в обратном направлении. Продолав два-три подобных заплыва, она удовлетворенная выходила из воды. Когда же наступала моя пора идти купаться, меры безопасности становились беспрецедентными. Либо родители с двух сторон держали меня за руки, и мы вместе входили в дозволенную для плавания зону, либо они стояли в этой зоне, ограждая меня от реки, и я мог самостоятельно под их присмотром бултыхаться в неглубокой лужице у самого берега. Мои попытки отвоевать дополнительное пространство для

купания пресекались незамедлительно. Сам пикник проходил здесь же на берегу и не отличался размахом: на одно из полотенец выкладывался нехитрый набор из бутербродов и куриных яиц. После купания и солнечных процедур аппетит был отличным, и запасы провизии уплетались моментально. Разумеется, наш отдых выглядел аскетичным на фоне современных возможностей для отдыха, но нашу прогулку на природу отличали огромная любовь друг к другу, восторг от общения с тихой речушкой, утопающей в прибрежных кустарниках, восхищение от дурманящих запахов травы и полевых цветов.

Собираясь в отпуск, мы всегда при выборе места для отдыха оценивали предстоящие затраты и учитывали достаток семьи. К концу тридцатых годов оказалось, что мы уже в состоянии оплатить летний отдых на море, и в 1939 или в 1940 году, точно не помню, мама, я и подруга мамы выехали на отдых в Ялту. Остановились мы, конечно, не в апартаментах гостиницы "Ореанда", а на частном секторе в сарайчике на хозяйском дворе. Зато расстояние до моря было одинаковым, что от отеля, что от моей раскладушки во дворе. Но Черное море было великолепным! Оно поразило меня и потом постоянно притягивало к себе настолько, что Крым в мои юношеские годы стал излюбленным местом для путешествий и отдыха. В этот же первый приезд я был потрясен катанием на одновесельной лодке. Дело было так. Однажды вечером мама сказала, что завтра меня ждет сюрприз, и, действительно, утром, когда мы подошли к новому пляжу, то на берегу я увидел несколько лодок с лодочниками, предлагавшими развлекательную прогулку в море за плату, которая зависела от продолжительности катания. Как выяснилось, этот бизнес на свой страх обеспечивала бригада бывших моряков, и катание на лодке было популярным развлечением у отдыхающих. С одним из лодочников мама была знакома, она представила ему свою подругу и меня, а нам сказала, что лодочник - грек. Это был ладно скроенный, мускулистый, лет сорока мужчина, загорелый настолько, что походил на негра. Я сначала подумал, что грек – это имя лодочника и даже обратился к нему, назвав Греком, но мне объяснили, что греки – это национальность, как русские и украинцы, и что большая колония греков проживает в Крыму. Это было мое первое знакомство с национальным вопросом и первое катание на лодке. Море было спокойным, грек (имени его я не запомнил), балагурия и улыбаясь, усадил нас в лодку, сел за весла, и мы поплыли вдоль берега, любуясь со стороны моря городом Ялта в течение часа. В этот приезд мы еще раз воспользовались услугами грека, проплыв вдоль береговой линии уже в вечернее время и восхищаясь ночными панорамами города.

Глава 2

Предвоенные годы

Мои родители, вышедшие из еврейской, мещанской среды и пробившиеся в общественную прослойку интеллигентных людей, имели высокие духовные устремления. Днепропетровск был городом, способным удовлетворить разнообразные культурные запросы современного человека. И мои родители с жадностью набросились на любые городские события, связанные с искусством, посещали музеи, выставки, фестивали, использовали все возможности для подъема собственного культурного уровня. В городе на постоянной основе работали профессиональные театры: Русский драматический им. М.Горького, Украинский драматический им. Т.Г.Шевченко, Оперный театр. В репертуаре каждого из них было не менее 5-7 классических и современных постановок. В их коллективах проходила творческая жизнь многих выдающихся театральных деятелей, впоследствии сделавших карьеру и гремевших на столичной сцене. Так, например, сложилась судьба оперного и эстрадного певца Владимира Бунчикова, известного баса Юрия Сабинина, народного артиста СССР дирижера Исидора Зака, режиссера, автора пьес-сказок для детей Владимира Гольдфельда, впоследствии одного из создателей Театра им. Н.В. Гоголя в Москве, и других. В концертных залах выступали известные коллективы, гастролировавшие по стране. В описываемый период состоялись концерты джаза под управлением и при участии Леонида Утесова, много раз звучала скрипка Давида Ойстраха, с большим успехом прошли концерты пианиста Генриха Нейгауза, народного артиста СССР Марка Рейзена (бас) и лауреата всесоюзных и международных конкурсов Буси Гольдштейна (скрипка). Как правило, в летние месяцы помещения театров занимали приезжающие на гастроли театральные коллективы из других городов страны. Частыми гостями были прославленные театры столицы, несколько раз приезжал на гастроли МХАТ. В 1937 году со своими новыми спектаклями театралов города познакомил театр Всеволода Мейерхольда, а в самые последние мирные дни 19 и 20 июня 1941 года в городе блистал юморист Аркадий Райкин в спектакле Ленинградского государственного театра миниатюр – "Не проходите мимо". Родители были неизменными зрителями на премьерных и рядовых театральных постановках, на гастрольных представлениях перечисленных звезд и на других культурных

мероприятиях. Отец принимал активное участие в обсуждении, в дискуссионных встречах, печатал в газетах рецензии на театральные постановки и концертные выступления. Его критические материалы, посвященные событиям в культурной жизни города, нравились читателям. В это время появился новый формат организации культурного мероприятия, при котором перед началом выступления артиста или перед концертом на сцене появлялся лектор, который представлял артистов, кратко рассказывал об их творчестве. Когда отцу предлагали такую роль, он в большинстве случаев не отказывался. Вспоминая с каким волнением и тщательностью он готовился к презентации спектаклей Московского ГОСЕТа, в которых были заняты такие гиганты, как Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин. Вообще, когда речь шла о пропаганде и процветании еврейского искусства, отец не жалел ни времени, ни душевных сил. В разное время в тридцатые годы в городе гастролировало несколько Еврейских государственных театров: Киевский, Харьковский, Одесский ГОСЕТы, Еврейский государственный театр Украинской ССР, Днепропетровский областной еврейский театр и другие. Все эти театры из-за экономических проблем, чиновничьего произвола, конкурентной борьбы, творческих разногласий в театральных коллективах то создавались, то ликвидировались, то сливались. Но, несмотря на трудности, благодаря таланту и целеустремленности актеров за это время зрителям был представлен богатейший спектр драматических произведений на еврейском языке. Вот перечень лишь нескольких пьес, показанных на сцене этих театров: "Уриэль Акоста" К.Гуцкова, "Миреле Эфрос" реформатора еврейского театра Якова Гордина, "Тевье - молочник", "Стемпеню", "Мазл тов", "Семья Овадис" Переца Маркиша и другие. Например, Одесский ГОСЕТ однажды привез на суд днепропетровчан вот такое разнообразие спектаклей: "Блуждающие звезды" Шолом-Алейхема, "Колдунью", "Девушку из Москвы", "Миреле Эфрос", "Вторые пути", "Стемпенюс либе", "Сендер Бланк" и "Кто смеется последним". В еврейских театрах работала плеяда выдающихся мастеров сцены. Я упомяну лишь одну актрису – подругу нашей семьи Аду Сонц. Она блестяще сыграла огромное число ролей еврейского репертуара, а в те годы, когда были закрыты все еврейские театры, играла на русском языке в Днепропетровском драматическом театре им. М. Горького. Позже она была удостоена звания заслуженного деятеля искусств Украины. Упомяну два следующих культурных события по еврейской тематике, случившихся в городе в этот период: демонстрацию в 1937 году на экранах кинотеатров фильма "Блуждающие звезды", по роману Шолом-Алейхема, и радиотрансляцию в 1939 году спектакля "Король Лир", шедшего на идиш.

Отдельно хочу рассказать об эстрадных гастролерах. Лауреат первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады Анна Гузик на концерте в Днепропетровске успешно представила одноактные еврейские оперетты, а на следующих гастролях зрители увидели её в шоу "А хасене он клезмер", "Ба мир бист ду шейн", "Бейлке". Анна Гузик была великой еврейской актрисой, непревзойдённым мастером перевоплощения. Залы, в которых она выступала, всегда были переполнены. В репертуаре актрисы — народные песни и танцы, эстрадные фельетоны. В 1932-1935 годах она выступала на русской сцене в театрах музыкальной комедии, но никогда не забывала родной "маме лошн". Во время гастролей в Днепропетровске отец встречался с ней, и она по секрету рассказала ему о том, как в Репертуарном Комитете противились включению в программу выступлений произведения на идиш и каких огорчений и усилий ей стоило сохранение национального содержания репертуара её концертов. Разумеется, отец не мог мне поведать об этом, потому что тогда я был слишком мал. Думаю, что он не поделился этой информацией даже с мамой для её же безопасности. Узнал я об этом через много лет при обсуждении с отцом судьбы актрисы уже после её репатриации в Израиль в 1973 году. Кстати говорили, что эта фантастическая женщина танцевала чечетку в 75 лет. У нас дома хранилась большая коллекция пластинок Анны Гузик с её песнями на идиш, мы множество раз прослушивали их и получали колоссальное удовольствие.

Блистательная эстрадная актриса Клара Юнг в один из приездов дала сразу 5 концертов в Театре им. Т.Г.Шевченко. Она долгое время жила в Америке, гражданство СССР приняла только в 1934 году. Играла она фрагменты еврейских оперетт, музыкальных комедий, скетчей. Её исполнение привлекало провинциального зрителя неповторимым зарубежным флёром. Она пела, танцевала, легко и органично переходила от одного номера к другому. Одним словом - выдающаяся еврейская артистка. Часто вместе с ней выступал певец Михаил Эпельбаум, впоследствии народный артист РСФСР. В Днепропетровск артист обычно приезжал с сольной программой, включающей исполнение еврейских народных песен. Сильный голос певца (драматический баритон) позволял ему петь оперные арии. Однако славу певцу принесло исполнение еврейских песен на эстраде. За высокое исполнительское мастерство его в народе называли "еврейским Шаляпиным". Репертуар Михаила Эпельбаума был богатым и включал песни и баллады, записанные им в ходе этнографических экспедиций. Однажды во время гастролей в нашем городе певец по приглашению отца был у нас дома в гостях, и мы все вместе поужинали. Родители о чем-то с ним оживленно беседовали, но, уходя, он

исполнил для меня громко в полный голос короткий отрывок какой-то популярной еврейской песни. Творчество Михаила Эпельбаума оказало большое влияние на исполнительскую манеру других еврейских певцов, в частности певца Зиновия Шульмана.

Тенор Зиновий Шульман являлся одним из ярких представителей семьи еврейских деятелей культуры и искусства — семьи Шульманов. Он прославился исполнением на эстраде еврейских песен и романсов. Родные для еврейской души песни: "Нохемке, мой сын", "Колыбельная" Моцарта на еврейском языке, застольная песня "А лехаим", "Дем ребнс вундер" и другие в исполнении Зиновия Шульмана часто можно было услышать также в филармонии Днепропетровска. В концертах Зиновия Шульмана звучали песни на слова еврейских поэтов, в том числе П. Маркиша, И. Фефера, Ш Галкина на музыку еврейских композиторов. В свои программы он включал также оперные арии, которые исполнял на идиш. Ловлю себя на том, что рассказываю сейчас об эстрадных певцах тридцатых годов с восторгом, поклонением и любовью не только потому, что они одаренные артисты, но и потому, что они духовно красивые люди. Это была плеяда кумиров нескольких поколений евреев, живших в СССР. Будучи прославленными исполнителями, они оставались скромными, нравственно чистыми личностями и могут быть образцами высокой культуры и достоинства для зрителей или слушателей России двадцать первого века. Мне кажется, что кумиры тех лет существенно отличались от современных российских звезд. В наше время новости шоу-бизнеса знакомят зрителей с фактами, демонстрирующими исключительно низкий моральный уровень отношений артистов с коллегами, родственниками, друзьями; экраны телевизоров заполнены грязными сплетнями, сюжетами об изменах, разводах. Модно сейчас также вспоминать песенные достижения прошлых лет, на телевидении показывают отдельные выпуски, посвященные, например, звездам восьмидесятых годов. Это уже история эстрады. Думаю, следовало бы обратить внимание на тридцатые годы и создать передачи, посвященные выдающимся, родным для меня, еврейским артистам. И для того, чтобы привлечь к ним интерес, приведу ниже по одной ремарке на каждого из представленных мною исполнителей той поры.

Анна Гузик родилась в семье актеров передвижного еврейского театра Янкля Гузика и Розалии Фрейлих. Жизнь Анны, начиная с рождения, окутана легендами. По одной из них она родилась в театральном фургоне, чуть ли не на сцене театра, во время спектакля. С первым её криком будущую звезду

запеленали в театральную афишу — под рукой ничего подходящего не оказалось. А прожить Анне было суждено больше 80 лет.

Клара Юнг была актрисой мирового масштаба: долгие годы она блистала на американской сцене, гастролировала по Европе, а затем обворожила советскую публику и служила ей до конца свих дней. Рассказывают, что влиятельный царедворец Григорий Распутин, обращаясь к юной Кларе, произнес тост «за малые нации». А Нарком просвещения СССР Анатолий Луначарский написал восторженную статью о ее творчестве для отдельной брошюры о Кларе Юнг, выход которой был приурочен к 50-летию еврейского профессионального театра. Скончалась Клара Юнг в 1951 году в мрачные годы уничтожения еврейской культуры в СССР. На достойные почести рассчитывать не приходилось. Из бывших коллег в последний путь ее провожали только Леонид Утесов и эстрадный артист Борис Хенкин.

В 1927–33 годах во время гастролей в странах Европы, Америки, Африки концертную программу Михаил Эпельбаум определял сам. Репертуар же еврейских песен, с которым певец выступал в СССР подвергался жесткой цензуре; зачастую выступать только с "еврейской" программой ему не разрешали, предписывая в первом отделении концерта исполнять русские песни. В 1949 году, в ходе разгрома еврейской культуры, певец был арестован и приговорен к десяти годам лишения свободы. Была осуждена также его жена Розалия Эпельбаум. Зиновий Шульман также был арестован в 1949 году сразу после концерта в Кисловодске. На закрытом судебном заседании в Киеве его обвинили в еврейском национализме и осудили на десять лет лишения свободы. А в 1997 году в Израиле ему было посмертно присвоено звание узник Сиона – "асир Цион".

Я так подробно рассказываю о культурной жизни города, потому что родители были заядлыми театрами, не пропускали ни одного сколь-нибудь значимого представления. На некоторые театральные постановки и концерты они умудрялись брать меня с собой. Я присутствовал не только в зрительном зале, но и при встречах с знакомыми отцу артистами за кулисами, у нас дома, когда они приходили к нам в гости. Отец был, как говорят, активным энтузиастом в деле продвижения различных искусств в массы. Когда вопрос касался еврейского населения, то он становился культурным лидером и пропагандистом. Его осведомленность о жизни и творчестве еврейских исполнителей, об их гастрольных планах, о репертуаре артистов, об авторах представляемых произведений поражали собеседников. Его критические статьи и рецензии на еврейские гастрольные представления, публикуемые в

местной прессе, вызывали интерес и обсуждались читателями. Поэтому его культуртрегерская активность до определенного момента времени поддерживались даже городскими властями. Сейчас мне кажется, что главную цель своего личного участия он видел в создании преемственности еврейской культуры - из одного поколения в следующее. Для этого в событиях еврейской культурной жизни необходимо было вовлечь как можно более широкие слои населения, особенно молодежи. Затем включить наиболее одаренных в творческий процесс сохранения и развития еврейского искусства, обеспечивая тем самым непрерывную эволюцию национальной культуры от поколения к поколению. Выполняя такую миссию, отец много раз советовался с Михоэлсом, используя различные способы для контакта с артистом. Проблемы будущего еврейской культуры постоянно затрагивались на его встречах с Михоэлсом во время гастролей в Днепропетровске. К сожалению, в уже упоминавшихся воспоминаниях моего отца описаны только две таких встречи, о других беседах с артистом отец почему-то ничего не написал.

О привязанности великого артиста и Московского ГОСЕТа к городу, говорят две коротких цитаты из статей самого Соломона Михоэлса: "Гастроли ГОСЕТа в Днепропетровске уже давно потеряли свой случайный, "гастрольный" характер." и "Днепропетровск наш театр любит особой любовью. Из года в год мы приезжаем сюда, встречая чуткого, внимательного, активно реагирующего зрителя. Новая встреча с этим зрителем 1936 года дала нам такую же радость и такое же удовлетворение, как и в прошлые годы". В последний раз Московский ГОСЕТ гастролитировал в Днепропетровске летом 1939 года, в свой юбилейный, двадцатый сезон. В связи с юбилеем С. Михоэлсу было присвоено звание народного артиста СССР, В. Зускину - народного артиста РСФСР. Были показаны новые спектакли: "Тевье-молочник" Шолом-Алейхема, "Суламифь" А.Гольдфадена и "Гершеле Острополер" о похождениях еврейского народного шута. В этот приезд встреча отца с Михоэлсом была непродолжительной, формальной и, к сожалению, последней. В своих воспоминаниях отец назвал уход артиста из жизни в 1948 году – "трагической гибелью", потому что в годы, когда писались воспоминания, для публикации, была разрешена лишь лживая официальная версия смерти артиста – в результате автокатастрофы. Сейчас имеется документальное подтверждение того, что убийство Михоэлса в Минске было организовано по прямому указанию Сталина. Михоэлс был убит, раздавлен грузовой автомашиной, а затем его труп отвезли и бросили на одной из глухих улиц города. А перед этим в 1943 году Сталин использовал международный авторитет и популярность Михоэлса, командировал его для сбора средств и

вооружений для Красной Армии среди населения ряда зарубежных стран. Михоэлс с блеском выполнил поручение и внес весомый вклад в победу в Великой Отечественной войне. Теперь, когда снят покров с вранья, очевидно, что советская власть совершила гнусное преступление, человечество потеряло гениального актера, выдающегося общественного деятеля, председателя Антифашистского комитета и нашего большого друга Самуила Михоэлса. На его похоронах писатель Илья Эренбург сказал: "Еврейский народ в войне потерял шесть миллионов человек, Михоэлс – седьмой миллион". Подробнее о расправе над Антифашистским комитетом я расскажу в следующей главе, а сейчас в рамках театральной темы с прискорбием обязан добавить, что великого актера Вениамина Зускина, возглавившего ГОСЕТ после убийства Михоэлса, также арестовали в декабре 1948 года и расстреляли в 1952 году вместе с другими еврейскими деятелями искусств. Вот такой драматический поворот произошел в судьбе процветающего театрального коллектива, хотя до этого, долгий предшествующий промежуток времени, сохранялось ощущение возрождения и процветания еврейской культуры, как оказалось, иллюзорное.

В нашей семье, разумеется, никто не предполагал подобного развития событий. Мы продолжали с увлеченностью отца помогать ему в его культуртрегерских начинаниях. Мама посещала большинство представлений, участвовала в творческих встречах с артистами, присутствовала на

Моя мама

общественных обсуждениях событий культурной жизни, была в центре внимания, принимая исполнителей у нас дома. Она была очень красивой, уверенной в себе женщиной с природным тактом и живым умом. В той мере, в какой я мог понимать происходящее, вовлеченность родителей в культурную жизнь города очень занимала меня. Помимо детских представлений, я успел просмотреть много классических спектаклей, на которые они брали меня с собой. Присутствуя на беседах, на встречах я невольно приобщался к знаниям в

области культуры, наблюдал манеры поведения в обществе. Думаю, что наша семейная культурная активность заразила и маму, и меня тягой к прекрасному, пробудила интерес к театральному искусству. Помню, как в дальнейшем мама, работая в школе учителем, создавала драматические кружки из учеников и ставила серьезные пьесы, например, "Разгром" по роману Александра Фадеева. Я даже помню, как исполнитель роли бородатого партизана -

небольшого росточка мальчик - по ходу сцены в лесу для придания значимости своему монологу забирался на табуретку. Как говорится, социалистический реализм и система К. Станиславского – в одном флаконе. Что касается меня, то я тоже возомнил себя актером и уже позже, учась в университете, сыграл в студенческом театре две эпизодические роли в популярных в те годы пьесах "Машенька" драматурга А. Афиногенова и "Старые друзья" Л. Малюгина. На этом мои артистические потуги, слава Богу, завершились. А вот любовь к искусствам, которую родители мне привили, осталась, потому что с того времен и до сих пор я слышу театралом и меломаном. Спасибо им за всё и за это тоже. Отмечу, что после описываемых событий у родителей постепенно пропал интерес к культурной жизни, а число носителей еврейской культуры резко пошло на спад: вместо неба, заполненного яркими звездами, – редкие вспышки звездочек не первой величины.

Я представил наш в общем-то привлекательный образ жизни: приемы гостей, развлекательные программы, обслуживание домработницы, поездки на курорт. Однако следует понимать, что такой она, наша жизнь, стала только в предвоенные годы, а точнее, после переезда в отдельную благоустроенную квартиру. До этого были мы, как герои Михаила Булгакова, цитирую, "обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их." Во взаимоотношениях с хозяевами, соседями в тот период, по-моему, присутствовало всё, как у классика: "мольбы, угрозы, кляузы, доносы, обещания произвести ремонт на свой счет, указания на несносную тесноту и невозможность жить в одной квартире с бандитами". С переездом в собственную квартиру ситуация существенно изменилась - исчезла значительная часть неприятностей, возникавших ранее при проживании в съемной квартире. Конечно, остались мелкие разногласия с соседями и внутрисемейные противоречия, но получение квартиры существенно улучшило качество нашего бытия. Поэтому я обязан рассказать, что собой представляло наше жилище и как нам удалось его получить. Система жилищного строительства в стране была неэффективной, и каждому гражданину приходилось искать лазейки и выкручиваться, чтобы решить свою жилищную проблему. Поэтому, когда власти разрешили строительство домов для собственного проживания, отец ухватился за эту возможность. Застройщикам – так назывались лица, вступившие на этот путь – разрешалось проводить реконструкцию недвижимого имущества группой лиц. Необходимо было найти подходящий строительный объект и сколотить коллектив для реализации проекта.

Такой строительный объект нашелся, когда в 1937 году техникум, в котором работал отец, переехал на новое место по улице Железной. Главное четырехэтажное здание использовалось для учебной работы. Позади него располагался большой прямоугольный двор. В постройках, размещенных по периметру двора, располагались вспомогательные службы. Вытянутое одноэтажное строение, образующее одну из боковых сторон двора, было предназначено для гаражей, мастерских, складов, пищеблока и т.п. и представляло собой единую линейку боксов, примыкающих друг к другу, каждый со своими воротами и дверями. Глухие задние стенки боксов по всей длине образовывали сплошную стену, эта стена определяла границу двора смежного с двором техникума. Двор по размеру был такой же большой, как техникумовский, но его остальные две стороны представляли сплошную жилую застройку, состоящую из плотно примыкающих друг к другу маленьких одно- или двухэтажных домиков. Застраивался этот архитектурный шедевр, я полагаю, не менее 100 лет, и состоял поэтому из очень разношерстных структур. Был среди них маленький домик, построенный из добротного красного кирпича; домик с претензией с миниатюрным балкончиком на втором этаже; несколько строений, напоминающих желтую коробку, построенные неизвестно из какого строительного материала; была даже одна мазанка. Предметом гордости был кирпичный общественный туалет в глубине двора, рассчитанный на трех посетителей и оборудованный сливной канализацией и кранами с водой для мытья рук. Во дворе было не менее 30 квартирок, и не во всех из них была канализация. Проживало же во дворе около 100 человек. Как читатель уже догадался, я так детально описываю соседний с техникумом двор потому, что здесь прошли мое детство и юность. Отсюда я через много лет ушел в люди, поехал завоевывать Москву.

Итак, повторяю, на момент освоения техникумом новой территории границей между техникумовским двором и соседним двором служило вытянутое в одну линию одноэтажное строение, начинающееся у главного корпуса и оканчивающееся в глубине двора. На длинной стороне строения, обращенной во двор техникума, располагались двери секций, на которые было разбито строение. Противоположная сторона строения, смотрящая на двор жильцов, была единой глухой стеной. Это одноэтажное строение и стало строительным объектом для будущей реконструкции. Предлагалось на всем его протяжении достроить второй этаж, состоящий из четырех однотипных двухкомнатных квартир. Выход каждой из квартир в жилой двор обеспечивался лестницей, закрепленной на внешней стене строения. Проектировалось создать единую систему коммуникаций (электричество, вода, канализация) для первого и

второго этажа получившегося двухэтажного дома. В коллектив для долевого участия должны были войти лица влиятельные и способные обеспечить успех стройки. После согласований, как говорят, в соответствующих инстанциях в список застройщиков вошли три сотрудника техникума, которому принадлежало строение, подлежащее переделке: заместитель директора по хозяйственной части Шпицер, парторг техникума Медник и, наконец, мой отец – заместитель директора по учебной части. Четвертым участником стал прораб строительного управления Литвин. У всех четверых были семьи с детьми и "квартирный вопрос" портил их жизнь. Шпицер обеспечивал материально-техническую и финансовую поддержку строительства, Медник - партийное обоснование необходимости проведения реконструкции; отец, думаю, реальной власти не имел и нужен был группе как вывеска, как символ законности и престижа проекта. У Литвина в руках были действующие строительные возможности. Если говорить в терминах нашего 21 века, все они могли использовать "административный ресурс", т.е. могли привлекать потенциал своих учреждений для решения личных задач.

Как бы там ни было, проект достаточно быстро прошел все стадии согласования, и в течение года здание было достроено. В соответствии с действующим в те годы законодательством, в судьбоносную для нашей семьи квартиру мы въехали как застройщики, на законных основаниях, хотя никаких прав собственности на построенную квартиру нам не дали. В квартире было две достаточно просторных комнаты, соединённых между собой дверным проемом; каждая комната имела вход из общего большого коридора, в котором вдоль стены стояла ванная. Кухня с электрическими розетками и журчащий туалет завершали сказочную картину. Большую комнату тогда использовали, как гостиную и спальню родителей, маленькую – как детскую. Из большой комнаты открывался вид на двор техникума, а из маленькой комнаты можно было увидеть весь наш двор от ворот до туалета. В центре двора росла его достопримечательность – огромная шелковица. К сожалению, я не помню каких-либо деталей, связанных с нашим переездом на новую квартиру, более того, я не помню никаких событий, связанных с нашим проживанием в первые годы после вселения. Утверждают, что люди обычно не помнят своего детства до 3– 5 лет, но я совершенно не помню своих сверстников из описываемого периода, т.е. почти до 8 лет. Интересно, что сейчас я отмечаю восстановление в памяти многих событий из первой половины моей жизни. События, произошедшие со мной в юношеские и зрелые годы, выглядят ярче и подробнее, нежели воспоминания из второй половины жизни. Например, имена друзей из моей юности я помню безошибочно, а людей из моего

окружения в последние 10-15 лет узнаю и вспоминаю с трудом. Подобная деформация памяти отмечается и признается многими. А вот отсутствие у меня воспоминаний в раннем детском возрасте кажется мне странным на фоне заявлений некоторых людей, что они помнят своих друзей и подружек по яслям, садикам и другим дошкольным заведениям.

Я прожил в новой квартире до начала войны несколько важных для моего развития лет, поступил в школу, с отличием окончил первые два класса. Похвальные грамоты сохранились у меня, как, впрочем, и похвальные грамоты за учебу во всех десяти классах средней школы. Но вот что странно: воспоминания о первом звонке, о друзьях по парте, о том, в какой школе я учился в начале пути, отсутствуют. Говорили, что я восприимчивый и трудолюбивый ребенок. И действительно, я легко и с удовольствием схватывал новый материал и свободно применял его в дальнейшем. Какой-то настойчивости или усидчивости не требовалось, мне просто нравилось учиться. Без напряжения я получал отличные оценки, но если возникала трудность, то я концентрировался и не успокаивался до тех пор, пока не получал нужный результат. Трудно преодолимыми для меня были физкультура и украинский язык. Я был физически хорошо развитым ребенком, но по росту отставал от своих сверстников, и поэтому иногда не укладывался в нормативы. Физкультурник понимал мои возможности, относился ко мне по-человечески и в некоторых случаях опускал планку до уровня, соответствующего моему росту. Украинский язык мне очень нравился, я считал его красивым и мелодичным, владел им, как родным, русским языком. Я бегло читал, свободно разговаривал, писал без ошибок, но, главное, знал наизусть массу стихотворений и больших отрывков из поэмы классиков украинской литературы. Однако, моя учительница украинского почему-то считала, что я, как не украинец, не в состоянии овладеть языком на высоком уровне, и мне приходилось затрачивать много усилий, чтобы доказать ей обратное. Я несколько отклонился от темы, увлекшись воспоминаниями о моем школьном образовании. Так вот, чтобы завершить, сообщу, что среднюю школу я окончил с золотой медалью. Но это произошло со мной через десять лет, в 1950 году, в самый разгар антисемитской компании, развязанной властями.

А теперь вернемся назад в мое раннее детство, когда смутные и фрагментарные воспоминания не позволяют еще описать происходящие события. В моей памяти первые устойчивые и цельные образы, объединенные в сюжет, связаны с попыткой родителей приобщить меня к музыке. Известно,

что судьбы музыкально одаренных детей всегда были привлекательным примером для подражания для родителей, желающих своим малышам успехов. Еврейские мамы в особенности восторгались выступлениями скрипачей-вундеркиндов Давида Ойстраха, Буси Гольдштейна, Иегуди Менухина и мечтали о подобной карьере для своих детей. Моя мама не была исключением и, приняв однажды решение сделать из меня музыканта, приступила к его реализации со свойственной ей настойчивостью. Поскольку вундеркинда можно сделать только из маленького мальчика, а мне к тому времени было уже восемь лет, действовать следовало незамедлительно. Музыкальное училище находилось за углом нашего нового дома на улице имени композитора Глинки. Для моего обучения маме порекомендовали студента выпускного курса, она договорилась с ним об условиях, привела к нам домой и познакомила меня с ним. Учитель оказался приветливым юношей, долговязым и длинноносым. Он пропел несколько коротких мелодий, постучал рукой по столу какой-то ритм и попросил меня все это повторить. На этом вступительный экзамен окончился, и он сказал, что можно приступить к учебе, но необходима скрипка. Вскоре мне купили скрипку-восьмушку, она была мне великовата, но меньшей не существовало. Заниматься мама предложила на открытом воздухе. Входная дверь нашей квартиры выходила на балкон, к которому примыкала лестница, спускающаяся во двор. На этом балконе на втором этаже и проходили наши уроки. Воспоминания об этих уроках игры на скрипке живут во мне по сей день, также, как и воспоминания о событиях, которые последовали примерно через два месяца учебы.

Должен сказать, что занятия мне не понравились с первого урока. Я быстро уставал от стояния, рукам тяжело было держать скрипку и смычок, звуки, получающиеся при пикировании, раздражали меня. В результате трудно было разобраться в нотах и понимать замечания моего наставника, а необходимость выполнять домашние задания бесила меня. Учитель был требовательный, но как помочь мне справиться с трудностями, видимо, не знал. Возможно, я был еще слишком мал и слаб, возможно, отсутствовали музыкальные способности. Наше противостояние с учителем нарастало. На втором месяце учебы хождение на занятия превратилось в каторгу. Так больше продолжаться не могло. Моя голова начала напряженно работать в поисках выхода из создавшейся ситуации. Виделся только один выход – прекратить занятия. Но как это сделать, я просто не представлял. Подойти к маме, объяснить, что мне не дается игра на скрипке, попросить её отменить занятия я не мог, потому что видел, какое счастье доставляет ей моя учеба. Тогда я решил имитировать обморок на уроке, разжалобить маму болезненным состоянием и попросить

освободить меня от музыки. Зная, как она трепетно реагирует на любое мое заболевание, можно было надеяться на успех моего замысла. Я хорошо представлял себе, как падают в обморок, потому что ранее посмотрел несколько кинокартин, тогда еще немых и чёрно-белых. На экране очаровательные барышни в кринолиновых платьях, предварительно подготовившись, чтобы не помять их и не повредить прическу, совершенно естественно падали в обморок по любому поводу и без повода по много раз в течение одного фильма. Заранее потренировавшись на нашем деревянном балконе, я на ближайшем уроке изобразил головокружение, положил скрипку на стол, закрыл глаза и осторожно, как бы в обмороке, улегся на облюбованное место на полу балкона. Пока я лежал с зажмуренными глазами, появилась мама, покудахтала надо мной, плеснула в лицо водичкой, и я решил, что пора приходить в сознание, открыл глаза, изобразил удивление, делая вид, что не понимаю, что со мной происходило все это время, и встал на ноги. Мама спросила, как я себя чувствую, я её успокоил и добавил, что причиной обморочного состояния является переутомление, вызванное занятиями музыкой. Не думаю, что я сыграл этот театральный этюд настолько убедительно, что родители поверили мне и приняли решение прекратить учебу на скрипке. Вероятнее, что их поразил сам факт того, что я мог пойти на такую мистификацию, чтобы избавиться от занятий по музыке. Как бы там ни было, на этом завершилось моё музыкальное образование.

Погрузившись в детские воспоминания, я вдруг с необыкновенными подробностями вспомнил еще один эпизод, предшествовавший только что рассказанной истории о моей скрипичной игре. В первые годы после въезда в квартиру я любил стоять в большой комнате, у окна, обращенного в техникумовский двор, и наблюдать за всем, что там происходит. А жизнь во дворе была ключом, ничего подобного я ранее не видел. Под нами был гараж, в котором стояли и ремонтировались три машины, днем они часто въезжали, выезжали, грузились и разгружались. Рядом с гаражом находился техникумовский склад, следом за ним находилась кухня, или, как говорили, пищеблок для студентов. Когда ворота кухни открывались, то аппетитные запахи через форточку в окне проникали в нашу квартиру. Последними в ряду были мастерские с металлообрабатывающими станками, на которых студенты учились работать. Противоположную сторону двора использовали для занятий спортом. Здесь студенты делали зарядку, бегали, играли в футбол, тренировались и соревновались. Когда я был маленьким, то воспринимал этот калейдоскоп механически, как отдельные образы и не запоминал их.

В память мне врезалось событие, произошедшее первого Мая 39-го или 40-го годов. Я наблюдал из окна за построением студентов, которые должны были принимать участие в праздничной демонстрации. Организатор шествия поставил их во дворе один курс за другим курсом по восемь человек в ряд, раздал знамена, портреты вождей, плакаты с лозунгами и провёл инструктаж, как следует себя вести, следуя в колонне демонстрантов. "Гвоздём" программы техникумовской колонны должен был стать летающий вождь. Портрет Сталина привязанный к связке шариков, наполненных гелием, должен был взлететь на праздничной площади в момент прохождения колонны техникума мимо правительственной трибуны. У меня на глазах, немного вдали от строящейся колонны, группа людей наполняла шарики гелием и уже начала подвязывать подготовленную связку шаров к портрету вождя. Совершенно неожиданно хвостик веревки выскользнул из рук студентов и медленно пополз вверх. Один из студентов подпрыгнул, пытаясь схватить уплывающую веревку, но налетевший порыв ветра дернул шарики в сторону, веревка тоже поменяла направление, студент не успел её схватить, и связка шариков, увлекаемая ветром, быстро помчалась вверх навстречу свободе. Не буду описывать состояние группы, надувавшей шарики и оставшейся с портретом вождя в руках, испуг и панику среди лиц, ответственных за прохождение колонны. Меня же в тот момент терзала одна мысль: вернутся шарики назад во двор и, если нет, то что же они будут на небе делать?

Описанные в моих детских воспоминаниях события приходятся на мирные годы, предшествовавшие войне. В моем сознании эти несколько лет отмечены каким-то светлым ощущением, полосой просветления между двумя тяжелыми жизненными периодами. Предшествующий период - трудные годы становления нашей семьи на новом месте, последующий период – война. А между ними узкий временной зазор, когда мы вселились в новую квартиру, появился какой-никакой достаток, стабильность в работе и учебе и, наконец, как казалось, немного снизился уровень репрессий. Появилось дополнительное свободное время, которое мы проводили вместе, всей семьей. Помню посещение фотосалона, где мне предложили на выбор сфотографироваться на детском велосипеде или верхом на игрушечном медвежонке на колесиках. Потом сделали групповые снимки: папа, мама и я. В салон папа пришел из парикмахерской постриженный, побритый и надушенный дорогим одеколоном "Шипр". На маме был модный атласный жакет, приобретенный в "Торгсине". От неё исходил запах духов "Красная Москва" – эти духи ей часто дарили на день рождения. Помню один такой праздничный день: за столом вся наша семья, родственники и несколько

гостей, мама наливает каждому в тарелку половником из большой супницы с ручками прозрачный куриный бульон. Семья у нас непьющая, но по поводу праздника каждому поставили на стол рюмку вина. После застолья папа в свойственной ему манере, совершенно неожиданно, громко прочитал полюбившееся ему хулиганское стихотворение поэта Александра Безыменского:

Гоцай, мама, да берби цюци,
Жизнь катилась на всех парусах.
Было время, и я был куцый,
И стихов еще не писал...

Цитата была, что называется, не в тему, ошарашила всех и разрядила скованную обстановку среди гостей. Один из них, юркий человечек с остроконечной коротенькой бороденкой, начал умело показывать карточные фокусы, затем другой – крупный актер русской драмы - рассказал несколько анекдотов, изображая персонажей в лицах, и все от души смеялись. Было очень весело. Хотя, как я теперь понимаю, не было никаких оснований для радости. Великие державы сцепились в смертельной схватке. Подписанные миролюбивые договоренности были насквозь фальшивыми и коварными. Не стоили они больше стоимости бумаги, на которой были написаны. По существу, война уже шла, но территории СССР она ещё не достигла. Оптимисты надеялись на мудрость своих вождей и прогнозировали бескровное завершение конфликта. Люди более прагматичные или более осведомленные предрекали мировую войну.

Глава 3

Война

Привычное течение мирной жизни нарушила война. Её ждали, но она всё же пришла внезапно. Приближался отпуск, у родителей и у меня школьные каникулы совпадали и составляли два месяца. Мы обдумывали самые невероятные планы предстоящего летнего отдыха, когда пришло сообщение о начале военных действий. Безмятежное состояние сменилось на беспокойное. Через два дня после начала войны было создано Советское Информационное Бюро (Совинформбюро). Передаваемые им сводки о ходе войны с каждым днем вызвали все большую тревогу. Немецкие войска на протяжении всей

линии фронта стремительно продвигались в глубь территории Советского Союза. Можно было ожидать, что Днепропетровск будет захвачен через несколько месяцев. Страшила перспектива оказаться на оккупированной территории. Помимо сводок, скудных, не очень достоверных газетных сообщений и слухов не было информации, которая позволила бы оценить надвигающуюся опасность. И уж никто в то время не мог предполагать, какую угрозу жизни несет фашистское нашествие для еврейского населения.

Насколько я помню, вопрос: "ехать или не ехать?" в нашей семье не стоял, но сам отъезд в первые две недели сводился к беспредметной болтовне. Надо отдать должное маминой интуиции и деловитости. Она сразу же почувствовала смертельную опасность, приняла решение о необходимости немедленного отъезда в глубь страны. Мама подключила все связи, всех своих друзей для поиска реального пути для быстрого выезда из города, приступила к сбору вещей и нашей экипировке в дорогу. Между тем в стране уже полным ходом шло крупномасштабное перемещение промышленных предприятий и населения из угрожаемых зон в восточные регионы. Из Днепропетровска ежедневно отправлялось по несколько поездов с оборудованием и людьми. Выезжали специалисты предприятий, жены военнослужащих, детские заведения, сотрудники культурных и научных учреждений. Короче говоря, эвакуацией были охвачены все слои населения города. Формированием эшелонов с людьми занимались городские власти, переезжающие предприятия, общественные организации. Мама промчалась по всей этой чиновничьей цепочке, получила для нашей семьи эвакуационное направление на очередной отъезжающий поезд, и в первой половине июля 1941 года (точной даты я не помню) мы прибыли на сортировочную железнодорожную станцию, нашли эшелон, стоящий на путях, и погрузились в указанный в направлении вагон. А на следующий день к составу подали паровоз, и вскоре мы покинули город.

Я рассказываю о последних событиях таким сухим языком потому, что у меня нет нужных слов, чтобы выразить тот эмоциональный стресс, который мне пришлось перенести, начиная от прощания с родным домом, соседями, друзьями и кончая погрузкой в товарняк. На российских железных дорогах крытые товарные вагоны обычно использовались для перевозки различных грузов. Однако вагон имел конструктивную возможность его быстрого приспособления под перевозку людей, для чего внутри устанавливались двухъярусные нары и вагон утеплялся. Подобные вагоны в народе назывались "теплушками". Некоторые вагоны переоборудовались частично из-за

недостатка времени или материалов. Именно в таком вагоне, где нары были закреплены только с одной стороны, мы и поселились. Нам досталось место на полу в углу на необорудованной стороне вагона. Это место в вагоне было наименее проветриваемым, и поэтому днем, пока погода была теплой, мы изнывали от жары. Зато, когда мы в конце пути перевалили за Урал и ночи стали прохладными, на нашем месте условия были комфортнее, чем в

продуваемых частях вагона. Всего в нашем вагоне было прописано около сорока человек, половина из них составляли дети.

Когда прошел шок после столь радикального изменения жизненного уклада, мы оглянулись вокруг и начали знакомство с нашими попутчиками. Оказалось, что половина вагона занята женами офицеров с детьми, вторая половина - семьями служащих, работников культуры и учителей. Среди них были мужчины всех возрастов: несколько стариков, несколько человек среднего возраста, два инвалида и двое юношей. У папы была сильная близорукость и он был признан ограниченно годным к воинской службе, в мирное время получил младшее офицерское звание по интендантской линии. В самом начале войны он пошел в военкомат с просьбой призвать его, но его отправили домой и попросили не путаться пока под ногами. Думаю, что и у остальных мужчин были причины, по которым они оказались с нами в одном вагоне, а не воевали на фронте. Что касается детей, то с возрастным их составом мне не повезло: группа подростков 12-14 лет смотрела на меня свысока и не принимала в свою компанию, а остальные детишки были сущей мелюзгой от одного до пяти лет, с которыми мне неинтересно было играть. Я не был особо огорчен отсутствием ровесников, потому что путешествие все больше и больше увлекало меня, я получал массу новых впечатлений и знаний. Сам вагон с его жильцами теперь уже напоминал мне мой родной двор, а к бытовым неудобствам я скоро привык.

Наш поезд, как и другие эвакопоезда, двигался рывками: пробежав быстро расстояние между двумя станциями, он обычно останавливался на свободном пути, или на запасных путях, или на сортировке, где он мог застрять надолго. По основной колее мимо нас проезжали во встречном западном направлении военные эшелоны с танками, орудиями, машинами на открытых платформах, с военнослужащими, которых также перевозили в товарных вагонах, а также пассажирские поезда, следующие по расписанию. В обратном, восточном направлении прежде всего пропускали составы с ранеными, с оборудованием

передислоцируемых военных заводов, а затем уже наступал черед для эшелонов с эвакуируемыми людьми. Стоянки затягивались на много часов, а на одной очень загруженной узловой станции мы простояли почти сутки. Самым неприятным в этих вынужденных простоях было то, что продолжительность стоянки была неизвестна. Приходилось все время находиться в вагоне или в непосредственной близости от него. Об отъезде состава со станции сообщалось за несколько минут до начала движения. Залезть без посторонней помощи в раздвижную дверь товарного вагона, находящуюся на высоте не менее одного метра от земли, даже для взрослого мужчины было не простой задачей, а для женщины и ребенка необходима была поддержка и изнутри вагона, и с земли. Посадка в вагон занимала много времени. Поэтому удаляться далеко от состава было опасно, риск отстать от поезда был слишком велик. Драматические истории о детях и даже о взрослых людях, которые пренебрегли этими предостережениями и потерялись в многомиллионном потоке беженцев, передавались из уст в уста. Когда на стоянках мы выходили на прогулку, то мои родители настороженно следили за мной и за другими детьми из нашего вагона.

Все пассажиры вагона уже познакомились и помогали друг другу, чем могли. Мама сблизилась с нашей соседкой - женой полковника. Это была яркая, я бы сказал, броская женщина и любительница поговорить. С ней были два сына и дочка, Мальчики были постарше и очень спокойные, а вот малышка была своеобразным ребенком – непоседливым и капризным, за ней нужен был глаз да глаз. Она плохо ела в мирное время, война ничего в ней не изменила – в условиях нашего весьма ограниченного рациона питания маме приходилось заставлять её хоть что-нибудь съесть в течение дня. Для большинства детей в нашем вагоне бутерброд с тоненьким слоем сливочного масла считался деликатесом. Когда её мама пыталась её накормить подобным бутербродом, то девочка по своей прежней привычке слизывала или сгрызала верхний слой хлеба с масляной стороны, а оставшийся хлеб во время игры незаметно выбрасывала. Чтобы как-то решить проблему, её мама однажды отрезала хлеб тонюсеньким прозрачным ломтиком и намазала его маслом с обеих сторон. Благодаря такому ухищрению девочка вынуждена была съесть бутерброд целиком. Мама девочки была довольна и сказала всем, что она напишет папе на фронт, какая у него умная дочка. Думаю, что она не шутила, потому что отправляла весточки мужу каждый день.

После нашего отъезда в июле месяце 1941 года поток эвакуируемых достиг своего максимума. Объём эвакуации был настолько велик, что для её

проведения использовалась почти половина всего вагонного парка страны. Через приоткрытую дверь и через небольшие отверстия в обшивке вагона я видел эшелоны с эвакуируемыми и впереди нас, и позади, и на параллельных путях, справа и слева. Для того чтобы обеспечить движение такого большого числа составов по трассе, расстояние между ними сокращали до минимально допустимого. Железнодорожник, сопровождавший наш состав, рассказывал, что на железных дорогах, прилегающих к линии фронта, поезда действительно иногда двигались друг за другом, соблюдая дистанцию, равную тормозному пути. В прифронтовой зоне нормальной работе транспорта очень мешали налеты немецкой авиации, по мере удаления от фронта вероятность бомбардировок уменьшалась, на завершающих участках эвакуационного пути налеты были редкими. За все время путешествия в Западную Сибирь наш эшелон дважды попадал под бомбежки. Один раз это было ночью в самом начале пути. Мы услышали звук самолетов, пролетающих на большой высоте и вслед за этим услышали разрывы бомб, упавших справа и слева от нашего состава, не причинив нам вреда. Поезд проезжал по лесистой местности, машинист немного снизил скорость, чтобы продлить время скрытого движения в лесном массиве, но вскоре мы услышали, что самолеты удаляются, и вздохнули с облегчением. На ближайшей продолжительной стоянке состава все эвакуанты, как нас теперь называли, высыпали из вагонов и принялись бурно обсуждать происшествие, пытаясь понять, в какой инцидент мы ночью влипли и почему нам так повезло, но так и не пришли к единому мнению.

Под вторую бомбежку мы попали через день в дневное время, проезжая по равнинному, совершенно открытому участку дороги, попали в передрагу не в качестве жертвы нападения, а как зрители. Рев самолетов и звуки разрывов мы услышали за несколько минут до того, как увидели место трагедии. Стоящие у приоткрытой двери нашего вагона мужчины могли лишь разглядеть и сообщить всем, что впереди на нашем пути стоит состав на расстоянии в несколько километров. В это время мы уже почувствовали, что наш эшелон резко затормозил движение. После полной остановки из первого вагона мгновенно, видимо по команде, начали высаживаться пассажиры и быстро убегать от железнодорожного полотна в обе стороны. Люди из остальных вагонов немедленно последовали их примеру и, отбежав на сотню метров от вагона, сели или легли на землю. Впереди отчетливо был виден неподвижный состав, у которого при попадании бомб были разрушены два вагона: один в начале состава, другой – посредине. Люди из этого поезда также разбежались во все стороны и лежали на земле, потому что спрятаться было негде. Людей было вдвое меньше, чем в нашем эшелоне. Можно было предположить, что

среди них были раненые и, наверное, убитые – рассмотреть детально было невозможно. Состав, по-видимому, был смешанный – часть вагонов была загружена оборудованием. Немецкие самолеты (их было пять или шесть) продолжали бомбежку состава. Они взлетали вверх, пикировали, сбрасывали бомбы, расстреливали лежащих людей. Все это продолжалось не более трех минут, затем они пролетели над нашим составом, не обращая на нас внимания, и вскоре исчезли из поля зрения. У пассажиров нашего эшелона создалось впечатление, что мы наблюдали конец операции, проводимой немецкой эскадрильей по специальному заданию, направленному на уничтожение конкретного поезда. Удивил нас также тот факт, что, несмотря на значительную продолжительность бомбежки состава, никакого отпора или сопротивления со стороны советских воздушных сил мы не отметили. На том месте, где мы экстренно остановились, наш поезд простоял до вечера, пока в составе, подвергшемся нападению, отцепляли разбитые вагоны и ремонтировали поврежденные участки пути.

Конечно, график движения поездов на нашем направлении был нарушен, но к чести Наркомата Путей Сообщения надо сказать, что его службы умело справлялись с такими помехами и быстро восстанавливали порядок продвижения эвакуационных поездов. При крупных железнодорожных узлах были организованы эвакуационные пункты и пункты питания. Так что, когда наш эшелон прибыл на следующую станцию, нас ждал горячий суп, каша и буханка хлеба на семью. Для нас – полуголодных эвакуантов – это означало, что жизнь продолжается. Когда мы подъезжали к Уралу, эвакуационные пункты были уже доукомплектованы, и поезда с эвакуированными не только встречали и провожали, но и оказывали врачебную помощь, осматривали вагон и его санитарное состояние. Через несколько дней наш эшелон въехал на землю Западной Сибири, представлявшую собой конечную цель нашего путешествия. Более миллиона человек приняла Западная Сибирь, обеспечив беженцам спасение от фашистского порабощения. В местах, из которых эвакуируемые (иногда так называли эвакуируемых людей) выезжали, им выдавали документы, в которых были точно указаны пункты назначения. Предлагалось строго выполнять предписание, поскольку эти пункты были заранее согласованы и местные власти были обязаны трудоустроить прибывших по профессии и помочь с жильем. В направлении, полученном мамой при нашем отъезде, конечным пунктом приема значился районный центр Курганской области Белозёрское - небольшая деревня севернее города Курган. Здесь нам предстояла сложная психологическая и климатическая адаптация к нелегким новым жизненным условиям.

В нашем вагоне вместе с нами эвакуировалась ближайшая родственница – жена родного младшего брата моей мамы, который был призван в армию и служил солдатом в действующей на фронте части. Звали её Лиза, вместе со своим трехлетним сыном Леной она получила направление в то же село Белозёрское, что и мы. Наблюдая за нашими соседями по вагону, я обратил внимание, что с некоторыми из них отец изредка перебрасывался фразами на идиш. Познакомившись с членами их семей, я подсчитал, что в нашем вагоне едет примерно 12-14 евреев. Намного позднее из данных статистического управления я узнал, что в потоке эвакуированных людей доля русских составляла 52,9%, евреев – 24,8%. Иными словами, четверть эвакуантов из оккупированных или опасных районов были евреями. Такой относительно очень высокий процент евреев обусловлен тем, что нацизм нес им не унижения, порабощение, рабство – нацизм нес евреям гибель. Тем временем наш эшелон, преодолев примерно за 20 дней расстояние в 2200 километров, въехал на железнодорожный вокзал областного города Курган. Здесь нас уже встречал представитель эвакупункта. Неуклюже пошутив: "С вещами на выход!", он, доброжелательно улыбнувшись, помог сложить наш нехитрый

скарб на самодельную тележку и вывел нашу группу из станционного здания на привокзальную площадь. По сравнению с заасфальтированной архитектурно оформленной днепропетровской площадью, площадка перед курганским вокзалом выглядела маленькой и старомодной. С одной стороны пятачок, вытоптанного перед зданием вокзала, находилась торговая палатка и несколько столов, на которых женщины в фартуках разложили товары на продажу; с другой стороны – привязь для лошадей и водяная колонка. Наш сопровождающий сразу же повел нас в направлении привязи, где в ряд стояло несколько лошадей, запряженных в телеги. Извозчики стояли рядом со своими лошадьми и выражали готовность отправиться в путь вместе с грузом и людьми. Сопровождающий быстро разобрался, из какого хозяйства прибыла та или иная телега и, проверив документы всех членов шедшей с ним группы, развел нас по телегам.

Наша семья, а также тетя Лиза и Леня оказались вместе в четырехколесной одноконной безрессорной повозке. Дно телеги было устлано толстым слоем соломы и покрыто сверху брезентом. Мы сложили свои вещи в заднюю часть телеги, а сами сели на дно спиной к боковым стенкам телеги, извозчик взобрался на переднее сиденье, взмахнул кнутом, и наш экипаж тронулся в путь. Четыре человека из группы остались без транспорта на лошадиной

стоянке. Однако, когда мы уже выезжали на дорогу, повозка, такая же как наша, завернула на площадь в направлении стоянки. Я заметил, как извозчик повернул голову в сторону нашего сопровождающего и помахал ему рукой, и я отметил про себя, как слаженно работает в Сибири железнодорожный и гужевой транспорт. Лошадка нам досталась сильная, с нагрузкой справлялась легко и в черте города бежала очень проворно. Когда же мы выехали за город на дорогу, накатанную колесами других телег, скорость немного снизилась. Взглянув на небо, закрытое сплошными облаками, я вспомнил солнечный жаркий июльский день двадцать дней тому назад, когда мы покидали Днепропетровск, и подумал, что здесь таких ярких дней, наверное, не бывает никогда. Погода была безветренная, но достаточно прохладная, и я порадовался, что мама перед выходом из поезда заставила нас надеть на себя теплую одежду. Телега раскачивалась на ухабах, и я под цокот копыт вскоре задремал, а когда часа через три проснулся, то увидел, что наша телега проезжает мимо столба, на котором закреплен указатель с надписью: "д. Белозёрское".

Подуставшая лошадка не спеша тащила нашу телегу по главной улице деревушки. Справа и слева вдоль дороги на большом расстоянии друг от друга стояли одноэтажные индивидуальные домики, построенные из толстых

подогнанных бревен. По конструкции дома были очень схожи между собой, крыши у всех домов были покрыты одной и той же черепицей и даже наличники окон и дверей были покрашены одним цветом. Людей на улице не было видно, пока мы не выехали на центральную площадь. Здесь же, наоборот, наблюдалось оживление, в особенности возле магазина. На противоположной стороне улицы сразу же бросалось в глаза двухэтажное здание административного типа с тремя фасадными дверями. Над правой дверью висела надпись: милиция. У центрального входа стояла привязь для лошадей точно такая, какую мы утром видели на привокзальной площади. Наш извозчик сразу же подъехал к ней, привязал лошадь, прошел в здание и, через минуту вернувшись, пригласил нас пройти на прием к председателю сельсовета. Это был мужчина среднего роста в военной гимнастерке, слегка прихрамывающий. Он приветливо поздравил нас с приездом и после рукопожатий и знакомства сообщил, что папе и маме предоставлена работа учителями в сельской школе, а тете Лизе - работа воспитательницы в детском саду. Он сказал, что, кроме этого, нам выделяют жилье и окажут первую

помощь, как эвакуированным. Выслушав нашу благодарность, председатель предложил пройти к секретарше за получением направлений на работу, временных удостоверений и продовольственных карточек. Провожая нас из кабинета, он добавил, что извозчик ждет нас и довезет до места.

Эвакуационная система работала без сбоев, и ночевали мы уже в отдельном домике. Домик находился на окраине деревни рядом со школой, как потом оказалось, он располагался на территории школы и принадлежал ей. Дом представлял собой бревенчатую избу, разделенную внутри на три помещения: сени, светлая горница с русской печью и еще одна небольшая комнатка. Домик, в который заселили тетю Лизу с Леной, находился на той же улице, что и наш; был он поменьше нашего, и вместе с ними проживала одинокая эвакуантка, приехавшая неделей раньше. Проведя несколько недель на полу грузового вагона, мы уже привыкли к тяготам, выпадающим на долю перемещаемых лиц, но надеялись, что после прибытия к месту назначения наши жизненные условия улучшатся. Однако, оглядевшись, мы поняли, что на

новом месте нас ожидают тяжелые испытания. Изба, в которую нас заселили, была пустой. Правда, в центре горницы стоял самодельный стол: на двух сбитых попарно крест-накрест опорах, называемых строительными козлами, сверху были прибиты несколько настированных досок, образовавших столешницу. Это была единственная мебель в избе, если не считать деревянный настил, устроенный под потолком между стеной избы и русской печью. Называется это сооружение полати, и на полатах отлично спится ночью, так как печь долго сохраняет тепло.

Продолжив осмотр нашего жилища, мы обнаружили много необычного и совершенно нам незнакомого. Недалеко от входной двери в полу находилась деревянная крышка с кольцом, подняв которую мы увидели лаз с лесенкой, ведущей в подпол. Обойдя избу, мы нашли, что она по всему периметру в нижней части стены охвачена завалинкой, представляющей пристройку к цоколю, наполненную, по-видимому, каким-то теплоизоляционным материалом, напоминающем опилки. С тыльной стороны избы находился небольшой сарайчик; как выяснилось по запаху, это был свинарник с загонами для поросят и стойлами с кормушками для отдельных свиней. Во всех уголках

этого хозяйства видны были следы разрухи и запустения. Приусадебный огород, расположенный за домом, порос многолетним высоким бурьяном. Сменив среду обитания – городскую на сельскую – мы должны были сменить и образ существования: начать жить на земле так же, как все сельские жители. Местные жители, в основном колхозники, получали за труд оплату чисто символическую виртуальными трудоднями-палочками, а выживало сельское население исключительно за счёт подсобного хозяйства. Сейчас как раз наступила уборочная пора, и все были заняты заготовкой продуктов на зиму. Дрова для отопления у большинства жителей также были запасены.

Что касается нашего материального благосостояния, то единственным его гарантом были продовольственные карточки на пайку хлеба, соль и сахар на каждого члена семьи. Продукты по карточкам продавались по так называемым пайковым ценам, которые были ниже, чем цены в коммерческой торговле. Самая низкая норма для иждивенцев и детей до 12 лет доходила до 300 грамм хлеба в день. Относительно этой нормы уже в конце войны появился такой анекдот. На Ялтинской конференции, когда решалась судьба Гитлера, то каждый из руководителей трех стран США, Англии, СССР предложил свое наказание. Рузвельт – казнить на электрическом стуле, Черчилль – повесить, Сталин – посадить на иждивенческую карточку. Узнав, что это такое, Рузвельт и Черчилль согласились, что более страшной казни придумать невозможно.

Нам предстояло пережить суровую сибирскую зиму без реальных источников пропитания, потому что зарплата в военное время потеряла свою покупательную способность. Вот с такими невеселыми мыслями наша семейка на следующий день после заселения пошла устраиваться на работу к директору Белозерской школы. Кабинет директора располагался в отдельном бревенчатом домике рядом с двухэтажным кирпичным школьным зданием. От нашего дома до учебного здания было не более 300 метров. Несмотря на школьные каникулы, директор был на месте. Принял нас он очень радушно, сказал, что о нашем прибытии осведомлен и ждал нас. Сообщил, что во многих сельских школах Сибири наблюдается дефицит учителей-профессионалов, и его школа не является исключением. Поэтому с учебной нагрузкой проблем не

будет, и он может предложить моим родителям количество часов, в полтора раза превышающее нормативное, а также предложил взять на себя классное руководство.

Звали его Василий Пантелеевич, говорил он очень быстро, громко и чрезмерно жестикулировал. Он мне очень напомнил нашего знакомого днепропетровского артиста, у того тоже был такой же голос, и такой же острый большой нос. Позже, присмотревшись к Василию Пантелеевичу, я заметил его сходство с Наполеоном и в дальнейшем у себя в голове всегда отождествлял его с Бонапартом.

- Ну, а ты, дружище, не собираешься ли продолжить образование в нашем учебном заведении? – обратился он ко мне.

- Собираюсь – ответил я, а папа протянул ему мою похвальную грамоту за второй класс.

Вот, и ладненько, - нам отличники нужны. Считаю себя зачисленным в третий класс Белозерской средней школы. Поздравляю! – произнёс он, пожал мне руку и сразу же обратился к родителям:

- Давайте покончим с формальностями – пишите заявления, а я подготовлю приказ о приеме вас на работу с сегодняшнего числа. Все вопросы вашей занятости в учебном процессе решите с завучем, он во время каникул приходит на работу с утра по вторникам. А теперь извините меня, я на несколько минут отлучусь, а потом расскажу вам кое-что о нашей школе.

Вернувшись, он действительно рассказал нам о школе много нового. Мне особенно запомнилось описание подсобного хозяйства, которое было создано при школе несколько лет тому назад. Он назвал общую площадь сельскохозяйственных угодий, перечислил выращиваемые культуры: картошка, морковка, лук, брюква и другие. Оказалось, что в хозяйстве имеется даже небольшая животноводческая ферма, производящая свинину и молоко для школьной столовой. Столовая была предметом особой гордости директора. Здесь ежедневно кормили обедом учеников бесплатно, а учителей – за умеренную плату. В хозяйстве значительная часть работ, в особенности в поле и в хранилище, выполнялась учителями и школьниками, хотя, конечно, техникой, семенами, молодняком школьному хозяйству помогал шефствующий колхоз, а на ответственных участках работало несколько наемных работников. Папа поблагодарил Василия Пантелеевича за впечатляющий рассказ о школе, напомнил, что первую ночь мы провели в

абсолютно пустой избе, и поинтересовался, не предусмотрена ли какая-либо помощь беженцам, не имеющим средств на первичное обустройство. Директор живо откликнулся на просьбу, сказал, что он минуту назад разговаривал с завхозом школы, что мы сейчас вместе пройдем к нему на склад, и директор даст поручение подобрать на складе комплект посуды, инструментов и предметов быта из имеющихся в наличии.

- Петрович, познакомься. Это товарищи с Украины. Бежали от фашистов в чем были. – обратился директор с ходу к завхозу, как только мы зашли на склад, и продолжил, - Работают у нас учителями. Заселились в пятый дом, а в нем, сам знаешь, - голо. Там уж сколько лет никто не живет. Чем можешь – помоги. Оформись в книге на отдельном листе, пусть распишутся в получении, а я завизирую, как помощь беженцам. Мы, сибиряки, не можем оставаться равнодушными к страданиям наших сограждан! – артистично и с пафосом закончил он.

- Да, и вот еще что,- подумав, добавил он, - оставьте Петровичу заявление на дрова с завозом в августе. Нам доставляют дрова прямо из лесхоза – домой. Сотрудникам школы положена дотация, поэтому цена самая низкая. Можете оплатить дрова бухгалтеру с первой зарплаты. И на сём я откланиваюсь. Приходите в начале следующей недели и составим график вашей работы на этот месяц.

Василий Пантелеевич исчез, оставив нас наедине с Петровичем, который оказался доброжелательным старичком и исполнительным сотрудником. Он повел нас по складу между стеллажами, снимая с полок те вещи, которые казались ему предметами первой необходимости, занес эти предметы в амбарную книгу и попросил папу расписаться на каждой строчке. На складе хранились инструменты и материалы, необходимые для работы столовой и для работы в поле. Со склада мы уходили груженные бесценными наборами алюминиевых тарелок, ложек, вилок, двумя лопатами, граблями и тяпками, двумя ведрами – оцинкованным и эмалированным, тремя ватными подушками, ухватом, чугунным горшком, двумя алюминиевыми кастрюльками и таким же чайником, тремя вениками и половыми тряпками, тремя металлическими кружками и пятью гранеными стаканами, метлой, двумя совками, кочергой и деревянной лопатой для уборки снега. Петрович компактно упаковал все это богатство, так что мы без особого напряжения смогли доставить вещи домой. Нашему счастью не было предела! День задался, настроение было

приподнятым, но очень хотелось есть, и мы без промедления помчались искать магазин, в котором можно было отоварить наши продовольственные карточки.

Так началась наша, как теперь принято говорить, абсорбция в сибирскую действительность. Голод и холод – вот те главные проблемы, которые нам предстояло преодолеть. Наша дальнейшая жизнь в Белозерке – это борьба за выживание в достаточно трудных условиях. Часто, укладываясь спать с не проходящим ощущением голода, я задумывался о том, почему не могла продолжиться наша прежняя сытая и устроенная жизнь, зачем нам нужны такие испытания? И не находил ответа. Много лет позже я познакомился с формулой замечательного русского поэта Александра Кушнера:

"Времена не выбирают, в них живут и умирают...
...Время - это испытанье. Не завидуй никому. "

Думаю, что эти стихотворные строки дают ответ на мой вопрос. Следует просто смириться с тем, что судьба моего поколения сложилась так, что нам в детском возрасте пришлось пережить невзгоды, приносимые большой войной. Все три года нашего пребывания вдали от линии фронта, как говорят, в глубоком тылу представляли собой вереницу трудных испытаний. Самым тяжким периодом в нашей эвакуации стала зима сорок первого и весна сорок второго. Чтобы выжить, мы с самого начала всеми силами стремились приспособиться к существующим обстоятельствам. Привели в порядок жилье, расчистили пространство вокруг избы, разложили привезенные вещи, приучились пользоваться посудными принадлежностями и инструментами, которыми нас снабдил Петрович, в сельмаге подкупили недостающие бытовые вещи, например, три матраса набитых соломой и деревянную табуретку. Через две недели нам действительно, как и обещали, завезли два куба готовых к употреблению дров, которые мы аккуратно сложили у задней стены избы на специально отведенное для дров место. В это время у нас уже появился консультант по среде обитания. Это был мужчина пожилого возраста, поджарый и достаточно бодрый, который ежедневно утром и вечером проходил по дорожке перед нашим домом. Мы с мамой выяснили, что он наш сосед, решили познакомиться с ним и однажды утром, когда он шел на работу, подошли к нему, представились и попросили его помочь нам первый раз разжечь русскую печь в нашей избе. Он отнесся к просьбе со всей серьезностью, по-деловому выяснил, вычищена ли печка и имеются ли дрова, и пообещал после возвращения с работы зайти к нам. Вечером он появился, держа в руках рюкзачок с инструментом.

- Василий Николаевич, землемер, - представился он и добавил, - Живу в девятом доме с женой и дочкой. Сын живет в центре деревни, у него уже своя семья.

Первым делом он осмотрел дымоход и даже умудрился заглянуть в дымовую трубу. Потом достал из рюкзака маленький топорик, выбрал сухое полено и позвал нас посмотреть, как готовят лучины для растопки печи. Ловко манипулируя топориком, он отсекал от полена тонкие длинные щепки, так что через несколько минут на полу образовалась гора щепы.

- Нам потребуется половина от того, что я нащепил, - сказал Василий Николаевич, набирая в руки пучок лучин. – Остальные используете при следующей растопке.

В центре нашей избы стояла большая русская печь из кирпича, которая занимала примерно треть горницы. Такие печи используют и для отопления, и для приготовления пищи. Положив на дно несколько поленьев, Василий Николаевич поверх них соорудил из лучин шалашик, обложил все это газетной бумагой и поджег её спичкой. Огонь быстро охватил пучок лучин и перекинулся на поленья, а Василий Николаевич начал быстро забрасывать внутрь печи дрова. Через несколько минут мы уже стояли у полыхающей печки. Наш сосед объяснил нам, как с помощью дверец, вьюшки и задвижки можно управлять скоростью горения дров в печи, каким образом следует закрывать заслонку после сгорания дров, чтобы сохранить тепло в печи и не угореть самим. Он удивился, что мы уже приготовили новенькие ухват и кочергу. Мы ответили, что вещи нам подарили, но как ими пользоваться – не знаем. Он лихо показал, как с ними обращаться и для чего они необходимы: прочистил колосники кочергой, и подхватив горшок на ухват, несколько раз вставил и вынул его из горнила печи. Затем мама поблагодарили нашего гостя за доброту, на что он ответил, что был рад помочь нам и что при необходимости мы можем к нему обращаться. Уже уходя, он оглядел комнату, обратил внимание на её скудную меблировку, задумался на минуту и сказал, что у него на чердаке лежит ненужная старенькая, но достаточно крепкая лежанка, которую он может безвозмездно отдать нам. Папа сразу же ответил, что лежанка очень нужна нам, так как нам просто не на чем спать, и мы с благодарностью примем подарок. Василий Николаевич обещал, что завтра по дороге на работу он занесет её и оставит у нас во дворе.

Мы вышли вместе с ним и проводили его до калитки, а когда вернулись в избу, то были приятно поражены теплом, которое уже успело от печки распространиться по всей комнате. Еще примерно полчаса я крутился вокруг печки, любуясь языками пламени, перебегающими по догорающим дровам. Потом я забрался на полати, развалился на печной лежанке, почувствовал благодатное тепло кирпичей, приятный запах соломы в мягком матрасе и мгновенно заснул. Наутро обнаружилось, что в избе – тепло, и вода в чугушке, оставленном в печи, тоже сохранила тепло. Выяснилось, что нет необходимости кутаться во все наше тряпье, чтобы согреться, а умыться и почистить зубы можно было теплой водой. Комфорт обалденный!

Но главное достижение отопления было не в этом, а в том, что в избе поменялся воздух. Когда мы въехали в избу, то тщательно почистили и протерли пол, стены, потолок, но избавиться от затхлости, присущей нежилому помещению, устранить запах плесени, не смогли. После того, как избу начали протапливать, атмосфера в ней совершенно изменилась – запахло жильем. Василий Николаевич, как и обещал, принес прочный лежак. Когда мы набросили на него красочное покрывало, привезенное из Днепропетровска, лежак превратился в диван. Мы прислонили его к стене напротив печки. На этой стене мы уже давно заметили розетку и проверили, что она подключена к сети проводного радиовещания. Такие розетки к этому времени были установили в стране во всех городских квартирах и в большинстве домов в деревнях. В такую радиоточку вставлялась вилка громкоговорителя, который стал главным инструментом массовой информации. В народе громкоговоритель называли репродуктор или радиотарелка, потому что основной элемент громкоговорителя представлял конический рупор из плотной черной бумаги. Такую тарелку в тот же день мы купили за небольшие деньги в магазине, закрепили на стене, подключили к розетке и услышали последние новости с фронта. А вечером, когда мы впервые самостоятельно разожгли печь, и в избе стало тепло и уютно, мы включили радио и из репродуктора полилась знакомая музыка. Уставшие за день, мы взобрались на импровизированный диван, уселись рядышком близко-близко друг к другу и почувствовали, что наша семья обрела домашний очаг.

Глава 4

В эвакуации

Незадолго до начала учебного года директор объявил мобилизацию учителей и старшеклассников на уборку картошки на пришкольном участке. Оставить меня одного в избе родители не решились, и потому в назначенный день к зданию школы мы пришли втроем. Ученики во дворе школы обменивались новостями и играли в футбол, а учителей директор собрал в учительской для инструктажа.

- Рассаживайтесь. Все устроились? Тогда начнем. Дорогие коллеги, каникулы окончились. Приступаем к работе. Я вижу, что собрались все - без исключения. Обрадую вас - наш коллектив увеличился на два человека. У нас теперь работают два новых учителя, - представил Василий Пантелеевич маму и папу, - Зинаида Савельевна и Самуил Петрович. Они эвакуированы из Украины, из мест, временно оккупированных фашистскими захватчиками. Поближе познакомьтесь с ними сегодня на картошке, а в дальнейшем во время совместной работы. Прошу любить и жаловать. Теперь о наших ближайших планах. Вы хорошо знаете, что опаздывать с началом уборки картошки нельзя. Я вчера с агрономом осмотрел наше поле. Клубни в земле дозрели окончательно, кожура достаточно толстая. Приступать надо немедленно. До конца недели мы должны её всю выкопать. С шести часов на нашем поле уже работает колхозная картофелекопалка. К двенадцати должна подъехать полупролетка из МТС для перевозки картошки на складской двор. Погода, как видите, отличная, и дождей по прогнозу не будет еще неделю-две. Надеюсь, что до закладки в хранилище успеем картошку и подсушить, и рассортировать. Работаем целый день с перерывом на обед. Обед подвезем в поле. Тимофеевна уже на кухне, обещает к двенадцати управиться. Петрович уже выставил на дорогу перед конторой ведра, лопаты и мешки. Каждый учитель собирает свой класс, переписывает учеников, берем по дороге инструмент и класс за классом идем на ближнюю делянку. Я, завхоз и завуч будем вас уже ждать там и расставим по рядкам. Есть вопросы? – спросил он и сразу же ответил сам, - Нет. Тогда выходим к ребятам.

Чувствовалось, что коллектив принимал участие в такой работе множество раз, хорошо её знал и понимал директора с полуслова. Учителя быстро рассредоточились по всему двору и всё сразу же пришло в движение, ученики

каждого из классов окружили своего учителя, образовались группы, которые вскоре двинулись друг за другом со двора. Директор стоял на возвышении и наблюдал за построением и перемещением своего войска. Проходя мимо него, я обернулся и снова отметил его сходство с портретом французского императора Наполеона кисти Поля Делароша. Колонна учеников направилась к домику, где нас первый раз принимал директор и который все называли конторой. Прихватив инструменты, учителя и школьники продолжили движение по узкой дороге и уже через десять минут были на краю школьного поля. На поле людей расставили на те рядки выращенной картошки, которые уже были обработаны картофелекопалкой, по несколько человек на один ряд. Картофелекопалка тарахтела вдалеке на другом конце поля. Подобные картофелекопалки, шедшие за трактором, появились в колхозах и совхозах уже перед войной. Это были примитивные механические устройства, которые вскапывали и переворачивали слой земли вместе с картошкой. Подборка клубней за картофелекопалкой производилась вручную. Тем не менее механизация облегчала сбор урожая. Школьники и учителя с большой сноровкой выбирали картофелины из перевернутого пласта земли, складывали их в ведра и быстро продвигались в глубь поля, оставляя за собой мешки с собранной картошкой. Мама с папой тоже работали на одной грядке с учителями, стремясь не отставать от остальных. Я был рядом с ними и пытался им помогать, но думаю, что мешал я больше, чем помогал. Хотя коллеги, работающие рядом с родителями, говорили, что наш рядок опережает другие - только благодаря моей высокой производительности.

Пока что все разворачивалось в соответствии с утренними наставлениями директора. В полдень устроили перерыв. На краю поля появились три большие кастрюли размером с полбочки каждая, а рядом с ними уже хлопотала полная пожилая женщина в белом халате поверх фуфайки. Прихватив ведра, работники покинули поле, собрались недалеко от Тимофеевны и её хозяйства, отмыли руки от земли из рукомойника, висящего на дереве, и сели на свои перевернутые ведра в ожидании обеда. По приглашению Тимофеевны сначала дети, а потом учителя по очереди подходили к раздаче. Тимофеевна черпала из кастрюли дымящийся суп огромной разливательной ложкой и наливала в глубокую алюминиевую тарелку, набирала несколько небольших кусочков мяса из лежащей на отдельном подносе заготовки и добавляла в каждую порцию, затем передавала тарелку очереднику со словами: "Приятного аппетита". Работала она, как автомат, очередь быстро продвигалась, но я никак не мог дождаться, когда придет наш черед, и бегал вокруг раздачи то в одну, то в другую сторону. Когда мы приблизились к раздаче, учительница,

стоявшая впереди нас, получая свою порцию, сказала Тимофеевне, что я – сын новых учителей и выдающийся специалист по уборке урожая. В ответ Тимофеевна согласно кивнула, что она, мол, все знает и, передавая мне тарелку, сказала: "Осторожно, не расплескай, тарелка горячая".

Я подождал папу с мамой, мы прошли к нашим перевернутым ведрам, уселись и набросились на еду. Честно говоря, это был наш первый полноценный обед за весь период странствий. Суп был наваристый и густой от картошки, морковки, капусты и других овощей, на его поверхности плавали жирные пятнышки, но, самое главное, я отыскал в нем четыре кусочка мяса. На второе Тимофеевна шваркнула в наши же тарелки полный половник неизвестной мне, но вкусной каши. А в компоте реально присутствовали кусочки сушеных яблок и несколько ягодок. Окончив есть, я ощутил чувство сытости, которое давно уж не посещало никого из членов нашей семьи. На лицах родителей было нарисовано удовлетворение, полученное от съеденного обеда. Было видно, что обедавшим рядом с нами школьникам и учителям также понравилась стряпня Тимофеевны – тарелки у всех были пустыми – и суп, и каша были съедены без остатка. Использованную посуду они складывали в одну из кастрюль на раздаче. Наши алюминиевые инструменты мы положили туда же, обратив внимание, что посуда у всех была такой же, как и посуда, полученная нами у Петровича на складе. В это время на поле въехала машина, и десятиклассники, не сговариваясь, неспешно встали, разделились на две группы и пошли - одна в сторону машины для погрузки мешков с картошкой, а другая в сторону хранилища для разгрузки машины. Вслед за ними в направлении вскопанных картофельных гряд двинулась остальная часть команды. Чувствовалось, что действия по уборке картошки многократно отрепетированы и хорошо известны всем участникам. Минут через десять работа по сбору картошки на поле возобновилась и продолжалась почти до сумерек.

Домой мы вернулись усталые, но очень довольные проведенным днем. Мама подружилась с учительницей биологии, и они, работая рядом на гряде, вели неспешный женский разговор. Папа во время сбора картошки общался с учителем физики и тоже услышал много нового. Дома мама с папой, перебивая друг друга, пересказали содержание их бесед с коллегами, обсудили важные моменты, из которых вырисовывалась картина жизни села, школы и наше ближайшее будущее. С момента организации школьного подсобного хозяйства три года тому назад участие учителей и учеников Белозерской средней школы в уборке урожая на школьном участке было признано нормой.

Практически посадка, прополка, окучивание и уборка всех культур (картофеля, морковки, свеклы, брюквы, капусты и др.) на школьном поле обеспечивалась собственными силами, иногда ученики привлекались также к работам на небольшой школьной ферме. Работы проводились как в учебные дни, так и на каникулах. В учебное время ученики младших классов, которых не привлекали к работам в поле, обучались в школе под наблюдением двух дежурных учительниц, которые после обеда также присоединялись к коллективу в поле. Несмотря на такой жесткий, достаточно изнурительный режим, работа в подсобном хозяйстве была предпочтительнее, чем сезонная работа в колхозе, к которой ранее в обязательном порядке привлекали всех сотрудников и учащихся школы - привлекали на длительное время, иногда до нескольких месяцев, для работы на полях, расположенных далеко от дома. Для учащихся и учителей привлекательной чертой подсобного хозяйства было его назначение: обеспечивать бесплатным обедом в течение всего года всё обучающееся детское население села и учителей школы; оказывать учителям помощь при работе на собственных подсобных хозяйствах. Каждая семья, проживающая в селе, обязательно имела рядом с домом огород и несколько сарайчиков, в которых выращивались свиньи, куры, содержалась корова или несколько коров, козы и т.п. Подсобное хозяйство было главным подспорьем семьи, без него прожить было невозможно.

Большое сильное школьное подсобное хозяйство помогало домашним хозяйствам учителей семенами, инструментами, удобрениями, кормами, животными для выращивания и т.д. Поэтому усилия директора школы по укреплению подсобного хозяйства поддерживались всем коллективом, а его указания, связанные с сельским хозяйством, выполнялись беспрекословно и учителями, и школьниками. Единственной проблемой, которая по-настоящему волновала педагогический коллектив, была жизненная потребность выкроить в плотном графике школьной активности несколько свободных дней для сбора урожая на своем огороде. Родители сомневались, является ли законным мой сегодняшний обед на поле и в разговорах на картошке попытались выяснить это. Оказалось, что их опасения были напрасными, поскольку по уставу в учебные дни и в дни работы в поле, когда работает кухня, каждый школьник имеет право прийти и съесть положенный ему обед, независимо от любых иных обстоятельств. Относительно возможности получения помощи родители узнали, что общественные запасы продовольствия, хранящиеся на школьном складе, предназначены только для приготовления обедов в школьной столовой, и использование этих продуктов для других целей категорически запрещено. Поэтому получение продуктовой поддержки из школьных запасов

исключено. Правда, весной следующего года мы сможем получить через школьное хозяйство посадочный материал и удобрения для нашего огорода по государственным расценкам, а не по магазинным ценам, а также купить маленьких поросят для выращивания тоже по заниженным ценам. О других источниках поддержки беженцев никому ничего не было известно. Так что вопрос о том, как нам выжить зимой, не потерял своей актуальности.

Работы по уборке урожая продолжались еще очень долго, и мы постепенно привыкли к такому образу жизни. В начале учебного года 1-го сентября учеба началась в младших классах, но через неделю в школе остались только малыши из первых двух классов, за которыми присматривали две дежурные учительницы. Все остальные трудились на заготовке овощей. Благодаря этому, я успел познакомиться с моими одноклассниками на сортировке картошки, работал уже не с родителями, а вместе с учениками. В те годы уборка и закладка на хранение овощей требовали много ручного труда. Собранные в поле овощи привозили на специальный участок недалеко от хранилища и рассыпали тонким слоем. Затем школьники чистили овощи от земли, перебирали, удаляя некачественные, порезанные или зараженные, сортировали по размеру, отделяя мелкие овощи на корм скоту, и старались тщательно высушить овощи перед загрузкой на хранение. Вокруг этих проблем возле хранилища, на школьном дворе, внутри хранилища суеилось много учеников 3-8 классов. С особым почтением они относились к картошке, потому что в рационе сельского жителя она занимала второе место после хлеба, а иногда заменяла его. Картошку складировали в самой комфортной центральной части хранилища, Хранилище представляло собой огромный погреб, поверх которого возвышался толстый слой насыпного грунта, делающий хранилище не промерзающим зимой.

Расправившись с картофельным полем, приступили к уборке других культур. Теперь старшекласники подвозили к хранилищу, возле которого я работал, морковь, свеклу, лук, капусту. После обработки и сушки их также отправляли на хранение в овощехранилище. В Сибири я впервые познакомился с брюквой и турнепсом – крупными корнеплодами, напоминающими репу. Как правило, они применяются как кормовые культуры в животноводстве, но они также пригодны для питания людей в виде салатов и гарниров. Эти овощи, также, как и другие корнеплоды, не уместившиеся в хранилище, закладывались на зиму на хранение в буртах или ямах. Соответствующие места закладки находились рядом с главным хранилищем и были готовы к приему овощей. Не помню точно, когда, но по утрам в это время было уже достаточно холодно, закладка

овощей завершилась, и мы наконец-то вернулись на учебу в школьные классы. В семьях моих товарищей по классу также закончилась заготовка овощей на зиму, под каждым домом находился просторный погреб, и он был забит картошкой, морковкой, соленьями, и я, честно говоря, завидовал тем, у кого были подобные закрома, заполненные дарами природы, и кто мог потреблять их без ограничений. Наша же семья в дальнейшем могли себе позволить купить лишь одно ведерко картошки на два-три месяца. Поэтому уже весной мы занимались тем, что искали на убранном поле и иногда находили оставленные картофелины, выковыривали их из промерзшей земли и, если везло, то могли приготовить себе немного сладкого картофельного пюре. Зато с брюквой и турнепсом нам повезло больше. По неизвестной причине в одном из буртов овощи оказались прихваченными микробами и немного подмороженными, они потеряли свой внешний вид и пищевую ценность, выглядели морщинистыми и дряблыми. В сыром виде ветеринар побоялся передать этот продукт на корм для животных. Папа получил разрешение, и мы извлекли содержимое бурта, а потом его ядро перенесли к себе домой. Тщательно отмыв и очистив каждый плод, мы получили запас съедобных овощей, которыми питались несколько месяцев. Из брюквы и турнепса мама варила или похлебку, или пюре. Запах и вкус этой бурды я не могу забыть без отвращения до сих пор. Кстати, в это время я приобрел еще одну устойчивую привычку. Суть её в трепетном, бережном отношении к хлебу. Люди, пережившие ленинградскую блокаду, или люди, которые, как и я, чтобы протянуть целый день, делили дневную пайку хлеба на три ломтика и подбирали со стола каждую крошку, считают хлеб продуктом особым, продуктом святым. Такие люди не могут выбросить хлеб, доедают надкушенный кусочек до конца, стараются продлить жизнь испеченного хлеба, использовать его в пищу в любом виде, например, делая из него сухарики для еды. Они очень резко возражают против пренебрежительного отношения к хлебу или неподобающего высказывания о нем. Эта нетерпимость является платой за те лишения, которые выпали на их долю в детстве.

Напомню, что осенняя трудовая повинность на заготовке овощей окончилась и мы всей семьей вернулись к учебным проблемам – мама преподавала в старших классах русский язык и литературу, папа – историю и географию, а я одолевал премудрости программы третьего класса. Как я уже говорил, занятия давались мне легко, учительница и одноклассники быстро оценили и мою подготовку, и мои способности. Я ходил в больших авторитетах, помогал ученикам решать задачи, выполнять домашние задания, учительница через

некоторое время даже начала оставлять меня у доски решать трудные примеры с классом, а сама убегала ненадолго по своим делам. Ребятам нравилось, что в моих пояснениях не было никакого поучительства и никаких намеков на мое превосходство. Одноклассники нравились мне больше, чем школьники, с которыми я учился в Днепропетровске. Белозерские ребята казались более спокойными, как говорят, более обстоятельными и очень дружелюбными. Конечно, пошалить, побеситься, побегать, подраться они любили, как и все дети, но их игры и розыгрыши были совершенно беззлобными. Во мне, думаю, они видели чужака, но никакой враждебности не проявляли. Антисемитизм вообще был им неведом. Даже кличку "Фриц", которой они меня наградили, употребляли за глаза, а при обращении с трудом выговаривали непривычное имя "Фридрих". Возможно, их медлительность или мудрость были связаны с условиями проживания в сельской местности при ограниченности общения и информации. Быть может, на их упорство и добрые взаимоотношения повлияло то, что вокруг шла война, их родители много и тяжело работали, воевали на фронте, погибали, и поэтому ребята не позволяли себе тратить время на глупости. На обработке овощей я обратил внимание на то, какие они умелые и продвинутые в ремеслах. Местные ребята казались мне симпатичными, и я старался с ними подружиться.

Чем ближе становились мои отношения с одноклассниками, тем больше я получал сведений о нашем крае, об уникальной красоте и чистоте этих мест. Село Белозерка располагалось на берегу спокойной, неторопливой реки Тобол, и ребята летом часто отправлялись на рыбалку и ловили удочкой рыбу: карпов, окуней, судаков, карасей. Названия этих рыб я услышал впервые от ребят. Сразу же за околицей села простирались бескрайние леса со всем многообразием животного и растительного мира. Именно леса были излюбленным местом прогулок детворы. Здесь они собирали грибы, ягоды, орехи, многие из ребят уже встречались неожиданно с живыми лесными обитателями: зайцами, кабанами, лосями, косулями, которые были для меня всего лишь книжными персонажами сказок. Я чувствовал, что ребята сроднились с природным миром, и мне захотелось присоединиться к ним и вместе продолжить эти увлекательные занятия. Я начал строить планы дальнейших совместных вылазок на природу, но, к сожалению, моим мечтам в первый год нашей жизни в Сибири не суждено было сбыться по весьма прозаичным причинам. Очень быстро пришла зима, не виртуальная, а самая, что ни на есть, реальная с морозами под 40 градусов, с обильными снегопадами, метелями, а наша привезенная из теплых краев экипировка не соответствовала сибирской суровой действительности. У меня, например,

была лёгонькая декоративная шубейка. Если бы дополнить её теплой рубашкой и шерстяным свитером, то зиму можно было бы пережить. Однако оставался открытым вопрос с покупкой шапки-ушанки, шарфа и валенок. Аналогичные проблемы при переходе на зимнюю форму одежды возникли у мамы и папы. Средств явно не хватало, приходилось выкручиваться и на всем экономить. Мне, например, купили недорогие детские сапожки из войлока, которые оказались непрактичными. Уже через месяц большие пальцы правой, а потом и левой ноги, проделали отверстие между подошвой и сапогом и вылезли наружу, никакие портянки не помогали, ноги становились мокрыми и быстро замерзали. Мне пришлось в дефектных сапогах бегать по одной и той же тропинке дом – школа и обратно до конца зимы. Ни о каких прогулках думать не было никакого смысла. Перед началом следующей зимы мне уже купили настоящие цельные остроносые катанки на два размера больше, чем размер моей ноги. Катанки были жесткие и серого цвета. Я уважительно называл их по-сибирски - пимы. В них я проходил по Белозерским просторам три зимы, катался на сани, научился ходить на лыжах в лесу и на большие расстояния и кататься на коньках-снегурочках на катке, созданном родителями школьников на ледяной поверхности Тобола. Не могу не рассказать, что в одну из зим я участвовал в подледной рыбалке с отцом моего школьного друга и сам поймал несколько окуньков и карасиков! Через много

на берегу Тобола
Катанье с горки

десятков лет, когда мне удавалось порыбачить на берегу реки Днепр, на побережье Черного или Каспийского морей, на Средиземном море, я всегда рассказывал друзьям по рыбалке о этом сказочном детском приключении и хвастался своим первым подледным уловом.

А теперь ловлю себя на том, что пробую в воспоминаниях проскочить вперед в более светлые времена, пытаюсь вырваться из цепких объятий трудного сорок первого, но испытания военного времени не хотят покидать мою память. Итак, как я уже рассказывал, товары можно было купить по разным ценам от коммерческих, спекулятивных, рыночных до пайковых цен и цен в спецраспредах. О специальных распределителях я расскажу попозже, а сейчас я опишу процесс обмена барахла на продукты питания. Большинство эвакуированных прихватывали с собой немного избыточных или новых вещей для обмена на провизию при экстремальных ситуациях. Во время переезда в Сибирь несколькими семьям из нашего вагона, в том числе и нашей семье, на одной станции удалось выгодно обменять у местного населения личные вещи на продукты. В середине зимы недоедание накрыло нас до такой степени, что

родители решили вновь попытаться совершить товарообмен. Разумеется, подобного рынка натурального обмена не существовало, информация также отсутствовала, поэтому при проведении сделки можно было рассчитывать только на личные контакты. Поисками потенциальных партнеров занималась мама. Она обладала необходимой харизмой, была очень привлекательной, легко сходилась с людьми, умела поддерживать разговор и просто любила по-женски поболтать. К сожалению, было мало людей, имеющих избыток продуктов и желающих поменять их на вещи. Жители села жили по принципу: от урожая – до урожая следующего года; заготавливали продовольствия столько, чтобы хватило до осени. С другой стороны, новые одежды, привезенные мамой, возможно и могли кого-нибудь заинтересовать, но её личные вещи, бывшие в употреблении и обладающие, как ей казалось, известным шармом, вряд ли могли привлечь сельского жителя. Несмотря на такие пессимистичный предпосылки, маме удалось найти барахольщиц и выменять несколько предметов женского обихода на небольшое количество овощей, в частности, на ведро картошки. Эти сделки поддержали нас на некоторое время, но проблема осталась.

Решение пришло совершенно с неожиданной стороны, оно возникло в недрах моего третьего класса. Когда я впервые пришел в класс, то сразу обратил внимание на мальчика, который был на голову выше сверстников и был в два раза толще, всех остальных. Ребята звали его Вовик, и отношение к нему было пренебрежительное. Вскоре я понял, с чем связано такое издевательское их обращение: этот Вовик был во столько же раз тупее всех ребят, во сколько раз он был больше их в размере. Он был таким отсталым, что было непонятно, как его переводили из класса в класс. За время нашей совместной учебы он набрал немыслимое число неудовлетворительных оценок практически по всем предметам. Его бессмысленные ответы у доски вызывали такой дружный смех одноклассников, что учительница вынуждена была возвращать его за парту, чтобы не сорвать урок. У Вовика было явное отставание умственного развития, и он нуждался в помощи специалиста. Поскольку в то время ни знаний в этой области, ни профессионалов, способных помочь ему по существу его проблемы, не было, то учительница пошла по проторенной дороге, прикрепив к нему шефа – хорошего ученика, который должен был помогать Вовику выполнять домашние задания. Этим учеником оказался я, и с доступным мне пониманием своей миссии решал домашние задачки по математике и делал упражнения по русскому языку тогда, когда Вовик меня об этом просил. Он не был особенно озабочен своими "успехами" в учебе и в дополнение к своей

тупости был невообразимо ленив. Поэтому беспокоил он меня не часто, а я был доволен, что общественная нагрузка оказалась необременительной.

Думаю, что из этого шефства так ничего бы и не получилось, если бы учительница на родительском собрании не рассказала о своем начинании. В результате, Вовикина мамаша, услышав от учительницы восторженные отзывы обо мне, поняла, что лучшего воспитателя для своего чада ей не найти, решила любыми путями захомутать меня, тотчас же поговорила со мной, наобещав золотые горы, познакомилась с моей мамой и попросила её поддержать эту идею. Я запомнил, как звали Маму Вовика, поэтому в дальнейшем будем называть её просто по заглавным буквам МВ. Так вот, МВ была, безусловно, женщиной самостоятельной и состоятельной – она работала заведующей магазином, сокращенно, завмагом. Должность, как вы сами понимаете, поднебесная, в особенности в военное время. Обладала она материальным ресурсом и готова была произвести затраты на реализацию своих замыслов. Однако моя мама отнеслась с прохладцей к идее МВ оплатить мою гувернантскую службу при Вовике, но, описав в красках бедствия перемещенных лиц, посоветовала МВ принять участие в нашей судьбе на паритетных началах, путем натурального обмена наших изысканных вещей на примитивную провизию, которую МВ поставит нам. Как видно, моя мама в своем предложении очень умело расставила акценты. Попала, как в яблочко. Оказалось, что МВ была первой модницей на селе, она не смогла устоять перед возможностью расширить свой гардероб и заглотнула наживку. Начались переговоры, демонстрация товаров, согласование порядка обмена вещей и продуктов. МВ выставила на обмен немного продуктов питания из собственных семейных запасов: овощи, свинина, ягоды. Но это было именно то, в чем мы очень нуждались.

Вершиной сделки стал мешочек ячменя, который удалось выменять на сногшибательное платье, удивительно подошедшее МВ по размеру, которое мама разрекламировала, как последний крик парижской моды. В один из дней МВ сама привезла заветный мешочек на санках к школе. Мама и папа были заняты на уроках, и поэтому я встречал МВ возле школы. Она передала мне веревку от детских санок, на которых стоял привязанный к сидению небольшой мешочек, и сказала, что санки она дарит мне на Новый Год, и что я сразу же должен идти домой. Поблагодарив МВ, я стремглав помчался домой, радуясь тому, что после прихода родителей, смогу уже сегодня покататься с горки на собственных санках. Когда родители вернулись с работы, они уже знали, что существует два различных вида ячменя –

фуражный и продовольственный. Фуражный считается отличным кормом для лошадей, молочного скота и свиней, а из продовольственного - делают крупу для еды. Выяснить, какой нам достался ячмень, не удалось, потому что наша поставщица МВ была убеждена, что из любого ячменя можно приготовить вкусную кашу. Вечером мы разожгли печь и поставили на огонь вариться кастрюлю с ячменем. Ячмень находился в подсоленной кипящей воде более часа, но до готовности мы кашу так и не довели. Ядрышки зерен остались твердыми, каша трудно пережевывалась и, как мы почувствовали ночью, трудно переваривалась. Утром мы пошли в школу расстроенными, и мама рассказала своей подруге-биологичке о наших огорчениях. Подруга успокоила её, предложив рецепт приготовления ячменной каши, который должен сделать нас всех счастливыми. Теперь мы поставили в печь готовить кашу уже в чугушке. Проварив ячмень около получаса, накрыли чугунок крышкой, отодвинули его от огня и оставили внутри медленно остывающей русской печи до утра. В результате томления каша в чугушке упарилась и стала очень мягкой и нежной. Когда утром мама ухватом вытащила чугунок из печи, подняла крышку, то вся изба наполнилась фантастическим запахом распаренной каши. Мама разложила содержимое в три тарелки, и через несколько минут тарелки были вылизаны и блестели. Несложный подсчет показал, что, если мы будем позволять себе такое пиршество два раза в неделю, то ячменя нам хватит до осени. Так мы и поступили, пока не прикончили весь мешочек МВ с ячменем до последнего зернышка, так и не поняв, чем же мы питались: пищей богов или кормом для лошадей?

В дневниковых записях ленинградского блокадника академика Дмитрия Лихачева я натолкнулся на созвучную мне мысль о том, что человеческая память выбрасывает, очищает сама себя от слишком ужасных воспоминаний. Плутая по лабиринтам своей детской памяти, я в воспоминаниях восстанавливаю события, как увлекательное путешествие, как игру по преодолению последовательности препятствий, незаметно опуская ранящие меня эпизоды. Например, я до сих пор никогда не рассказывал о том, как тяжело мне было в конце ячменной эпопеи. Ранней весной ячменя в мешочке осталось совсем мало, и его в чугунок стали закладывать все меньше и меньше. Каши стало получаться совсем немножко и её теперь хватало только на одного. Эти две ложки каши выкладывали мне на тарелку, а мама с папой отмывали чугунок, вылизывали его внутренности и шли на работу. Я выбегал первым на нашу тропинку, ведущую к школе, а голодные родители еле плелись за мной – ослабевшие, бледные, исхудалые и измученные отсутствием выхода из нашего бедственного положения. Я знал, что такое слабость от истощения, мне было

безумно жалко родителей, но я ничем не мог им помочь и страдал. Я всегда стараюсь убежать от этих воспоминаний.

В целом же история с кормовым ячменем осталась в памяти нашей семьи, как радостное событие времен Великой Отечественной Войны. В череде попыток преодолеть продовольственный кризис, наряду с упомянутым ранее брюквенным изобилием, был совершенно курьезный случай, когда мы несколько месяцев ели картофельные очистки. Но этот эпизод, как и другие похожие надбавки к нашему рациону, я опускаю, потому что они лишь незначительно снижали остроту проблемы. Главным же источником питания являлись регулярные обеды в школьной столовой. Обеды были ежедневными, за исключением праздничных и каникулярных дней. Меню характеризовалось, как я уже говорил, редкостным постоянством: овощной суп с мясом, каша, а на третье чай с сахаром или компот из сухофруктов. Все столующиеся в данный день получали одинаковый набор блюд. Однако наборы в разные дни отличались: суп варьировался с борщом или щами; овсяную кашу замещали каши: ячневая, перловая, пшенная и даже манная. Порции были большие, обед – сытным, добавок не полагалось. На кухне и на раздаче хороводила Тимофеевна с помощницей, сменная дежурная бригада из учительницы и пяти школьников выполняла черновую работу. А над всем комбинатом общественного питания возвышалась фигура Василия Пантелеевича – автора идеи создания единого заведения, функционирующего на социалистических принципах и состоящего из школы, подсобного хозяйства и столовой. Практически он построил коммунизм в одной отдельно взятой сельской школе. Так думал он сам, так думали лица, к нему приближенные. Я же думаю, что личностью он был, безусловно, незаурядной, с чертами лидера и с реформаторскими наклонностями. Я смог в этом убедиться еще раз, случайно оказавшись на оперативке, которую он проводил с сотрудниками подсобного хозяйства и столовой.

Обсуждался вопрос мясной добавки к супу или щам. Я уже рассказывал, что на раздаче на отдельном подносе возвышалась гора из кусочков мяса и примерно четыре таких кусочка добавлялись раздатчицей в каждую порцию первого блюда. Кубики нарезались заранее вручную и были размером примерно один сантиметр. Так вот, по информации раздатчицы проблема состояла в том, что мяса часто не хватало до конца смены, и последние посетители получали суп без мяса, что было несправедливо и вызывало недовольство столующихся. Задача усложнялась тем, что никто не знал, сколько порций необходимо на данный день и сколько кубиков получается из

первоначального куска мяса. В комнате собраний повисла тягостная тишина. Ситуация казалась безысходной. И тогда со своего председательского стула во весь свой богатырский рост встал Василий Пантелеевич. Его крупный нос был направлен на противоположную стену, а в поднятых вверх глазах отражалась напряженная работа мысли.

- Допустим, - сказал он многозначительно и посмотрел в упор на Тимофеевну. Затем последовала продолжительная пауза, во время которой он повернулся на четверть оборота, показав всем свой медальный профиль.

- Допустим, - повторил Василий Пантелеевич, медленно перевел свой взгляд на зоотехника и закончил, как отрубил:

- Допустим, добавим еще полкилограмма мяса.

По комнате пронесся шумок одобрения, из которого следовало, что предложение правильное и выполнимое.

- Я рад, что вы одобряете мое решение. Завтра же и проверим. Тимофеевна, не забудь включить дополнительное мясо в расцеховку блюд. Поздравляю всех, - завершил он с пафосом и зааплодировал. Все поддержали его дружными хлопками, а я в очередной раз отметил артистизм его поведения и его безукоризненный наполеоновский профиль. Сейчас, когда я вспоминаю встретившегося на нашем пути директора сельской школы Василия Пантелеевича, пытавшегося создать маленькую коммунистическую структуру, мне в мысль приходит еврейское кибуцное движение. Примерно в то время, когда Василий Пантелеевич подкармливал нашу голодающую семью в Сибири, на другом конце света на земле подмандатной Палестины создавались сельскохозяйственные предприятия, некие аналоги советских колхозов - кибуцы, где люди работали на земле, обеспечивали себя продуктами, воспитывали и учили своих детей. В таком виде, в каком подобные коммуны задумывались, они оказывались, как правило, нежизнеспособными, но на определённом этапе их общественное устройство становилось притягательным и приносило положительные плоды, как, например, коммуна Белозерской школы, общественное питание которой позволило моей семье выжить во время войны.

Напомню, что столовая являлась одним из элементов директорской триады: школа-подсобное хозяйство-столовая. Главным же элементом оставалась школа. Белозерская средняя школа была базовым учебным заведением района.

По официальной статистике среднее образование перед началом войны имело менее 10% населения страны, и для народного образования приоритетной была задача расширения сети именно средних школ в сельской местности. Василий Пантелеевич очень гордился своей миссией и неустанно повторял, что его школа предоставляет реальную возможность получить полное среднее образование каждому гражданину. Утверждали, что директор знает всех учеников по именам и фамилиям. Не могу этого ни подтвердить, ни опровергнуть, но то, что с нашей семьей он познакомился досконально, так это – точно. Когда он вручал мне похвальную грамоту за третий класс, то вспомнил о нашей первой встрече и отметил, что, если ученик получал грамоту на Украине, то он будет отличником и в Сибири, и в любой точке нашей необъятной Родины. Подобные возвышенные слова о величии страны Василий Пантелеевич употреблял все чаще в своих выступлениях, потому что любовь к Отечеству, защита страны от нашествия стали злободневными общественными темами. Он, одним из первых в области, организовал агитбригаду для пропаганды патриотических идей среди населения. Бригада работала продуктивно все время, пока шла война, разъезжала по деревням, выступала на предприятиях и в различных заведениях района. Состав её и репертуар постоянно обновлялись, Команда включала активистов школьной и сельской художественной самодеятельности, народный хор, лекторскую группу, выступали танцоры, чтецы, исполнялись военные песни, сатирические частушки, скетчи.

Я входил в основной состав бригады с самого начала её работы, как чтец-декламатор. Во время формирования бригады моя учительница сказала директору, что в классе я наизусть и громко читаю произведения классиков. Я действительно легко запоминал стихотворения и большие куски поэтических произведений, мог прочесть их громко, отчетливо, оттеняя рифму, но без выражения, с ужасным украинским акцентом. Директору моя декламация понравилась, скорее всего напористой манерой исполнения, и он порекомендовал мне подготовить стихотворение Александра Твардовского "Рассказ танкиста". В стихотворении, напечатанном в начале войны, описан бой на улице города. Смелый мальчик помог командиру танка найти и уничтожить фашистское орудие. В знак благодарности командир пожал мальчику руку, и вот трогательные завершающие строки стихотворения:

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:

Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

Стихотворение было новым, читал я его звонким голосом, очень эмоционально, зрители внимательно следили за сюжетом и награждали меня аплодисментами.

Вскоре я расширил свой репертуар стихотворением Демьяна Бедного. В нем поэт подробно объясняет, что такое валенки, как тепло в валенках, как они важны для солдата, объясняет, что на фронте не может солдат обойтись без валенок. Заканчивается стих призывом:

Марья, Дарья, Митрофан,
Сашенька с Феклушей,
Епифан и Селифан,
Тетя Феня, слушай,
Слушай, дядя Ферапонт:
Шлите валенки на фронт!
Шлите срочно, дружно!
Это - то, что нужно!

Для прочтения этих строк я выходил на передок сцены или просто подходил поближе к зрителям и, двигаясь вдоль передка справа налево, вскидывал руку, а затем, произнося очередное имя, направлял указательный палец на какого-нибудь сидящего в зале человека. Успех был потрясающий. Срабатывал и остроумный текст, и моя комическая детская непосредственность. На первом прослушивании программы присутствовал третий секретарь райкома партии – секретарь по идеологии - не хухры-мухры. Номер ему понравился, он выскочил на сцену, обнял меня и прокричал, что такого чтеца надо премировать и, обращаясь к Василию Пантелеевичу, попросил подобрать мне достойный подарок. Подарок он мне подобрал, а вот пошли ли валенки потоком на фронт после моих призывов – мне неизвестно.

И еще одно стихотворение из моего детского "агитпроповского" прошлого заслуживает упоминания – отрывок из поэмы Маргариты Алигер "Зоя". Партизанка Зоя Космодемьянская в первые годы войны была очень популярным человеком - народной героиней, Она была схвачена немецкими палачами, её пытали, но она врагам ничего не рассказала и никого не предала. В деревне Петрищево под Москвой фашисты повесили её, на эшафот она шла с гордо поднятой головой. Репортажи о её подвиге печатались и

перепечатывались во всех газетах и журналах. Но более всех преуспела в канонизации мифа о подвигах комсомолки профессиональная поэтесса М.Алигер – еврейка по национальности. Стихотворные строки М.Алигер о последних мгновениях жизни Зои я читал во время выступлений Белозерской агитбригады со слезами на глазах:

Морозно, снежно, мгристо.
Розовые дымы... Блеск дорог...
Родина!
Тупой сапог фашиста
выбивает ящик из-под ног.

Сейчас, через 70 с лишним лет после войны, была проверена достоверность фактов жизни Зои, послуживших основой для её героизации, и выяснилось, что была она психически больным человеком, никакого подвига не совершила, с немцами не боролась, использовалась советской госбезопасностью для провокации за линией фронта: поджигала избы живущих в них селян, чтобы немцам негде было укрыться от морозов. На данном этапе в головах людей существуют обе версии жизни Зои и окончательно уточняется, какие из событий соответствуют реальности. Но у меня возникает вопрос, почему у истоков мифологизации многих событий и персон находится так много евреев?

На знаке вопроса закончу рассказ об агитбригаде для того, чтобы описать ещё несколько эпизодов из моей сибирской действительности. Врученная мне похвальная грамота, о которой я недавно упоминал, была оформлена на таком же бланке, как и предшествующие грамоты, только не на украинском, а на русском языке. До нашего возвращения на Украину я заработал ещё три таких грамоты, тем самым подтвердив способность учиться на отлично при любых обстоятельствах, но одновременно с этим показал, что могу учить других. В результате настойчивости МВ я взял над её сыном шефство не формальное, а реальное. Я помогал ему на переменах, иногда оставался после уроков, не ждал, пока Вовик обратится ко мне, а сам доставал его вопросами, выполнил ли он домашнее задание, что ему непонятно в новом материале. Мало-помалу процесс пошел. У Вовика появились, как говорил мой папа, проблески знаний, под большим давлением он даже умудрялся делать некоторые работы самостоятельно. Наблюдался явный прогресс, и учителя решили, что его можно перевести в четвертый класс. МВ была в восторге, я получил удовлетворение от того, что мои усилия не пропали даром, и только Вовику всё было до "лампочки". Вовик переполз в следующий класс только благодаря моим дополнительным урокам. Мои учительские приемы успешно прошли

испытания на таком непростом ученике, как Вовик. Результат мог быть и отрицательным, если бы я не проявил настойчивости в достижении цели. Поэтому МВ подкармливала меня шанежками, непрерывно стимулируя мою целеустремленность. Вовик был ужасный обжора, он был в классе единственным учеником, который, помимо школьного обеда, успевал на большой перемене слопать огромный завтрак, который ему ежедневно давала МВ. Обычно один или два раза в неделю МВ выпекала дома шаньги, и тогда утром Вовик получал их на завтрак. Но в такие дни она добавляла отдельный пакетик с несколькими шаньгами, предназначенными мне. Это была такая вкуснятина, что я проглатывал их на перемене мгновенно. Возможно, вы ели ватрушки с творогом? Так вот, шаньги напоминают ватрушки только внешне. Да, шаньги - это круглые открытые пирожки или лепешки из дрожжевого теста, но с совершенно особым неповторимым видом, запахом и вкусом. Отменными получаются шаньга с картошкой, сыром, жареным луком и любым другим наполнителем. Однажды на дне рождения моего одноклассника мне довелось отведать свеженьких, только вынутых из печи шанежек с ветчиной, которые исчезли со стола со стремительной скоростью, я думаю, превышающей скорость света.

В новом учебном году, осенью 1942 я вновь на перемене получил через Вовика весточку от МВ. Наощупь я почувствовал, что в пакетике находятся четыре шанежки и, не открывая пакет, положил его в портфель, чтобы рассмотреть дома вместе с родителями. Оказалось, что нас ждал сюрприз. Раскрыв пакет, мы увидели его совершенно диковинное содержимое – шаньги с морошкой. У ягоды морошки имеется несколько народных названий, которые точно характеризуют её: моховая смородина, северный апельсин, арктическая малина. Так вот, такими ягодами оранжевого цвета, размером около 1,5 см, напоминающими по форме малину, было выложено донце подрумяненной со всех сторон шанежки. Каков был вкус этого шедевра, я описать не берусь! Думаю, что, если испечь много-много шанежек с разными начинками в русской печи, и распространить их по земному шару, и накормить шанежками всех людей, то наступит всеобщее замирение, любовь и счастье человечества. Именно это произошло с нами, когда мы разрезали каждую шанежку МВ пополам, положили на большую алюминиевую тарелку и увидели шикарный десерт для праздничного стола. Папа вдруг вспомнил, что из-за уборочного аврала мы пропустили годичный юбилей со дня начала освоения нами Сибири и предложил отметить эту дату с опозданием на пару месяцев. Я спустился в подпол, принес в миске картошку нового урожая, собранную нами недавно на собственном огороде, Папа быстро разжег печку, и мама поставила картошку

вариться. Через час праздничный стол был накрыт, и папа произнес витиеватый тост за семью сельских учителей, осевших на благодатной Белозерской земле, за семью, которая, преодолев много трудностей, наконец-то стала самостоятельной. За едой все наперебой стали вспоминать важные события прошедшего года и фантазировать по поводу ближайшего будущего. Алкогольных напитков за столом не было, зато в конце трапезы кусочки шанежек запивали свежесваренным грузинским чаем. Папа был большим любителем крепкого горячего черного чая, говорил, что это черта наследственная и перешла к нему от дяди, который регулярно вечером выпивал шесть стаканов чая. Эту историю я слышал множество раз, и на каком бы языке отец её ни рассказывал, слова "стакан чая" он произносил на идиш эглэз фон тей (אָגלעז פֿון טײַ). Видимо, звучание этих слов вызывало у него родные ностальгические воспоминания. Учитывая привязанность папы к напитку, мама не пожалела заварки, приготовила чай - вкусный, красивый и с необыкновенным ароматом. Следуя традиции, каждый из нас выпил по два стакана горячего крепкого чая. Время летело быстро, пришла пора идти спать, в Белозерке ложились спать рано, но и вставали рано. Я залез на теплые полаты и перед тем, как заснуть, прокрутил в голове темы, звучавшие во время нашего застолья. Это был превосходный материал для семейной хроники.

О своих подвигах я уже ранее почти всё написал, пришло время рассказать, что пришлось пережить моим родителям за прошедший период. Для мамы в школе ситуация с учебной нагрузкой оказалась не такой радужной, как её описал Василий Пантелеевич при первой встрече. Свободные места были только в младших классах с низкой оплатой, а уроки языка и литературы, на которые мама претендовала, были заняты учителями без соответствующего образования. Постепенно коллектив признал мамин высокий профессионализм, и уже в новом году завуч предложил ей полную нагрузку в старших классах. Кроме учебной нагрузки, она взяла классное руководство и вела успешно школьный драматический кружок. Все это немного укрепило наше финансовое положение, но трудности остались. Маме, как ответственной за семейный бюджет, приходилось постоянно лавировать, отказываясь от привычных вещей, чтобы собрать деньги для решения жизненно важных проблем таких, как например, теплая одежда на зиму. Историю с моими валенками я уже рассказывал, но у папы вопрос утепления был намного круче. Из нас троих папа был самый худой, ну, просто очень худой, тощий, и никакой теплой одежды у него не было. Он безумно страдал от холода, и угроза обморожения в середине зимы была реальной. Мама мобилизовала все наши ресурсы и купила ему полный комплект: валенки, шапку и, самое главное,

нижнее белье - длинная рубашка и кальсоны из бязи. Не буду описывать, как проходила сделка – это отдельный рассказ, но в конце в качестве бонуса маме удалось выторговать маленькие кальсончики для меня. Застегивались они специальными пуговицами, обтянутыми белой тканью, такими же, как на папиных кальсонах.

Не успели мы оправиться от зимних трат на утепление, как подоспели немислимые расходы на посевную. Было очевидно, что в следующую зиму нам не выжить, если мы весной не засадим наш огород овощами и не соберем урожай для собственного потребления. Я уже рассказывал, что за нашей избой простирался большой участок земли, предназначенный для выращивания огородных культур, который за многие годы зарос до такой степени, что через него невозможно было пробраться. Крупностебельная сорная трава высотой, достигающей местами до одного метра, покрывала участок сплошным слоем. Наши попытки расчистить лопатой и граблями хотя бы небольшой клочок земли окончились неудачей. Посоветовались со старожилками и поняли, что такую работу может осилить бригада землекопов, или большая семья, но лучше заказать механический культиватор с различными рабочими приспособлениями, потому что для такой трудной почвы необходимо полное уничтожение сорняков, крошение, рыхление и перемешивание почвы, а также выравнивание поверхности поля. Опять пришлось идти на поклон к Василию Пантелеевичу, и он вновь продемонстрировал доброе отношение к нашей семье, заказал в колхозе культиватор на пол дня на выходной день по сниженным расценкам, которые распространялись на услуги, оказываемые школьному хозяйству. Для нашей семьи сумма была достаточно большой, но это было единственное спасительное решение. Далее директор разрешил нам произвести оплату через бухгалтерию в течение двух месяцев и объяснил, что за полдня работу сделать трудно, но Коля (так звали тракториста) должен работать в этот день столько, сколько необходимо, чтобы выполнить культивацию до конца. А в заключение настоятельно посоветовал нам перед началом работы пообещать Коле пол-литра, чтобы он добросовестно соблюдал агротехнические требования по культивации, но саму бутылку отдать непременно только после полного завершения всей работы, и предупредил, что, если мы не выполним этих условий, то результат культивации никто не в состоянии предугадать. Договор был сложный, но очень привлекательный. Бутылка водки стоила безумных денег, но мы её купили за день до дня X.

В назначенный день в семь часов утра у нашего дома затарахтел трактор, папа пошел открывать ворота, а мама направилась к Коле на переговоры, строго

следуя рекомендациям Василия Пантелеевича. Выслушав маму, Коля согласно кивнул, проехал через двор, остановился на поле, оглядел его от края до края, кивнул маме и папе, что он все понял, и приступил к работе. Работал он виртуозно, несколько раз менял рабочие агрегаты, то подрезал сорняки, то рыхлил почву, то вытаскивал корни, перемешивал почву, ровнял поверхность. Мы, чтобы не мешать, со стороны наблюдали за его стараниями и когда примерно в час дня увидели, что он по краю поля делает последний прогон в нашем направлении, вышли все вместе встречать его. Остановившись возле нас, Коля выскочил из трактора и победно оглядел свою работу. Мама сказала ему какой-то комплимент по поводу его мастерства и качества культивации почвы, передала бутылку, которую он тотчас засунул во внутренний карман фуфайки, кинул на ходу: "Благодарствую", вскочил на подножку трактора, помахал нам рукой и через минуту был уже за воротами. Мгновенное превращение страшного запущенного поля в образцовый огородный участок походило на сказку, и мы, вернувшись в избу, рушили, что Василию Пантелеевичу надо работать не директором, а магом и волшебником. Посевную мы начали немедленно, в тот же день после обеда. Разметили поле, разбили грядки для морковки, свеклы, репы, брюквы. Семена мы купили в сельпо заранее по очень либеральной цене. Две трети поля занимала картошка. Поскольку посевной картошки у нас было мало, то на значительной части поля мы высадили картошку "глазками". Глазками называют часть картофельного клубня, содержащую проросший росток. На крупной картофелине насчитывается несколько штук отлично развитых глазков. Разрезав картофельный клубень на части так, чтобы не был затронут росток, и высаживая отдельные глазки в подготовленную в земле лунку, мы получили существенную экономию на семенном материале. Интересно, что у нас урожайность на кустах, посаженных таким способом, была выше, чем у картошки, выросшей из целого клубня. О высокой культуре земледелия на нашем огороде свидетельствует также тот факт, что мы сняли урожай огурцов. Их мы выращивали по сибирской методике на грядках из соломы. Грядки были высокие и широкие, в лунки закладывали подушку из навоза и соломы, засыпали почву и сажали рассаду, выращенную дома заранее. Короче, папа с мамой за лето прошли полный курс огородника, освоили прополку, борьбу с сорняками, окучивание, сбор урожая и его закладку в подпол на хранение. Я, как мог, помогал им, но чаще просто крутился вокруг родителей, бегал с друзьями по улице или играл с ними в футбол.

Повествование о сельских буднях моих родителей будет неполным, если я не расскажу о том, как им удалось обеспечить нашу семью продуктами питания не

только растительного, но и животного происхождения. Известно, что выращивание свиней в условиях личного подворья представляет очень выгодный способ получения мяса после короткого откорма. Для удовлетворения нашей семьи в мясе и сале на год достаточно было весной завести двух поросят. Случилось так, что как только наше семейство завершило посев на огороде, на ферме школьного хозяйства в очередном помете ветеринар выбраковал двух поросят, и их можно было по смехотворной цене забрать домой. Стечение обстоятельств оказалось самым благоприятным для занятий домашним свиноводством. Это была судьба или проверка, соблюдаем ли мы еврейские традиции? Согласно требованиям кашрута, употребление свинины в пищу считается большим грехом. Хотя, о проверке соблюдения каких религиозных принципов может идти речь в тоталитарной стране, исповедующей принудительный атеизм? У меня не было никаких понятий об иудаизме, маму волновала этическая сторона предстоящего убоя свиньи, папа испытывал, конечно, угрызения по поводу нарушения еврейских традиций в стране всеми его единоверцами, но ничего не мог поделать – надо было выживать, надо было кормить семью. Уже ближайшим весенним вечером двух визжащих маленьких поросят в мешках притащили к нам домой. За избой во дворе сохранился небольшой крытый свинарник, мы очистили его, постелили свежую солому, залили воду в поильники, запустили туда хрюшек и попытались их накормить, руководствуясь инструкциями соседей – ветеранов домашнего свиноводства. Нельзя сказать, что у нас все сразу же получалось правильно, но мало-помалу мы привыкли друг к другу. Поросята привыкли к своему жилью и образу жизни, а мы старались держать их в чистоте, регулярно кормить и поить. Поросята были разнополые: мужчину мы называли Вася, а женщину – Васса. В летний период Вася вытянулся и начал быстро расти, а Васса, наоборот, росла медленно, но сильно округлилась. Ветеринар, пробегая мимо нашего дома, посмотрел на них и сказал, что хряк будет отличный, а свинья - немного рахитична, но на качество мяса это не влияет, а вот до нормального роста и веса она не дотянет. (Не зря, значит, ветеринар выбраковал нашу парочку). И действительно, к осени Вася был уже огромных размеров, а Васса выросла, но так и осталась толстенькой подвижной красоткой. Кормить осенью свиней стало легче, так как на огороде появилось много кормовых овощей, а на подворье много растительных остатков, пригодных для корма. Однако ночами стало сильно холодать, и приходилось иногда заводить свиней в дом и содержать в сенах до утра в маленьких загончиках.

Когда папа во время праздничного застолья, о котором я недавно рассказывал, произнес тост за нашу сельскую самостоятельную семью, владеющую усадьбой, то он имел в виду и избу, и приусадебный участок, и маленький свинарник, который вот-вот должен был освободиться от своих жильцов. По мере приближения этого дня обстановка в доме становилась всё тревожней. Мама нагнетала страхи и каждый день после работы пугала папу одним и тем же заявлением, что она и я не переживем смерть свиней. Все эти монологи произносились с драматическими интонациями и на идише, чтобы скрыть весь этот ужас от меня. На идише говорить я действительно не умел, но речь на слух немного понимал, так что сохранить в секрете свои переговоры они не могли. Короче, в очередной воскресный день утром у нашей калитки появились два крепко сложенных мужика, у которых в руках были ящики, набитые какими-то инструментами. Завидев их, мама начала срочно собираться и приказала мне идти с ней. Программа у нас была большая: сначала районная библиотека, потом парикмахерская, потом визит к Людмиле Юрьевне, которая давно уже приглашала нас в гости. Пока папа разговаривал с мужиками, мы быстро собрались и пошли к выходу. День у меня с мамой получился очень насыщенным: сдали и поменяли книги, оба постриглись, а в довершение ботаничка Людмила Юрьевна накормила нас домашним обедом. Уже вечерело, когда мы возвратились домой. В воздухе висел стойкий запах жженной свинячьей шерсти, а посередине двора появилось большое пятно от костра, залитое водой. Дома нас встретил расстроенный папа, который сказал, что свиньи внезапно заболели, приехали мужики из зверофермы, и забрали животных на карантин без права на свидание с хозяевами. Так что, к сожалению, мы больше с ними не встретимся. Я немного погоревал, но, когда через какое-то время в домашнем рационе питания все чаще и чаще стали появляться кусочки мяса, а на завтрак мне стали давать бутерброд из пайкового хлеба с кусочком сала, то я вообще перестал связывать уход свиней из нашего дома с ростом благосостояния нашей семьи.

Мои родители шаг за шагом преодолевали препятствия на пути создания для нашей семьи нормальных человеческих условий существования. Работали они в тандеме: мама выступала знаменосцем; папа же, оставаясь в тени, выполнял трудоёмкую часть работы. А самые аппетитные плоды их сотрудничества доставались мне. У папы, помимо общесемейных обязанностей, был воинский долг и обязанности лидера, планирующего нашу жизнь на перспективу. В начале 1942 папа получил мобилизационное предписание, мы решили, что это призыв на фронт, и всей семьей отправились в райвоенкомат провожать его. Оказалось, что его, в рамках переподготовки среднего начсостава, отправляют

в воинскую часть, расположенную недалеко от нас, в Шадринске. Здесь он прошел воинские сборы, служил техником-интендантом и через полгода вернулся домой. А после окончания войны его демобилизовали из вооруженных сил.

С первых дней нашего пребывания в Белозерку папа, помимо работы в школе, пытался реализовать свой лекторский и интеллектуальный потенциал. Он выступал с агитколлективом, читал лекции по вопросам политики, философии, культуры перед населением района. Популярностью пользовался подготовленный им цикл лекций, посвященный противостоянию русского и немецкого народов, в которых немецкий народ на всех исторических этапах представлялся лютым и коварным зверем, отвратительным чудовищем. При этом история отношений иногда излагалась тенденциозно, допускались существенные искажения событий. Следует понимать, что в этот момент шла народная война, на фронтах люди бились насмерть, и поэтому недопустимым был иной подход при описании ненавистного врага. В связи с отсутствием местных лекторских кадров, активность отца поддерживалась лицами, ответственными за пропаганду в Белозерском районе и даже в Курганской области. Особенно востребованной оказалась тема: "Где и когда русский народ бил немецких захватчиков." Текст лекции отправили на предварительный просмотр и было получено разрешение, т. е. лекция была залитована, и по путевкам отделов агитации и пропаганды райкома и обкома партии ВКП(б) отец выступал с этой темой перед населением очень много раз. Помимо лекций на злобу дня, посвященных Великой Отечественной Войне, папа также успешно выступал по вопросам экономики и мировой политики. Благодаря своему мастерству, он пользовался авторитетом у своих коллег и зарекомендовал себя, как эрудированный и опытный лектор. Поэтому, когда появилась вакансия преподавателя политической экономики в областной партийной школе, ему предложили перейти на штатную работу.

В середине 1943 года мы переехали жить в город Курган и прожили здесь до конца войны. Папа успешно занимался лекторской деятельностью, мама работала в одной из школ города, а я в этой же школе продолжил обучение. Жена маминого брата Лиза с сыном также переехала из Белозерки в Курган, устроилась в ведомственный детский сад, где условия работы были лучше, чем на старом месте. Лидером в нашем сообществе был папа. Он устроился лектором в системе повышения квалификации руководящего состава в различных городских ведомствах, подготовил увлекательные подборки лекций, как например, "По политической карте мира", "Вопросы

социалистической экономики", и другие. Многие начальники, обучаясь на подобных курсах, повышали свой образовательный уровень, который был, что греха таить, достаточно низким. Я уже рассказывал о потрясающем успехе лекции отца, посвященной мифу о грандиозном Ледовом побоище и невероятных победах воинства Александра Невского. Вскоре в его репертуаре появился еще один необыкновенно востребованный бестселлер "Сталин в народном творчестве и художественной литературе". Сейчас такое верноподданничество выглядит жалким, но в те годы даже незначительное инакомыслие каралось жестоко, вплоть до смертной казни. Поэтому в целом работа отца обязана была быть и была идеологически выдержанной. В этом случае она высоко ценилась властью и относительно хорошо оплачивалась. Была, правда, в ней какая-то странность. Дело в том, что в СССР в элитные партийные и советские слои общества могли попасть только коммунисты. Отец не был членом партии и никогда не вступал в неё. Поэтому не понятно, как областное начальство могло доверить беспартийному еврею обучение высшей партийной номенклатуры?

После переезда в Курган наша семейная жизнь изменилась мало и во многом была похожа на жизнь в Белозерке. Однако появилось больше возможностей для отдыха и развлечений, в городе работало несколько кинотеатров, драматический театр, городской каток. Мы посмотрели все фильмы о войне, я посетил несколько детских спектаклей, зимой катался на коньках. Во время войны в городе существовала система специального распределения продуктов питания. Была ли она до войны и сохранилась ли после – я не знаю. В то время, когда мы жили, работал магазин и несколько столовых, в которых обслуживание производилось по специальным талонам. В магазине можно было купить продукты, указанные в талоне, по государственным расценкам, а в специальную общественную столовую по разовому талону можно было пройти и получить очень хороший обед по заниженным ценам. Папа работал в двух системах – областной и городской, и каждая из них имела свой спецраспределитель. Поэтому на все рабочие дни месяца папа получал по два талона на обед – один в горкомовскую столовую, второй – в обкомовскую. Детей по талонам впускали, поэтому по одному талону обедал я, по другому талону – мама или папа по очереди. Иногда мама отдавала свой талон племяннику Лене, чтобы подкормить его. Однажды в очередной раз она за ручку привела малыша накормить обедом в горкомовскую столовую, но у входа он идти отказался, уперся и требовал отвести его в другую спецстоловую, расположенную рядом. Когда мама спросила его почему он так хочет, то он твердо ответил: "Там - луцце". Буквы "ч" и "ш" он еще

произносить не научился, но в иерархии властей уже разбирался - в обкомовской столовой действительно кормили лучше.

На этом эпизоде я заканчиваю описание нашей эвакуационной эпопеи. Война окончилась – пришла пора возвращаться домой. Мы прожили в Сибири четыре года, полные тревог и тяжелого труда. В эти годы среда обитания оказала огромное влияние на мое развитие. Тесное общение с природой, ощущение её огромности и безграничного разнообразия, преодоление всевозможных жизненных коллизий сформировало мои духовные и человеческие качества. Я приехал сюда ребенком, а уезжал зрелым мальчиком, учеником седьмого класса. Отмечу, что после возвращения в Днепропетровск нам предстояло отметить бар-мицву – моё тринадцатилетие. По еврейским законам в 13 лет наступает взросление и человек становится самостоятельным, несет

Десерт моего детства

ответственность за совершаемые деяния. Я, к сожалению, мало что знал о еврейской традиции, но отец, думаю, наблюдая за моим созреванием, сопоставлял его, с наступлением бар-мицвы. Короче, в Сибири я получил духовный заряд, существенный для моего будущего. Думаю, что мои родители здесь тоже окрепли, проверили семью на прочность, набрались жизненного опыта. Что касается страданий и лишений, которые выпали на нашу долю, особенно в начале эвакуации, то трудно дать ответ на вопрос, можно ли было их избежать. Известно, что во время войны по ленд-лизу в Советский Союз из Америки в рамках гуманитарной помощи поступали в огромном количестве продукты питания. Они предназначались в первую очередь для лиц, покинувших оккупированные территории, но я не слышал ни разу от людей, выживших в эвакуации, чтобы они пользовались этими благами. До них не дошли, где-то рассосались миллиарды банок свиной тушенки, десятки тысяч тонн сушеного картофеля, яичного порошка, поступившие за период Великой Отечественной войны. Карточная система в Советском Союзе была отменена в 1947 году, и до самой отмены номенклатурные слои населения получали по талонам и тушёнку, и американскую картошку, и бекон. Думаю, что будет неправильно, обвинять местные власти в сокрытии от беженцев поставок американского продовольствия, но этот пример очень точно характеризует отношение верховной власти к своим гражданам.

На фоне послевоенной разрухи и бедствий, уровень жизни нашей семьи в Кургане можно было считать удовлетворительным. Тем не менее, вопрос о том, чтобы остаться жить здесь навсегда, даже не возникал. Мы

идентифицировали себя с родным для нас городом на Украине. Здесь я родился, для родителей Днепропетровск оставался городом их любви, здесь прошла их молодость, здесь они состоялись как личности, здесь они прожили лучшие годы своей жизни, здесь у них появился сын. Решение вернуться домой не имело альтернативы. Для переезда требовался вызов из Днепропетровска. Папа отправил около десяти запросов на получение вызова в организации и учебные заведения, которым требовались преподаватели, и из всех мест получил один и тот же ответ: "в просьбе о вызове Вас на постоянную работу в освобожденные от немецких оккупантов районы вам отказано за неимением вакантных мест по вашей специальности". Отправляя письма, папа еще не знал, что в первые же месяцы после освобождения Киева из столицы Украины последовала директива во все кадровые управления республики о том, что евреев, покинувших во время войны оккупированные районы, назад на работу не приглашать. А это означало, что следует действовать через друзей, и первый же человек, к которому папа обратился в течение недели, прислал срочный вызов на работу и для папы, и для мамы на правительственном бланке. Письмо подписал просто порядочный человек, начальник какого-то главка Молчанов. Я больше о нем ничего не знаю, но обязан привести его фамилию и сказать: Спасибо. В середине июля 1945 года пассажирский поезд из г. Кургана прибыл в г. Днепропетровск, в обычном плацкартном вагоне поезда наша семья вернулась из эвакуации в родной город.

Глава 5

Возвращение. Школа

С первой же минуты нашего пребывания в Днепропетровске стало ясно, что вернулись мы в город со старым названием, но город этот был совершенно не похож на тот, который мы покинули в начале войны. Оккупация изменила его до неузнаваемости. Дело было даже не в разрушениях, не в поврежденных и запущенных постройках, а в том унынии, которое охватывало улицы города. Вместо солнечных улиц, заполненных потоками активных, куда-то устремленных людей, вместо процветающего города, мы увидели полупустые улицы, неработающие предприятия; изменился даже сам уклад жизни города.

После перенесенных потрясений город медленно возрождался. Чтобы понять, что представлял собой послевоенный Днепропетровск, необходимо хотя бы вкратце рассказать о событиях во время его оккупации. Среди множества бед, которые фашисты принесли городу, уничтожение евреев выглядит особенно трагично. Я не могу пройти мимо этих событий потому, что они в значительной мере повлияли на послевоенный облик города. Я обязан говорить и кричать о свершившемся преступлении, вспоминать катастрофу потому, что в расстрельных ямах города лежат мои родственники, друзья, соседи, мои земляки, которые были по национальности евреями. Принято считать, что европейский Холокост начинается с расстрела евреев фашистами в Бабьем Яру 29 сентября 1941 года, а конец ему был положен 27 января 1945 освобождением концлагеря Освенцим. Официально считается, что за период Холокоста погибло 6 миллионов евреев. Мучения миллионов людей происходили в самых разных точках земли. На Украине массовое уничтожение евреев совершено в 630 населенных пунктах. Одним из таких пунктов был Днепропетровск. Фашисты оккупировали город 25 августа 1941 года. С первых же дней начали выпускаться постановления властей, которые превращали евреев в бесправных рабов – запрещалось принимать евреев на работу, принимать еврейских детей в детские сады, оказывать евреям медицинскую помощь, принимать письма для евреев и от евреев, запрещались смешанные браки с евреями; комендантский час для евреев устанавливался с 16:00, для остального населения с 19:00; установленная норма отпуска хлеба для евреев была намного ниже, чем для остальных жителей города. Все ограничения распространялись на потомков евреев до третьего колена. Согласно отчету немецкой военной комендатуры, к началу оккупации еврейское население города составляло 35 тысяч человек.

Планомерное уничтожение евреев началось с первого дня и проводилось вплоть до освобождения города 25 октября 1943 года. Установить точное число евреев, погибших в городе во время оккупации, практически невозможно из-за отсутствия списков расстрелянных. В упомянутом отчете комендатуры имеется заключительная фраза, которую невозможно читать без содрогания, я её процитирую: " Еврейский вопрос, поскольку речь идет только о городе Днепропетровск, можно считать решенным." Зверская расправа над евреями представлена в немецких официальных документах, в актах советских комиссий, обследовавших места преступлений после освобождения города, подтверждена свидетельскими показаниями евреев, случайно выживших при расстрелах, и показаниями свидетелей, принимавших участие в проводимых фашистами акциях или видевших эти бесчинства. Утром 13 октября 1941 года

10–12 тысяч евреев было под угрозой расстрела собрано на площади за магазином "Универмаг", расположенном на проспекте Карла Маркса. Окружив толпу плотным кольцом, гестаповцы грубо обыскивали людей, забирая себе все имевшиеся у них ценности: часы, кольца, браслеты, портсигары, хорошую одежду. Затем евреев построили в колонны по 800-1000 человек и под усиленной охраной погнали по улице Карла Либкнехта к оврагу на территории лесопитомника, расположенного напротив Транспортного института. В общей колонне шли мужчины, женщины, девушки, старики, дети различного возраста, женщины с грудными детьми на руках. Расстрелы на краю оврага глубиной 13 -20 метров начались в 5 часов утра 14 октября и продолжались до 17 часов 15 октября 1941 года. Во время зверской расправы тех, кто потерял сознание, или не мог идти, или сопротивлялся и отказывался идти к краю оврага под пули расстрельной команды, гестаповцы принудительно тащили по земле к оврагу, где расстреливали их в бессознательном состоянии. Гитлеровские мерзавцы вырывали из рук отцов и матерей маленьких детей, которых в присутствии родителей бросали в овраг и живыми забрасывали землей. Большую часть оставшихся вещей убийцы забирали себе, все остальное сбрасывали в овраг. Через непрерывающуюся стрельбу, окрики и ругань фашистов пробивались стоны людей, дикие вопли и нечеловеческие крики. Вокруг всего оврага стояла вооруженная охрана из мадьяр, которые никого не подпускали к месту расстрела. С целью сокрытия своих злодеяний изверги, наполнив овраг трупами и засыпав их сверху землей, посадили на этом месте деревья.

Вторым местом систематического массового истребления евреев на протяжении всего периода временной оккупации города являлся противотанковый ров, тянувшийся от нынешнего парка Писаржевского до улицы Энергетической. Только в зимние месяцы (декабрь 1941 – февраль 1942) здесь было расстреляно более 7 тысяч человек. Всего же в районе противотанкового рва гитлеровцы истребили от 17 до 20 тысяч человек, тела которых обнаружены комиссией, обследовавшей ров после освобождения города от немцев. Согласно переписям населения, проводимым городской управой, в начале ноября 1941 года в городе было зарегистрировано 7962 еврея, в марте 1942 – 702, в июле – 377. Спустя год, в статической справке бюро городского управления в графе "Численность евреев" стоял прочерк, а в данных о смерти жителей за 1943 год – графа "Еврей" отсутствовала. В итоговом акте городской комиссии по расследованию злодеяний сказано, что "фашистские захватчики в период временной оккупации города истребили 29 000 мирных советских граждан". В этом документе, как и во всех других

материалах, посвященных зверствам оккупантов и их пособников, признается факт планомерного массового истребления евреев Днепропетровска, но слово "евреи" ни разу не используется и повсеместно заменено словами "советские граждане". Массовое уничтожение евреев нацистами стало подаваться советской пропагандой как уничтожение «советских граждан». Такова была официальная позиция властей и во время войны, и долгое время после её окончания. Власти намеренно искажали сущность Холокоста, целенаправленно замалчивая геноцид евреев на оккупированных территориях.

Хотя наличие преследований евреев немцами и истребление евреев признавалось советскими органами, факты реального уничтожения еврейского населения в городах страны ими игнорировалось. Так, например, в одном историческом документе при описании нацистской акции против евреев города Днепропетровска понятия подменяются и сказано: "Без предъявления каких-либо обвинений проводились массовые расстрелы советских граждан". При этом предполагается, что всем известно, что без предъявления обвинений уничтожали только евреев, уничтожали только за то, что они евреи. Надо сказать, что в конце 80-х годов власти наконец-то признали и официально подтвердили массовое уничтожение евреев нацистами во время войны. Например, в "Книге памяти воинов-евреев и жертв Холокоста города Днепропетровска", изданной в четырех томах уже в последнее время (в 1999-2004 годах) все события названы своими именами и сведения не содержат передергиваний. Я считаю преступным длительное искажение советскими властями фактов Холокоста на территории страны. Замалчивание поголовного уничтожения всех евреев, проводимого нацистской Германией в зоне оккупации, препятствовало осуждению зверств фашистов мировым сообществом, способствовало появлению фальсификаций, ставящих под сомнение сам факт Холокоста, содействовало усилению антисемитизма в обществе. Считается, что на оккупированных территориях Холокост активно был поддержан меньшинством нееврейского населения; большинство заняло нейтральную позицию и незначительная часть населения проявляла сочувствие евреям. Известны случаи спасения евреев, особенно детей, несмотря на то, что за подобные поступки немцы грозили расстрелом всей семьи.

Как бы там ни было, жители послевоенного Днепропетровска были свидетелями физических и душевных мучений евреев в годы оккупации, но многие из них были заражены нацистскими идеями, антисемитскими настроениями, и мы сразу же ощутили недоброжелательное отношение

населения к евреям, возвращавшимся из эвакуации. В дремучей антисемитской среде нас называли "недорезанными жидами", "бойцами Ташкентского фронта". Мы приехали через год после освобождения города от немцев и, проходя по улице, неоднократно ловили на себе злобные, ненавидящие взгляды встречающих прохожих. Любая стычка между людьми, в которую был вовлечен еврей, могла закончиться скандалом, оскорблениями в адрес евреев и даже дракой. Люди, вернувшиеся в город раньше нас, говорили, что они застали расцвет националистического экстремизма, и что обстановка стала значительно спокойней после арестов зачинщиков нескольких групповых бесчинств, сопровождавшихся выкриками антисемитских лозунгов. Очень часто линия противостояния проходила по всё тому же пресловутому "квартирному вопросу". Жилые помещения, принадлежащие реэвакуированным евреям, были, как правило, заняты другими лицами, вселившимися в них во время оккупации. Они отказывались выезжать из домов и квартир, в которых проживали, и вернувшимся евреям приходилось обращаться в суд с требованием освободить их бывшее жилье. Если суд принимал решение в пользу истца, а жилец продолжал отказываться покидать квартиру, то по решению прокурора производилось выселение. До нашего возвращения, более полугода назад, одно из таких выселений сопровождалось ожесточенным сопротивлением жилицы, которая своими криками собрала толпу численностью до 200 человек. Посыпались выкрики "Бей жидов, спасай Россию", "Смерть жидам", "37 тысяч перерезали, а остальных мы добьем". Разогретая группа лиц из толпы взломала соседнюю квартиру, принадлежащую евреям, ворвалась туда и, танцуя и сквернословя, начала ломать мебель. Наряд милиции рассеял толпу и арестовал зачинщиков. Проявленная властями в подобных инцидентах жесткость остудила горячие головы, и к нашему приезду страсти улеглись.

Тем не менее, нам предстояло пройти весь квартирный процесс от начала до конца. На момент возвращения в нашей довоенной квартире проживали гражданин Педишенко со своей семьей - по ордеру, который он получил, как погорелец, и одинокая гражданка Рябец, заселившаяся без ордера. При первой встрече договориться с жильцами не удалось - они категорически отказывались идти на мировую, а при втором посещении Педишенко открыл дверь и, увидев, что пришли папа с мамой, ушел в глубь квартиры, а вернулся с топором в руках, подчеркивая, что он готов на крайние меры, если мы будем ему докучать. Мой отец в обыденной жизни был человеком уступчивым, мягким, нетребовательным, но, в критических ситуациях, когда дело касалось принципиальных вопросов или семье угрожала опасность, он преображался,

превращался в человека бесстрашного, последовательного и непримиримого. Вот и теперь, он запретил маме и мне подходить к нашему дому и не разрешал принимать участия в тех делах, на которых присутствуют нынешние жильцы нашей квартиры. Он быстро оформил исковое заявление и передал его в суд, отказался от адвоката и взял функции защитника на себя, подготовил неоспоримую доказательную базу нашего права на квартиру. Кроме того, он получил справки, удостоверяющие, что в годы немецкой оккупации Педишенко служил полицаем, а Рябец работала журналисткой в немецкой газете и постоянно призывала к "знищенню світового жидівства". Суд состоялся через 10 дней и постановил наш иск удовлетворить, ордер Педишенко аннулировать и выселить его и его семью из квартиры. Рябец также подлежала выселению. Выселение невозможно было приостановить ни при каких обстоятельствах. Районное жилищное управление было обязано сохранить наш ордер и предоставить квартиру нам. Мы победили в суде благодаря продуманным действиям папы в предсудебный период, благодаря его яркому выступлению на процессе в качестве защитника. Твердая позиция судей и категоричные формулировки судебного решения не оставляли ответчикам никаких шансов на успех в случае продолжения тяжбы. Наши друзья, присутствовавшие на заседании суда, говорили, что, защищая наши интересы, отец достиг вершин ораторского мастерства. Я считаю, что наши противники сдались без боя под натиском бойцовских качеств отца – через два дня квартира была освобождена и передана нам. Сотрудник жилуправления сказал, что выселенные жильцы поняли, что, сопротивляясь, они ничего, кроме неприятностей, не получают и поспешили переехать в свои квартиры, которые как выяснилось, у них были, но не в городе, а в Днепропетровской области.

С момента нашего возвращения из эвакуации прошел месяц, и все это время жить нам было негде, ночевали порознь у друзей и знакомых, вещи хранили в ветхом сарайчике. Поэтому, получив ключ, мы тотчас же помчались взглянуть на квартиру. Бывшие жильцы вывезли абсолютно всё и поломали всё, что могли. Мы нашли мастера, который укрепил двери, врезал новый замок, установил на дверях дополнительные задвижки. Вечером мы перенесли вещи из сарая домой и ночевали уже вместе на полу в нашей родной квартире. Предстоял ремонт квартиры и длительный период её освоения, но это нас не пугало, так как мы уже несколько раз проходили вселение в квартиру даже в более трудных условиях. Как известно, дома и стены помогают. Отрадно было то, что возвращение нашей квартиры прошло без эксцессов, а это свидетельствовало о том, что обстановка нормализуется и местная власть постепенно устанавливает в городе закон и порядок. Приближалось начало

учебного года, открывалось несколько новых школ, в ближайшую из которых №2 я был без каких-либо проблем зачислен, мама также оформилась на работу в школу, расположенную недалеко от дома в центре города. В здании рядом с нашим домом, где до войны был Индустриальный техникум, созданный на базе Еврейского Машиностроительного техникума, и где работал папа, теперь размещался военный госпиталь. Техникуму предоставили новый учебный корпус, расположенный в рабочем районе города вдали от центра. Папе предложили, и он принял предложение заведовать планово-экономическим отделением и преподавать политэкономию и экономическую географию. В Индустриальном техникуме он проработал до 1952 года. На этапе реэвакуации отец лицом к лицу неоднократно сталкивался с проявлениями государственного антисемитизма и понял, что эти процессы в стране усиливаются и приобретают новые формы. Занятия еврейской культурой стало опасным, и отец после возвращения полностью прекратил свою литературно – критическую деятельность, как оказалось, своевременно и предусмотрительно. Антисемитизм в стране набирал обороты, и уже осенью 1948 года начинаются прямые репрессии евреев. Руководствуясь правительственными постановлениями, в стране развернулась пресловутая борьба с космополитизмом. Откровенно антиеврейскую направленность борьбы ярко отражает популярное в те годы юмористическое двустишие: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом».

Перечислю некоторые акции, связанные с упомянутой борьбой: шельмование критиков с характерными еврейскими фамилиями, роспуск объединений еврейских писателей, закрытие альманахов "Геймланд", "Дер штерн", ликвидация издательства "Дер Эмес", аресты ряда еврейских писателей, журналистов и редакторов, готовивших материалы для Еврейского антифашистского комитета, расстрел двух из них за шпионаж, закрытие большинства еврейских музеев, прекращение передач Московского радио на идиш, закрытие Московского государственного еврейского театрального училища имени С. Михоэлса, ликвидация всех еврейских театров. В большинстве случаев обвинение в космополитизме сопровождалось лишением работы и «судом чести», реже арестом. По данным И. Г. Эренбурга, до 1953 года было арестовано большое число еврейских литераторов и деятелей искусства: 217 писателей, 108 актёров, 87 художников, 19 музыкантов — всего 431 человек. Так называемые, "метастазы заговора космополитов" были обнаружены и на местах, на периферии. Выяснилось, что, например, в Днепропетровске театральную и литературную критику возглавляют такие недостойные люди, как М.Сойфер, И. Пустынский и М. Штейн, хорошо

известные своими безосновательными нападками на советские театры и на талантливых молодых писателей Днепропетровщины. Отец мог оказаться в этом списке космополитов, но провидение позаботилось о нем. Своим молчанием отец инициировал процедуру забвения и способствовал тому, что борцы с космополитизмом забыли о его бывшей приверженности еврейской культуре. Антисемитские проявления омрачали наше существование, но не заслоняли окружающую действительность. У нас на глазах послевоенный город менялся: наблюдался постоянный приток людей, возвращались специалисты, демобилизованные военнослужащие, налаживалась мирная жизнь, открывались торговые заведения, столовые, кинотеатры, но, самое главное, восстанавливались быстрыми темпами заводы металлургической промышленности, а некоторые из них уже работали, началось строительство автозавода, который был затем перепрофилирован и уже в начале пятидесятых стал основным поставщиком ракетных вооружений для армии. Город постепенно превращался в успешный промышленный центр развития, хотя большинство населения в городе тяжело трудилось и было очень бедным. Послевоенный развал сельского хозяйства, снижение урожая вследствие засухи 1946 года, бесчеловечная политика советских властей привели к голоду 1946-1947 годов. Население страдало также от серьезных инфекционных заболеваний, таких как септическая ангина, дизентерия, от различного рода эпидемий, включая тиф. Нашу семью не миновал ни голод, ни болезни. Мама заболела сыпным тифом в тяжелой форме. Многие дни у неё держалась очень высокая температура, несколько раз она теряла сознание, её долго лечили в больнице в условиях изоляции, последствием болезни стал психоз. Её безумно беспокоила послевоенная безопасность страны, и она писала письма о происках внутренних и внешних тайных врагов советской власти, Все её послания адресовались лично Генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину! Сейчас это выглядит смешно, но в те дни мы были встревожены её гражданской активностью, опасаясь не только за состояние её здоровья. Озабоченность вызывала также тематика её бреда, спровоцированного назойливой советской пропагандой бдительности, призывами "стучать" на каждого подозреваемого. Думаю, что администрация больницы передала все её письма "куда надо", но там, к счастью, поняли, что все это плод больного воображения, и дело закрыли. Психоз бесследно исчез примерно через месяц, и маму окончательно выписали из больницы. Мама сильно изменилась, мне даже показалось, что она посвежела и похорошела. При поступлении в больницу её постригли наголо, но за время лечения на голове быстро отрасли густые короткие волосы, мама сделала симпатичную спортивную причёску и стала ещё краше. Теперь она была с нами дома, и все вокруг посветлело.

Бедственные послевоенные годы стали особенно тяжелым испытанием для сельского населения, и, спасаясь от голода, многие потянулись в город на заработки. Одинокие женщины и девушки имели возможность устроиться домработницами в семьи, с проживанием в обслуживаемой квартире, в соответствии с постановлением, действующим в 30-тые годы, о котором я рассказывал в предыдущей главе. В эти годы к нашему берегу вновь прибило домработницу. Шура, так звали нашу новую домработницу, была женщиной лет сорока, с несостоявшейся личной жизнью. На момент её прихода в наш дом свою миссию она видела в том, чтобы помочь родной сестре, которая осталась в деревне, поднять детей. Три Шуриных племянника были главной её заботой всю жизнь. Всю свою скудную зарплату она целиком передавала в деревню. Была она женщиной опрятной и трудолюбивой, выполняла все работы по дому, прикипела к нашей семье, дружна была с мамой. Лет через десять мама, вопреки своим интересам, пробила ей однокомнатную квартиру и оплачиваемую работу смотрителя одного из домов в нагорной части города. Шура была очень признательна маме, с семей связью не порвала и эпизодически приезжала в гости к моим родителям, когда они стали стареньким, и помогала им по дому. А в те годы, когда я учился в школе, она была не только домоправительницей, но и следила за мной и поддерживала связь с нашими ближайшими соседями и жильцами всего двора. Наши соседи по дому – Шпецер, Медник и Литвин - вернулись из эвакуации после нас и вселились в квартиры без проблем, поскольку после суда, который выиграл мой отец, их право на квартиру в нашем доме считалось бесспорным. Дочка Шпецера превратилась в красивую барышню и вскоре вышла замуж. Бывший парторг техникума Медник отвоевал на фронте полной мерой, несколько раз был ранен и теперь сильно хромал, опираясь на палку. Литвин – сосед, проживающий рядом с нами – продолжил работу инженера по строительству и по совместительству певца на любительской оперной сцене. Злые языки говорили, что он - лучший певец среди строителей и лучший строитель среди певцов. Я любил, сидя на балконе, слушать, как он, стоя у открытого окна, исполняет оперные арии. Особенно мне нравилось, когда он репетировал арию Германа из "Пиковой дамы":

Что наша жизнь - игра!
Добро и зло - одни мечты!
Труд, честность - сказки для бабья!
Кто прав, кто счастлив здесь, друзья!
Сегодня ты, а завтра я!

Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи!
Пусть неудачник плачет,
Пусть неудачник плачет,
Кляня, кляня свою судьбу!

Слова казались мне жестокими, но мудрыми, а красивая музыка просто завораживала. Я получал удовольствие от его пения, а музицировал он очень часто и подолгу, потому что любил отлынивать от работы, филонить или, как у нас говорили, "сачковать". Время от времени он прекращал распевать и звонил по телефону либо в контору, либо на строительный объект. Первым он сообщал, что находится в данный момент на стройке, а вторым – что он занят в офисе документацией, но скоро к ним подъедет. После звонка он продолжал спокойно репетировать в полной гармонии с полюбившейся мне арией.

По приезде из эвакуации мы удивились, что в школах города принято раздельное обучение детей по половому признаку. Оказалось, что еще в 1943 году по этому поводу вышло постановление правительства с туманной аргументацией целесообразности создания разнополых школ. В маленьких сельских школах реализовать разделение было затруднительно, но в городах - школы были быстро переукомплектованы. Среднее образование я получил в школе, учениками которой были только мальчики, мама также преподавала в старших классах другой мужской школы. В районе, где мы проживали, располагалась еще одна школа, в которой обучались только девочки, с которыми мальчики общались вне школы и обсуждали учебные проблемы. Каких-либо серьезных отличий в программах или методах обучения во всех этих школах мы не наблюдали, кроме того, что в мужских школах в старших классах преподавали военное дело, а в женских – учили шить и вязать. Говорили, что администрация школ заимствовала разнообразные подходы, практиковавшиеся при раздельном обучении юношей и девушек в мужских и женских классических гимназиях, но я ничего вспомнить не могу, кроме бальных танцев, проводимых для учеников десятых классов нашей школы №2 и женской школы №81 в спортзале женской школы. Но это было действительно здорово, хотя бы потому, что я готов назвать имена двух моих одноклассников, которые по завершении цикла танцев увлекли своих партнерш более серьезными занятиями, и далее они вместе с ними пошли по жизни. Так что опыт царских гимназий оказался полезным не только для укрепления школьной дисциплины, но и для продолжения потомства. Для любых форм обучения – совместной или раздельной – общим является тот

факт, что школьные годы летят быстро. А по существу, мужская школа в городе сильно отличалась от сельской школы, где я учился до возвращения в Днепропетровск и где присутствовало уважительное отношение к учителям и почитание родителей. В городской школе контингент учащихся по социальному происхождению был очень разнородным – от воспитанных детей профессуры и холеных отпрысков партийной верхушки, до мальчишек из уголовных семей и из деревенских семей, недавно переселившихся в город. Дети приносили в класс свое понимание правил поведения в коллективе, принятое в их семьях, и это был суций "бедлам", в особенности, вначале, когда подростковый возраст моих одноклассников составлял 13-15 лет. В школе было более 1000 учеников, в каждом классе занималось по 30-40 мальчиков, обучение велось в две смены, парты были довоенного производства, много раз отремонтированные и перекрашенные. В таких условиях непросто было обеспечить учебный процесс, но учителя в то время были превосходные – энтузиасты и мастера своего дела.

Хорошо помню учительницу математики – привлекательную, молодую, ладно скроенную женщину с очень живыми глазами. В то время все – и ученики, и учителя – получали какую-нибудь кличку, математичку почему-то звали "Жирная косточка". Она превосходно владела предметом, дисциплину поддерживала не окриком, а внутренней силой и способностью заинтересовать учеников своим предметом. Учителем физики был офицер по фамилии Хазан, демобилизованный после окончания войны. Как напоминание о его боевых годах, при нем всегда была военная кожаная планшетка, перекинутая на ремешке через плечо. Университет он окончил еще до войны, жил недалеко от нас вместе со своей красавицей женой, детей у них не было. Может быть, поэтому он всегда стремился устанавливать с учениками личные контакты, однажды даже пригласил мальчиков из моего класса, живущих неподалеку, к себе домой и долго рассказывал забавные истории из жизни знаменитых физиков. Учительница химии тоже была человеком увлеченным своей работой, особенно трепетно она относилась к урокам, на которых проводились демонстрационные опыты с химическими веществами. Физик Хазан тоже дорожил уроками, сопровождаемыми физическими экспериментами. Им казалось, что на этих занятиях они уходят от примитивного школярства, погружая мальчиков в суть природных явлений. Большая благодарность им за это, поскольку в те годы отсутствовала индустрия игрушек и моделей, предназначенных для удовлетворения любознательности детей. Я помню, как мы добывали огонь трением, жгли

костры, баловались с разными предметами на воде, изготавливали своими руками поделки из дерева, строили модели самолетов, кораблей, запускали "ракеты", наполненные порохом, извлеченным их боевых патронов, которые тогда можно было просто найти на улице. Однажды мы произвели автоматический запуск ракеты, поджигая пороховую затравку пучком солнечных лучей, сконцентрированных с помощью линзы. В таких технических изобретениях заводилами были мой тогдашний школьный друг Алек Мороховский и я. Сейчас это трудно себе представить, но в эти годы ученые только приступили к разработке первых примитивных детекторных радиоприемников. В продаже они, естественно, отсутствовали, так же, как и их электронные компоненты, да и понятий о полупроводниках в головах людей, думаю, еще не существовало. Короче, каменный век. И вдруг с какого-то номерного предприятия кто-то начинает выносить крупницы отходов производства кристаллического кремния и распространять их среди друзей и детей. Далее оказывается, что, если с одной стороны такого маленького кусочка то ли металла, то ли кристалла подпаять проводник, а к другой его стороне прикоснуться проволочкой то образуется полупроводниковый переход, т.е. этот кусочек становится диодом. Батарейки для фонариков и маленькие репродукторы были в продаже. Соединив батарейку, кристаллик и репродуктор между собой в единый контур, мы получили самодельный детекторный радиоприемник и услышали музыку, транслируемую местной радиостанцией. Восторг был неописуемый. Это была победа разума над косностью. Ошарашив родителей, мы на следующий день отнесли это чудо в класс и без всякой радиоточки в любом месте классной комнаты могли отчетливо слушать "Последние известия". В этот день все уроки были сорваны, но за нами закрепилось звание Кулибиных школьного разлива. В сентябре 2017, мой коллега по детскому открытию Алекс, прожив достойную жизнь, скончался в одночасье в г. Хайфа в кругу семьи. Вечная ему память.

Большой популярностью в послевоенные годы пользовались предметные олимпиады между учащимися школы, области или региона, требования к участникам год от года усложнялись, их число увеличивалось. Если вначале от участников состязаний требовалась демонстрация знаний и навыков в одной из дисциплин, то в дальнейшем важными становились творческие возможности участников, их успехи при решении нестандартных заданий. Меня часто включали в состав команд нашей школы для участия в областных и украинских олимпиадах по математике, физике и химии, и я приносил школе призовые места, не всегда первые, но вторые и третьи – обязательно. Помоему, в девятом классе за первое место во Всеукраинской математической

олимпиаде меня премировали путевкой на экскурсию в город Ленинград. Я был в восторге от такой награды, потому что знакомство с городом потрясло меня обилием невероятных впечатлений. Фанаткой школьных олимпиад была учительница химии, очень серьезно относилась она к соревновательной стороне олимпиад, охвату учащихся этим движением и к результатам, победам и местам, занятым школой на олимпиадах. Меня она тоже привлекала к участию в олимпиадах по химии, и однажды я принес ей первое место по области, чем она безумно гордилась. Так вот, баллы на олимпиаде я заработал за реферат, посвященный горючим газам. Напомню, что в те годы промышленное и бытовое применение газов только начиналось и выглядело проблематичным, а данные об их запасах просто отсутствовали. Я, отпустив тормоза своей детской фантазии, нарисовал в реферате такую картину будущего использования газа в науке, технике, в быту, что становилось ясно, что без горючего газа жизнь человечества просто невозможна. За эту фантазмагорию я получил на олимпиаде высокую оценку, а химичка приколотла копию реферата на настенную доску рядом со своим кабинетом. В прошлом году мой бывший школьный приятель позвонил мне из Австралии, поздравил с днем рождения и сказал, что он должен передо мной извиниться. Оказалось, что он в школьные годы завидовал моим победам на олимпиадах и однажды снял мой реферат с доски химички, переработал его и представил на какой-то конкурс школьных работ, как свой. Каково же было его удивление, когда химичка позвала его в свой кабинет и, держа в руках его работу, сказала, что работа переписана с реферата талантливого мальчика, что этот реферат отмечен призом и с ним знакомо много людей. Она вернула ему его работу и посоветовала никогда в будущем так не поступать, поскольку поступок этот называется воровством. Таким необычным способом, бумерангом, через семьдесят лет ко мне вернулись воспоминания о событиях школьной жизни. Школьная жизнь включала, разумеется, не только учебные заботы, но и проблемы построения взаимоотношений со своими ровесниками, формирование таких понятий, как дружба, долг, справедливость, чувство ответственности, дисциплина и другие. К чести коллектива нашего класса, имевшие место противоречия, враждебные отношения между отдельными мальчиками, конфликты, связанные с материальными претензиями друг к другу, элементарные драки между подростками по пустяковым поводам - все это выносилось на обсуждение всего класса и завершалось мирным путем, в отличие от трудных классов, в которых противостояние доводилось до групповых схваток и могло закончиться травмами, иногда серьезными.

Классы в школе отличались также по уровню антисемитских проявлений. Государственный антисемитизм, проводимый в стране в эти годы, существенно укрепил позиции бытовых антисемитов. Думаю, однако, что более половины населения не разделяло антисемитских убеждений или была безразлична к ним. Взрослые антисемиты обычно бывают злобными, скрытными и трусливыми и таятся до поры до времени, в то время как на их детях проявляется реальный процент населения, зараженного ненавистью к евреям. Поэтому какова была численность и активность махровых антисемитов – мне неизвестно, но на улицах, в учреждениях, в школах можно было часто услышать оскорбления в адрес евреев и призывы избавиться от них. Наша школа располагалась в центральной части города, где проживала значительная часть евреев города, и поэтому в школе число еврейских мальчиков составляло примерно 10-15% от всего контингента. Учитывая такой сложный состав учеников и неопределенность настроений, в каждом классе складывалась своя антисемитская атмосфера. Были классы, в которых более сильные, зараженные антисемитизмом ученики, даже позволяли себе исподтишка ударить одноклассника-еврея, обозвать жидом, но до групповых, откровенных нападений дело обычно не доходило. В моем классе открытых угроз или оскорблений в мой адрес или адрес других учеников-евреев мне не довелось услышать, так же, как и антисемитских обвинений в адрес народа. Однако, в классе антисемитская нота часто звучала в еврейских анекдотах и песенках с имитацией еврейского акцента. Очень популярной у народа была песня "Старушка, не спеша, дорожку перешла, ее остановил милиционер", которую распевали на мотив лихой антинемецкой песенки "Барон фон дер Пшик". Песню исполняли, карикатурно картавя, с старушечьим произношением:

Ах, боже, боже мой, ведь я иду домой, сегодня мой Абраша выходной.
Несу я в сумочке кусочек курочки, кусочек маслица, два пирожка,
Я никому не дам. Все скушает Абрам, и будет мой Абрам, как барабан.

С одной стороны, исполнители песни создавали омерзительный образ старухи, который не соответствовал реальному облику еврейской пожилой женщины, с другой - песня была смешная и еврейские мальчишки иногда сами распевали её. Аналогичная ситуация была с еврейскими анекдотами, многие из которых сочинили сами евреи. Я решил обсудить эту неопределенность с моим соседом по парте и другом - русским мальчиком, лишенным, как мне казалось, антисемитского духа, мальчиком остроумным, любителем и бесподобным

рассказчиком анекдотов. Для того, чтобы ответить на мой вопрос, он попросил меня выслушать последний анекдот из набравшей тогда силу серии анекдотов "Армянское радио". Умело имитируя армянский акцент, он произнес голосом диктора:

- Дорогие радиослушатели! Гражданка Акопян спрашивает у нас, как предохранить горжетку от вытирания? Мы не знаем, что такое горжетка, но догадываемся (следует многозначительная пауза). Наш ответ: Меньше катайтесь на велосипеде.

Закончив анекдот, мой друг зашелся в хохоте на несколько минут, а когда пришел в себя, спросил:

- Скажешь, что это антиармянский анекдот? Но где здесь хоть одно слово против армян? Нет его. В анекдоте бывает только смешная ситуация, смешное событие, смешной образ и больше ничего. Точно также и с твоими еврейскими анекдотами. Они не несут в себе никаких антисемитских посылок.

Конечно, это было всего лишь поверхностное суждение легкомысленного мальчишки, но для оценки реального положения еврейской общины у меня не было достаточно информации. Официальные источники утаивали масштабы потерь евреев во время Холокоста, родители скрывали от меня серьезность проходящих в стране антисемитских кампаний, хотя было ясно, что вслед за уничтожением еврейской творческой элиты могут последовать жесткие акции по отношению к народу. Я совершенно не ощущал драматизма обстановки, наличия опасности и в полном объеме прожигал свои беззаботные школьные годы, радуясь любой возможности пошалить и поозорничать. Безудержное баловство на переменах, беготня по лестницам, веселые игры во дворе, бесконечные розыгрыши и подначки шли непрерывной чередой. Отметим, используя жаргонное словечко из тюремного лексикона, что "пошухерить" мальчишки особенно любили на уроках тех учителей, которые были неспособны поддерживать дисциплину на уроке. Главным объектом хулиганских выходок была учительница немецкого языка – полнеющая дама в кружевных нарядах с визгливым голосом. Для неё самым легким было испытание трещоткой, изготовленной из небольшого кусочка узкой киноплёнки, которую складывали так, что её наружная часть, находилась в напряженном состоянии, при прикосновении издавала звук, напоминающий щелчок, и возвращалась в исходное положение. Трещотка устанавливалась под партой в щель между половыми досками в месте расположения ноги ученика. Незаметно дотрагиваясь до трещотки ногой, мальчик мог произвести

целую трель щелчков, сидя за партой и преданно глядя в глаза учителя. Немка бегала по классу в поисках виновника треска, но, когда она приближалась к источнику, звук исчезал и сразу же появлялся в другом ряду парт в исполнении нескольких трещоток. Проводить урок под аккомпанемент трещоток было невозможно, и она, набегавшись и наоравшись, садилась на стул в ожидании звонка. Вид у неё, конечно, был жалкий, а класс ликовал. Откуда бралась у нас такая жестокость – не пойму.

Другое, еще более изощренное издевательство придумали, когда перешли на учебу в вечернюю смену. На одном из последних уроков происходил переход от дня к ночи, становилось темно и занятия проводились при электрическом освещении. Так вот, на перемене перед таким переходным уроком высокий ученик выкручивал лампочку из патрона, на её центральный контакт закрепляли небольшой кусочек смоченной в воде бумаги и затем осторожно вкручивали лампочку назад. Посредине урока, когда начинало темнеть, учитель выключателем включал свет, лампочка загоралась, потому что проводимость в патроне поддерживалась влажной бумажкой. Через несколько минут вода полностью испарялась, высохшая бумажка становилась изолятором и прерывала электрический ток, лампочка внезапно выключалась. Учитель безуспешно пытается включить её снова, пробует продолжить урок в сумерках, но в темноте ученики начинают проказничать с таким шумом, что учитель вынужден бежать за подмогой к завхозу или директору. За время его отсутствия бумажку из патрона вынимают, лампочку ставят на место и замирают в темноте в ожидании сюрприза. Когда учитель возвращается, непроизвольно щелкает выключателем и свет включается, восторгам учеников нет предела. Радостные выкрики, прыжки, подбрасывание шапок продолжаются вплоть до звонка об окончании урока.

Подобную шутку можно было позволить в отношении многих учителей, но не в отношении военрука, реакция которого была непредсказуемой, потому что это был злобный невежественный солдафон, отставной полковник. Иногда, рассердившись на наше очередное озорство, он с укоризной говорил:

- Если вы такие шустрые, то почему не можете всем классом выполнить команду "Кругом" через левое плечо?

Недавно я услышал реплику подобного персонажа из современного анекдота:

- Если вы такие умные, то почему строем не ходите?

Военрук наш был пропитан идеологией, как теперь говорят, совка, жутко ненавидел империализм. Враждебный строй ассоциировался у него с такими образами, как "бизнес" и "пинг-понг", правда произносил он их как "бензис" и "пинкапонка". Например, на политзанятиях он рассказывал, как бензис сосет кровь из рабочего класса, а когда на уроке мальчик неумело разбирал винтовку, военрук злорадно приговаривал: "Это тебе не пинкапонка играть".

Завершилась моя учеба в школе весьма нравоучительным эпизодом. По результатам за десятый класс я получил пять баллов по всем предметам. Предстояли экзамены на аттестат зрелости, вопрос о подготовке к экзаменам рассматривали на педагогическом совете школы, и меня признали бесспорным претендентом на получение золотой медали. Экзамены я сдал на отлично, но в последний момент мне почему-то решили заменить медаль на серебряную. И тогда с протестом по поводу этого решения в комиссию обратилась моя мама. Надо было обладать беспримерным мужеством, чтобы обжаловать официальное решение, поскольку такой практики в те годы не было. Тем не менее, мама выяснила, что мне за сочинение снизили оценку по настойчивой рекомендации представителя районного отдела народного образования (РОНО), вопреки мнению экзаменаторов, которые не нашли ошибок в сочинении, а с замечанием представителя не согласились. Директор прогнулся под давлением РОНО, не желая портить отношения с начальством. Короче, делу придали огласку, решение вынуждены были пересмотреть, и я за среднюю школу получил золотую медаль, которую храню по сей день и иногда показываю внукам. По действующей в те годы инструкции золотая медаль давала право поступления в любое высшее учебное заведение страны без сдачи вступительных экзаменов.

Совместный выпускной бал учеников мужской №2 и женской №81 школ проходил в спортивном зале женской школы и остался для меня запоминающимся событием. После торжественной части мальчики и девочки уже вперемешку прошли к столам, на которых была выставлена скромная еда и стоял бокал вина для каждого выпускника. Затем были танцы, по завершении которых вся толпа вывалилась на улицу, прошла по центральной улице города - проспекту К. Маркса и спустилась к реке Днепр. Рассвело, и выпускники группами начали покидать набережную, прощаясь друг с другом и с грустью расставаясь с прошедшими светлыми школьными годами.

До начала выпускного вечера ко мне подошел один из моих одноклассников Витя – мальчишка посредственный, такого же невысокого роста, как и я, но излишне толстенький, как бы опухший. Он все время пытался заслужить мою дружбу и даже считал меня своим другом, хотя я большого интереса к нему не проявлял. Он сообщил, что недавно женился и приглашает меня и еще трех учеников класса к себе домой, чтобы познакомить со своей женой. Я был ошарашен, но догадался его поздравить, а он добавил, что живут они у родителей жены и что с тремя мальчиками он уже договорился на послезавтра и, если меня устраивает, то к десяти утра он ждет нас. Короче, в назначенное время четыре пацана с букетом цветов прибыли по указанному адресу и увидели отдельное двухэтажное строение с парадной лестницей и колоннами на входе. Когда мы вошли внутрь особняка, то нас встретил здоровенный мужик в синем костюме, застегнутом, несмотря на жару, на все пуговицы, который, как я потом заметил, обращался к Вите по отчеству – Макарыч. Через минуту в одной из дверей появилась голова Вити, а потом и он сам в бирюзовой люрексовой пижаме. Извинившись, что проспал, он усадил нас на мягкие кресла в гостиной и попросил секунду подождать. Действительно, вскоре он вышел уже в нормальной одежде вместе с миниатюрной симпатичной девочкой, блондинкой. Андрей вручил ей букет и поздравительную открытку, а я добавил, что все друзья Вити рады, что у него при выборе спутницы оказался такой хороший вкус. Все рассмеялись, обстановка разрядилась, и мы прошли в комнату, напоминающую столовую, где был накрыт роскошный стол. Молчаливая женщина в строгой одежде по мере необходимости меняла блюда и убирала грязную посуду. Про себя я отметил, что у нас в семье никогда не было такого изобилия и разнообразия. Разговоры за столом крутились вокруг школьных воспоминаний и планов на дальнейшую учебу. Витя собирался поступать в строительный институт, а его молоденькая жена тоже окончила в этом году женскую среднюю школу, расположенную в нагорной части города, где проживала днепропетровская элита, но решения о продолжении учебы она еще не приняла. От вопросов, касающихся их личной жизни, молодожены уклонялись, ссылаясь на то, что срок их совместной жизни после свадьбы очень короткий - менее месяца. Когда мы вышли от них, Андрей немного прояснил ситуацию, сообщив, что отец девочки председатель Днепропетровского горисполкома, а сама девочка вот уже три месяца, как ждет от Витьки ребенка. Мой детский мозг не был готов к восприятию такой серьезной информации. Но Андрей, вдруг разоткровенничался, и взяв с нас слово о молчании, добавил, что по словам Витьки он все это сделал намеренно, потому что ему надоело мучиться вшестером в однокомнатной квартире с отцом-алкоголиком. От всей этой

неожиданно свалившейся истории с Витей моя голова разрывалась. Сославшись на недомогание, я извинился перед ребятами, вскочил в проходящий трамвай и помчался домой, пытаясь как-то осмыслить происходящее. Взрослая жизнь вторгалась в мое детство, и от этого никуда уже было не уйти.

Глава 6

Наш двор

Я слишком увлекся школьными воспоминаниями, забыв о моей семье, о родственниках, о соседях. Между тем, отец все меньше времени уделял работе в техникуме и все больше времени проводил дома. У него появились свои близкие друзья, с которыми он встречался у нас дома, и к которым он ездил в гости. Один из них – профессор Рубин – заведовал кафедрой медиевистики днепропетровского университета, другой – экономист Заславский – работал в доходном месте и слыл человеком состоятельным. Оба они были людьми зрелыми, Рубин овдовел и жил со своей взрослой дочерью, Заславский с женой жили в отдельной благоустроенной квартире. С отцом их связывали родной язык – идиш и страстная любовь к еврейской истории. При встречах разговаривали они только на идиш, темы бесед были посвящены иудаике. Однажды я слышал их жаркий спор по поводу одного отмеченного ими противоречия в книгах еврейских историков Генриха Греца и Семена Дубнова – одну из книг принес Рубин, другую – Заславский. Отец давно занимался собиранием книг по этой тематике, у его друзей тоже были небольшие библиотеки по истории евреев, они обменивались книгами, искали места, где подобные книги сохранились и приобретали их. Дружба их продолжалась достаточно долго, полагаю лет пятнадцать - двадцать и оборвалась, когда профессор Рубин скончался, а Заславскому стало трудно передвигаться по городу. Замену этим друзьям по духу отец уже не смог найти. Помимо языка и книг, друзей объединяло стремление соблюдать еврейскую традицию. В условиях, когда власти всячески препятствовали проведению религиозных праздников, исполнение обычаев становилось большой проблемой. Например, на Пейсах троюродная дружба любыми способами добывала небольшие количества мацы, запрещенной к изготовлению, делила её поровну, а иногда даже устраивала подпольный совместный первый пасхальный седер. Когда в 1950

году после неоднократных обращений исполком выдал синагоге разрешение на выпечку мацы, группа энтузиастов организовала производство мацы, и тогда отец с друзьями подключились к процессу, связанному с её распределением среди еврейского населения. Дело в том, что в документе, разрешающем выпечку мацы, запрещалось ею торговать, собирать средства для её бесплатной раздачи и рекламировать мацу вне стен синагоги. Перечитал последнюю фразу с перечнем запретов и подумал, в какой театр абсурда превращали власти простые человеческие потребности. Невзирая на эти запреты, отец с друзьями успевали вовремя встать в очередь за мацой, покупали по несколько упаковок мацы, которой хватало для семьи на праздники и для угощений родственникам и друзьям. Такой бег с препятствиями приходилось проходить ежегодно в преддверии светлого праздника.

В приобретении друзей мама не отставала от папы. Была она человеком общительным, притягательным и любила подолгу беседовать с сотрудниками, соседями, случайными знакомыми. Некоторых из них она приглашала к нам домой по отдельности или вместе, устраивала скромное чаепитие, и они, как могли, развлекались. Запомнил я самых близких подруг. Коллегу по школе, учительницу Титиевскую, крупную добродушную женщину, которая одна, без мужа, воспитывала свою дочь. Титиевская умерла молодой, мама дала ей обещание поддерживать её дочь Инну, в то время – школьницу, до её взросления. Обещание мама выполнила, Инна проживала у своей тети, но моя мама всячески помогала ей и в школе, и в институте, и во взрослой жизни, Инна считала мою маму - своей второй мамой. Другой маминой подругой была маленького роста женщина средних лет с неустроенной личной жизнью, которую мама постоянно кому-то сватала. Звали её Люба, и была она самым крупным в стране специалистом по чугунным тюбингам, которые являются элементами тоннельного кольца шахтных стволов, тоннелей и прочих подземных сооружений. Первые тоннели Московского метрополитена были собраны из тюбингов, разработанных и изготовленных на металлургических заводах Днепропетровска под Любиным руководством. Об этих гигантских отливках, о том, как многотонные тюбинги стыкуются и соединяются между собой, образуя тоннельные кольца, она рассказывала эмоционально, с восторгом, как о детях. Настоящих детей у неё, к сожалению, не появилось. Молодые учителя и практиканты часто привязывались к маме, как к бесспорному авторитету в учительском коллективе. Одна из таких учительниц Роза Моркина сохранила дружбу с мамой надолго и продолжала встречаться с родителями, даже когда они ушли на пенсию – приходила в гости вместе с

мужем и дочкой, развлекала маму и папу, пытаясь скрасить их старческие будни.

Были среди маминых гостей и залетные друзья, контакты с которыми были непродолжительными. Один из них, длинноволосый молодой человек, отличался от остальных тем, что к его имени, которое я не запомнил, все добавляли слово "художник". Однажды он появился у нас дома с мольбертом,

Мой портрет в подростковом возрасте. Масло. Автор неизвестен.

и возникла идея нарисовать мой портрет. Кто первым высказал эту мысль и на каких условиях предполагалось создать картину – за деньги или из любви к искусству – я не знаю, но два или три дня по несколько часов день я позировал ему на нашем балконе, и в результате появилось художественное произведение - картина маслом на холсте "Портрет подростка". Полотно даже выставлялось на региональной художественной выставке и вызвало интерес посетителей. Затем картина перешла в собственность нашей семьи и сопровождала

нас при всех переездах по городам и странам, и вот теперь она висит на стене в моей спальне. Предоставляю возможность познакомиться с картиной по её электронному скану, сделанному в последние годы. Мне картина нравится не только бесспорным сходством портрета со мной, но и подростковой челочкой на голове, и восторженным блеском глаз, и едва заметной грустинкой. Самой же большой удачей картины я считаю одетую на меня полосатую белоголубую морскую тельняшку с вышитым на груди якорем. О такой тельняшке в те годы мечтали все подростки моего поколения.

Наш большой двор, как я уже говорил, был по периметру застроен множеством невысоких строений, примыкающих друг к другу. Жильцов квартир, размещенных внутри этих строений, объединяли промываемый водой общий туалет, расположенный в глубине двора; высоченная шелковица в центре двора, окруженная скамейками для старушек; большая открытая площадка для детских игр; несколько хозяйственных сарайчиков; деревянный забор с воротами и калиткой, отделяющий двор от уличного тротуара. С утра до позднего вечера дворовое пространство было заполнено людьми,двигающимися в направлении квартир, туалета и калитки, детьми, играющими в футбол, жильцами, беседующими друг с другом. Дворовой механизм

общения людей предоставлял значительно больше возможностей для знакомства жильцов между собой, чем встречи соседей в многоквартирных домах. Я познакомился со всеми обитателями нашего двора, со многими подружился или имел общие интересы. Это были замечательные люди, и о некоторых из них я обязан хотя бы кратко рассказать. Квартирку в миниатюрном здании с балкончиком занимали члены семьи Черниковых. Они считали себя учеными и интеллигентами, потому что сам Черников был доцентом кафедры экономики Металлургического института, а его жена работала там же секретаршей. Каждый год в середине лета, когда начинался сбор ягод, Черников собирал под нашим балконом самодельную кирпичную печурку, на которой он в большом медном тазу варил варенье из ягод и фруктов. Подготовкой сырья и раскладыванием готового продукта по банкам занималась его жена, а длительный процесс варки контролировал сам доцент. Каждое воскресенье на протяжении лета он появлялся во дворе в трусах и майке, разжигал печку и приступал к варке очередной порции варенья. Длинной деревянной палкой он перемешивал варенье в тазу, а когда вынимал мешалку из таза, то обязательно оставлял след варенья на руках, ногах, голове, на своем неприхотливом одеянии. Сладкий доцент привлекал насекомых, осы и пчелы кусали его, он отмахивался от них той же палкой и неистово чесался, а собравшиеся вокруг полуголого доцента соседи советовали, как лучше отогнать назойливых насекомых. Моя мама, наблюдая сверху, с балкона за этой сценой, удовлетворила свои амбиции, небрежно бросив через плечо риторический вопрос:

- Неужели, этот дикарь - научный сотрудник?

Если двигаться внутри двора по часовой стрелке, то через два строения от домика Черникова находилась квартира моего ровесника Лёлика. Квартира эта родилась после хитрой реконструкции коммуналки и включала нормальную комнату и два зигзагообразных куска широкого коридора. В одном из кусков коридора оборудовали незатейливую кухню, а из второго - маленькую комнатку Лёлика с дверью и небольшим, как форточка, окошком. Мама Лёлика спала в большой общей комнате, по возрасту она была старше моих родителей, работала в нескольких местах и выглядела усталой. Отца у Лёлика не было, жили они очень бедно на мамину зарплату. Лелик был мальчиком высоким, как и его мама, добрым, малоразговорчивым, а может быть, замкнутым, был предан нашему дворовому сообществу, в детских играх безропотно принимал на себя невыигрышные роли: шпиона, немца или изменника. Учился он неважно и после седьмого класса мама устроила его в ремесленное училище, готовившее слесарей. Когда Лелик окончил училище,

упомянутый мною ранее завод Южмаш, производящий ракетные вооружения, расширялся невероятными темпами, и все рабочие и технические ресурсы города, включая выпускников училищ, техникумов, институтов, направлялись на укомплектование завода кадрами. Таким путем Лелик, еврей по матери, случайно попал на сверхсекретное производство с прекрасными условиями работы и хорошими заработками. Материальное положение их семьи улучшилось, мама Лелика оставила себе только одну работу, Лелик слегка растолстел, и когда я его встретил однажды на улице, на нем был темный шевинотовый костюм и черные лаковые туфли. При его росте он немного сутулился и выглядел солидно, но голубые улыбающиеся глаза выдавали его юный возраст, смотрелся он, словно художник или музыкант. Говорили, что, невзирая на свою застенчивость, он нашел себе подругу и в настоящее время с ней, что называется, встречается. Когда я лет через десять приехал в очередной раз посетить родителей, то узнал о том, как трагически сложилась жизнь Лелика - моего друга из детства. Он стал жертвой техногенной катастрофы. Во время проведения на заводе стендовых испытаний ракетного двигателя произошел взрыв, в результате которого начался мощнейший пожар, было разрушено здание цеха и оборудование. Авария не пощадила и людей. Значительная часть бригады, участвовавшей в проведении работ погибла, несколько человек с сильными ожогами были спасены. Лелик стал инвалидом, одна рука у него не двигалась, имелись и другие повреждения, лицо было обезображено.

Рядом с домом Лелика находилась самая стесненная часть дворовой застройки, где проживал портной Зуня с женой и сыновьями. Помимо двух жилых комнат, в квартире располагалась мастерская с швейной машинкой, гладильной доской, большим зеркалом, столом для разделки ткани. Здесь Зуня занимался портняжим делом. Конечно, его изделия не были криком моды, но мужские костюмы, рубашки у него получались отменные, не гнушался он и мелких работ по ремонту одежды, по её переделке, подгонке. Мама, например, часто просила его заменить воротнички, манжеты, на рубашках, укоротить штаны. Зуня выполнял заказы тщательно и в срок, был он мужчиной невысокого роста, лет пятидесяти пяти, вел размеренный образ жизни, регулярно посещал синагогу. Когда он встречал моего отца во дворе или на улице, то склонялся в почтительном поклоне и, пожимая руку, всегда, и до войны, и после – задавал один и тот же вопрос:

- Что пишет Илья Эренбург?

Зуня считал моего отца видным еврейским общественным деятелем и другом известного советского писателя. Отец никогда не пытался рассеять

заблуждения Зуни, пересказывал очередную статью маститого писателя, и они расставались, довольные встречей. Зуня принадлежал к славной когорте потомственных евреев-ремесленников, доставшихся нашей улице с дореволюционных лет. Все они продолжали весьма успешно предоставлять индивидуальные услуги до тех пор, пока их не сменили коллективные формы организации обслуживания населения. У входа в наш двор табличка "Стрижем - бреем" украшала одно из зданий, в котором со своими родителями проживал молодой парень Валера, занимавшийся парикмахерским делом. Он, видимо, неплохо зарабатывал, модно одевался, работал в безукоризненно белом халате, у него были длинные набриоленные волосы, закрепленные на голове с помощью сеточки.

В доме напротив услуги оказывал сапожник реб Моше. В округе он был известен всем, поскольку у большинства жителей была одна-две пары обуви, и изнашивали тогда обувь до полного разрушения. Поэтому реб Моше каждую пару обуви ремонтировал по несколько раз, подшивал, менял подметки, делал набойки и трудился с утра до позднего вечера. Мальчишки из нашей округи часто просили его укрепить набойки на своих башмаках металлической подковой, уверяя, что тогда обувь не так быстро изнашивается. Но дело было не в этом, просто вечерами мы очень любили прошвырнуться небольшими группками по проспекту К.Маркса от Универмага до Садовой улицы и обратно, и в нашем подростковом сообществе клацать подковой об асфальт считалось особым шиком. Некоторые проблемы были у Моше с русским языком, но присказками на сапожную тему он владел в совершенстве так же, как и своим ремеслом. Поэтому у клиентов он пользовался авторитетом, считался человеком мудрым и исполнительным. После окончания войны он овдовел, жена скончалась при родах, и он остался один с грудным ребенком. Женщина, которая сразу же согласилась ухаживать за девочкой, через какое-то время перестала уходить спать к себе домой, а потом и вовсе переселилась в жилую комнату при мастерской Моше, и стали они жить втроем. Иногда я задерживался в мастерской, когда он делал мелкий ремонт в моем присутствии, и слышал, как он ругал свою молодую подругу. Говорили, что он был очень благодарен ей за то, что она заменила девочке маму, но не мог простить ей того, что она так быстро заставила его забыть любимую покойную жену. Что касается девочки (Моше сам назвал её Соней в честь своей жены), то она, по свидетельству соседей, оказалась одаренной. Реб Моше не жалел никаких денег на её образование, и она, окончив консерваторию, стала успешной оперной певицей, работала солисткой Днепропетровского Оперного театра.

Попытался заниматься частной производственной практикой и мой ближайший друг детства Леня Riskin. Он бросил школу, на каких-то курсах научился обрабатывать изделия из стекла и открыл в полуподвале своего дома мастерскую по изготовлению очков. Он приобрел и сам установил два шлифовальных станка, заключил выгодные договоры на поставку оправ и линз, купил квитанционную книжку, зарегистрировал свое индивидуальное предприятие, и процесс оказания услуг пошел. Я к тому времени уже носил очки и поэтому совершил великий подвиг, заказав первые очки в истории его оптической мастерской. С моей легкой руки, и по мере того, как молва о Ленчике (так я звал моего друга) распространялась по городу, число заказов наращивалось как снежный ком. Конкуренции серьезной не было, так как аптеки продавали только готовые очки, изготовленные на заводе. Это напоминает мне немного зубоветеринарную практику, принятую в какой-то отсталой африканской стране, где врач предлагал пациентам самим подобрать для себя протез, мост или коронку из имеющихся в наличии изделий, бывших в употреблении и вынутых изо рта за ненадобностью. Следует сказать, что технология подгонки исходной линзы к размерам и форме оправы была примитивной, трудоемкой и, как мне казалось, вредной для здоровья. Но Ленчик легко переносил все трудности, потому что человеком он был трудолюбивым, сильным и целеустремленным. В детстве мы провели много времени вместе, ценили друг друга, привыкли друг к другу, в общем были неразлей вода. Он часто бывал у нас дома, я приходил к нему в гости, хорошо знал его маму. Мне нравилась её привычка трепать мои волосы рукой, она часто разговаривала со мной по-доброму и с пониманием. Это была замечательная женщина, среднего роста, подтянутая, с правильными чертами лица, большими черными глазами и такими же темными густыми волосами, мне казалось, что слова "библейская красавица" относились к ней. Я знал всех трех мужчин, которые любили её, и это были достойные, умные и порядочные люди. Первый из них с грустными глазами был отцом Ленчика, он раз в году забирал Ленчика на прогулку и на день рождения дарил дорогой подарок. Когда я подружился с Ленчиком, его воспитывал отчим, который играл с нами, водил в парк и на представления, гонял с нами в футбол. Я не помню, когда отчим исчез, и появился новый избранник, с которым отношения у Ленчика не сложились, но авантюру с очковой мастерской Ленчик затеял, стремясь стать самостоятельным и избавиться от опеки именно этого третьего ухажёра. Мастерская Ленчика процветала, я уже учился в университете, наша дружба продолжалась, но виделись мы все реже и реже. Однажды, вернувшись домой, я услышал от мамы, что заходил Ленчик и просил, чтобы я вечером зашел к

нему домой попрощаться, так как он уезжает надолго, но куда – не сказал, потому что спешил. Я положил в карман дорогой для нас сувенир, связанный с одной нашей детской проделкой, перешел через дорогу и оказался у квартиры Ленчика. Дверь мне открыл отец Ленчика и, пройдя внутрь, я увидел и отчима, и близких родственников, и несколько подтянутых мужчин в элегантных костюмах, и ряд больших заморских чемоданов, стоящих вдоль стены. Я поздоровался, подошел к маме Ленчика, она, ничего не говоря, улыбнулась, обняла меня и потрепала, как всегда, хохолок на голове. Ленчик взял меня за руку и увел в дальнюю комнату. Когда мы остались одни, он попросил меня выслушать его и не задавать вопросов:

"Ты даже не представляешь себе, как далеко мы уезжаем, да я и сам не очень хорошо это понимаю. Завтра утром мы вылетаем в Австралию! Разумеется, мы покидаем страну на законных основаниях, но я никому об отъезде не рассказывал, и тебе лучше забыть на некоторое время об этой нашей встрече. Не мог я исчезнуть, не поставив тебя в известность. Я дорожу нашей детской дружбой, ты множество раз выручал меня, многому я у тебя научился, и я хотел бы иметь такого преданного друга и во взрослой жизни, но обстоятельства выше нас. Твой адрес у меня имеется, но сообщать мои новые координаты я не собираюсь, по крайней мере, в ближайшее время, чтобы не подвергать тебя опасности. Может быть когда-нибудь обстановка изменится, и мы сможем свободно переписываться."

Закончив свое сообщение, Ленчик пригласил меня на кухню, где на столе были разложены немислимые бутерброды с икрой, колбасой, сыром и стояли бутылки с водой. Пока мы жевали бутерброды, я сказал Ленчику, что вопросов не задаю, хотя хотел бы узнать многое, и что я очень опечален предстоящим расставанием. Ленчика все время дергали родственники, наша встреча подошла к концу. Он достал из кармана необычные очки с темными стеклами и подарил их мне на память, я протянул ему наш общий детский сувенир, Ленчик повертел его в руках, понимающе улыбнулся, и демонстративно положил его в нагрудный карман, слева, рядом с сердцем. У дверей мы обнялись и, пока я шел по двору, Ленчик смотрел мне вслед. Более часа я бродил по улице, пытаюсь осмыслить произошедшее. Скоропалительный отъезд Ленчика выглядел загадочно. В после- сталинском Советском Союзе незначительные послабления тоталитаризма просматривались и нашли позднее свое выражение в так называемой оттепели, но на тот момент не наблюдалось никаких предпосылок к тому, что простая провинциальная еврейская семья может свободно покинуть страну. Все версии, объясняющие отъезд Ленчика, которые крутились у меня в голове, сводились к особой роли

его мамы в свершившемся. Если она, рассуждал я, столько лет могла жить красиво в созданном ею любовном треугольнике, точнее четырехугольнике, то она легко могла добавить еще один угол и влюбить в себя влиятельного человека, способного обеспечить ей свободную жизнь за рубежом. Таким человеком мог быть высокопоставленный чиновник, отыскавший лазейку в существующем правопорядке, которая позволяла в исключительном случае выехать за границу. Возможно, состоятельный родственник или любовник, проживающие в Австралии, заплатили кому надо значительную сумму денег, чтобы купить выездные визы. Конечно, версии были наивными, но других у меня не было. Исчезновение Ленчика было для меня чудом и осталось чудом, потому что объяснить его я был не в состоянии, а посоветоваться ни с кем не мог, так как дал обет молчания, да и небезопасно было говорить на эту тему. Утром на следующий день я дважды прошмыгнул мимо квартиры Ленчика и, как опытный конспиратор, скользнув незаметно глазом по дверям и окнам, обнаружил большой амбарный замок на дверях и наглухо задвинутые темные шторы на окнах. Вчерашний фантастический сюжет обретал реальные черты.

Прошло еще двадцать лет, стала разрешенной переписка советских граждан с зарубежными родственниками и друзьями, начали практиковаться заграникомандировки, ограниченный туризм за рубеж, отдельные случаи переезда граждан на постоянное место жительства в другие страны. Страна приоткрылась для общения с миром, люди разных стран начали обмениваться информацией друг с другом. Однажды, в очередной мой приезд к родителям в Днепропетровск мама рассказала, что какой-то человек, побывавший в Австралии, видел там в общественных местах, в магазинах, на стенах зданий рекламу оптических очков, выпускаемых компанией "Riskin Optical". Когда он поинтересовался, что это за фирма, ему ответили, что фирма обеспечивает очками весь континент и создал её выходец из Союза. Совпадения бросались в глаза, и казалось, что связь с Ленчиком удастся восстановить, если ему принадлежит очковая фирма, носящая его фамилию и профессию. Но я, к сожалению, в это время работал в секретной космической отрасли, и контакты с зарубежьем мне были запрещены. Когда еще через двадцать лет я переехал жить в Израиль, и никаких обязательств перед российскими спецслужбами у меня не осталось, а интернет предлагал безграничную поисковую поддержку, былой запал пропал, возникли новые неотложные проблемы, и мне было не так уж интересно, каким образом в те мрачные пятидесятые годы мой друг детства вместе с мамой сумел вырваться из цепких лап репрессивного советского режима. Еще через двадцать лет, работая над этими воспоминаниями, я на сайте процветающей и поныне австралийской фирмы по

изготовлению очков "Riskin Optical" нашел телефон администрации. Я позвонил, но никто из нового руководства не смог удовлетворить мое любопытство, и тогда я понял, что история с Ленчиком относится к категории неразгаданных тайн, и прекратил расследование.

Описывая двор, в котором прошли мое детство и юность, я не могу не рассказать о семье Хуторянских, которая состояла из папы, мамы и мальчика Ильи, который был немного старше меня и до войны опекал меня от нападок сверстников. Хуторянского-отца связывала с моим отцом общность происхождения (они были родом из одного местечка), совместная учеба и сходство судеб. Человеком он был одаренным, до войны получил высшее образование и возглавлял отдел в каком-то техническом исследовательском институте. Хуторянская-мама была типичной еврейской "балэбустэ" - умелой хозяйкой в доме. Она обожала своего мужа и не скрывала этого, воспитывала сына и гордилась его успехами в школе. Эта троица была образцом счастливой семьи для нашего двора. В первые дни войны Хуторянский ушел добровольцем на фронт и прошагал по дорогам войны по всей Европе, его жена полной мерой хлебнула в Средней Азии невзгоды эвакуации и сразу же после освобождения города вернулась с Ильей в наш двор, где их квартиру им вернули без промедления. Похоронка на Хуторянского пришла в начале 45-го, жена настолько не поверила в случившееся, что, передавая уведомление Илье сказала, что произошло какое-то недоразумение, ошибка или же это козни недоброжелателей. Сообщение о том, что Хуторянский погиб в бою, было затем подтверждено несколько раз различными службами Министерства Обороны, но она отказывалась им верить. Она так любила своего мужа, что не представляла, как можно жить, понимая, что его больше нет. Изменения в её поведении день ото дня становились все более настораживающими, так что Илья вынужден был показать её специалистам, которые диагностировали психическое заболевание, требующее стационарного лечения. После возвращения домой выяснилось, что полное излечение не наступило, и она нуждается в периодическом контроле в стенах больницы. Илья работал, учился вечером в институте, ухаживал за больной матерью и быстро продвигался по служебной лестнице. Он стал полной копией своего отца - таким же красивым, статным, очень способным и порядочным человеком. Пока они жили в нашем дворе, наша семья, как могла, помогала ему. Через несколько лет исполком выделил им в новостройке нормальную квартиру вместо убогой малюсенькой клетушки, в которой они проживали. Однако, в

новой квартире они прожили вместе недолго, через два года Илья похоронил свою маму.

При въезде во двор непосредственно у ворот находилась группа маленьких строений, объединенных общим входом, принадлежащая клану Володарских. В описываемое время там верховодила мадам Володарская – властная дама лет 60-ти, проживающая с мужем в одном из строений, а в остальных зданьях размещались семьи их детей. Младшая дочка Володарских с артистическим именем Виолетта работала концертирующей певицей. В молодости она вышла замуж за актера Одесской оперетты, переехала к мужу в Одессу, и они долгое время выступали вместе. Здесь в первый же год их замужества у них родилась дочка Инна. Когда в их семье начались раздоры, Виолетта с дочкой вернулись в Днепрпетровск. Виолетта была женщиной романтической, увлекающейся, то разводилась, то сходилась с мужем, поэтому Инна постоянно жила с бабушкой, иногда навещаясь в Одессу к отцу. Она была на год младше меня и весьма активна в наших совместных детских играх. Она сразу же мне понравилась и своей красотой, унаследованной от матери, и спокойным уравновешенным характером. Один из сарайчиков, построенных во дворе после войны, предназначался для хранения общих инструментов и для детских игр. Здесь мы прятались, когда играли в войну или прятки, здесь лежали футбольные мячи, здесь обсуждались планы занятий с детьми, здесь мы укрывались от непогоды. Однажды в летний знойный день мы, спасаясь от жары, забежали вдвоем в сарайчик и, усевшись, оказались рядом на узкой скамеечке. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь щели между досками, образовали у наших ног какой-то прихотливый узор. Мы оба начали рассматривать его, и я не заметил, как обнял её, а мои губы коснулись её, и я поцеловал её плечо. Новое влекущее ощущение захватило меня, я поцеловал её в шею, она повернула голову в мою сторону, и я тотчас крепко поцеловал её в губы. В следующее мгновение она освободилась от моих объятий, встала со скамейки, сказала, что нас ищут во дворе друзья, взяла меня за руку, и мы вышли из полутемного сарайчика на свет. Это был мой первый поцелуй. Мне показалось, что не только я боготворю её, но и я ей симпатичен. На следующий день она во дворе не появлялась, а затем мы продолжили наши детские забавы, как ни в чем ни бывало, и я совершенно не представлял, как продолжить наши отношения. Тем временем, школьные каникулы окончились, и я стал замечать, что мою подружку из школы до нашего двора часто провожает мальчик из соседнего двора. От предложения погулять вместе со мной она отказалась, и я отступил. Через год я приехал на отдых в Одессу, а она в это время уже проживала в Одессе у отца. Мы встретились, и я увидел, как она выросла и

повзрослела, так что она смотрела на меня сверху вниз и в прямом, и в переносном смысле – я остался для неё мальчиком из детства, а её, как я выяснил, уже увлекали более настойчивые и опытные кавалеры. Таким образом, мой первый поцелуй и пылкие чувства не имели продолжения, и я даже не знаю, можно ли считать восторг, испытанный мною в дворовом сарайчике, первой любовью, или нет?

В нашем дворе самой комфортной считалась квартира семейства Герчиковых, расположенная в добротном кирпичном здании и возвышающаяся над полуподвальными помещениями. В ней проживали люди, принадлежащие к медицинской элите города: два родных брата и жена одного из них. Старший из братьев заведовал здравоохранением города, младший – был главным терапевтом, а его жена работала педиатром. Она была женщиной среднего роста, нормального телосложения, но её бедра, точнее ягодицы, развились до невероятных размеров и привлекали всеобщее внимание. Когда она шла по двору или по улице все мужчины с нескрываемым интересом провожали её глазами, а некоторые даже издавали цокающие звуки, наблюдая колебания её телес под платьем. Короче, этого добра у неё было достаточно и в молодые годы, когда младший брат на ней женился. Старший в это время был холост, а проживали они в одной квартире, и когда он решил поближе познакомиться с невесткой, то отказа не получил, и стали они жить втроем, регулируя встречи так, чтобы не было накладок. Состоятельное и почтенное семейство Герчиковых одним из первых обзавелось домработницей, которая жила вместе с ними и стала невольной свидетельницей отношений, возникших в новом родственном любовном треугольнике. Именно она, информировала жильцов нашего двора обо всех событиях, происходящих в семье. Говорили, что вначале, перед легализацией нетрадиционных семейных отношений, младший брат противился обобществлению своей жены, но впоследствии даже считал такой порядок предпочтительным. Дело в том, что со временем братья стали очень популярными опытными практикующими врачами, и их жена, врач по образованию, также успевала успешно обеспечивать активность братьев в области здравоохранения, организуя их встречи с пациентами. Была она, невзирая на крупные габариты её форм, женщиной оборотистой и шустрой, так что ни один из братьев не был обделен её вниманием и был доволен её заботой и услугами. Жаль только, что детей у них почему-то не было.

Для описания жизни нашего двора необходим летописец, способный в исторической перспективе представить все разнообразие судеб и характеров обитателей двора. Я рассказал лишь о нескольких семьях, проживавших в

нашем дворе ещё до войны и вернувшихся после войны в свои квартиры. Некоторые жильцы погибли на фронте, некоторые были уничтожены нацистами во время оккупации, некоторые не вернулись из эвакуации. В освободившиеся помещения заселились новые люди с неизвестными судьбами. Например, в удобной квартирке рядом с Черниковыми после окончания войны появилась молодая чета польских евреев. После войны в прессе широко освещалась Катастрофа евреев на территории Польши, намного меньше известно о злоключениях, выпавших на долю еврейских беженцев из Польши, которые проникли на советскую территорию до начала советско-германской войны и получили советское гражданство. Из почти 300 тысяч евреев - беженцев из Польши - значительная часть была депортирована в Сибирь и Печерский край или отправлена на полуказарменное проживание в Узбекистане. Для этих людей годы войны стали чудовищным испытанием, усугубленным государственным и бытовым антисемитизмом. После войны все они стремились при первой возможности, любыми путями покинуть СССР и вернуться в Польшу. Супружеская пара в нашем дворе была из этих многострадальных польских евреев. Большую часть дороги домой, в Польшу они уже преодолели, и Днепропетровск стал для них перевалочным пунктом, где они ожидали окончательного разрешения властей двух стран на их возвращение. Несмотря на бедственное положение польских евреев, оказавшихся в СССР, семья, проживающая в нашем дворе, выглядела вполне благополучной. Жильцы во дворе называли парочку поляками. Так вот, и поляк и полячка были симпатичными современными молодыми людьми лет тридцати. Полячка была смуглой красавицей с жгучими глазами, она умело пользовалась не нашей блеклой косметикой, а какой-то яркой заморской. Стройного поляка я почему-то запомнил в длиннополом габардиновом плаще и лакированных узконосых туфлях. Между собой муж с женой старались говорить по-польски, хотя родным их языком был идиш. За пять лет жизни в Советском Союзе они выучили русский язык, но говорили с ужасным акцентом. Для нас – людей, выросших в закрытом советском обществе, – любой человек из-за рубежа представлялся инопланетянином. В умы советских людей внедрили предубеждение, что в каждом иностранце живет потенциальный шпион. С другой стороны, сам иностранный гражданин, находясь в стране, ощущал себя в окружении сотрудников органов безопасности. Несмотря на эти преграды, между жильцами нашего двора и поляками сложились нормальные человеческие отношения. Поляк оказался гешефтмахером, дельцом, в хорошем смысле этого слова. В Польше он работал розничным торговцем и у нас во дворе продолжил заниматься тем же, у него всегда можно было купить бытовые товары, одежду хорошего качества

заграничного производства по вполне умеренным ценам. По несколько раз в месяц он затаскивал во двор два больших чемодана с востребованными вещами и затем распространял их содержимое между покупателями. Полячка помогала ему во всем, семья старалась торговать, не привлекая внимания, без рекламы. Польскими барахлом, шмотками, украшениями, косметикой отоваривалась большая часть жильцов нашего двора. Хотя спекуляция осуждалась официальной моралью, никто не мешал полякам удовлетворить потребности покупателей. Возможно, успех польских коммивояжеров и их непотопляемость были случайностью. Но однажды, находясь во время купли-продажи рядом с поляком, я обратил внимание, что его кошелек плотно забит пачкой крупных купюр, какую я никогда ранее не видел, да и представить себе не мог, и я подумал, что именно финансовая состоятельность обеспечивала процветание предприятию и охраняла их вплоть до отъезда в Польшу в начале пятидесятых годов. Не знаю, куда они так стремились и что ждало их дома – ведь почти девять десятых евреев довоенной Польши погибло от рук нацистов, а оставшиеся и вернувшиеся евреи еще долгие годы после войны подвергались гонениям и даже погромам со стороны местного населения.

Глава 7

Мои родственники

После окончания войны жители Днепропетровска день за днем, год за годом удалялись от ужасов войны, ликвидируя её последствия и налаживая мирную жизнь. Незаживаемой раной оставались лишь человеческие потери, которые

Местечко Фельштин

были практически в каждой семье. В таких семьях на встречах родственников всегда звучали поминальные слова о родных людях, убитых на фронте, погибших от насилия, нацистских зверств, от невыносимых условий жизни. В нашей семье также были утраты, связанные с войной и Катастрофой евреев. Моя бабушка по маминой линии Фейга Сигал, которой в то время было около семидесяти лет, проживала вместе с родственниками в местечке Фельштин,

относящемся к Каменец-Подольской области. Немцы пришли в местечко очень быстро - через три недели после начала войны, так что только трем семьям удалось покинуть Фельштин до прихода немцев. В Йом Кипур, 1941, нацисты уничтожили большую часть еврейского населения Фельштина. Более

двухсот еврейских семей, которые проживали в местечке, погибли. Сразу же после освобождения Фельштина от немцев мама узнала об этой трагедии из письма, полученного ею от жительницы местечка Чарны Берман, чудом спасшейся от смерти. Она написала, что тех немногих, кто остался в живых, можно пересчитать на пальцах одной руки. Я приведу их фамилии, хотя и не уверен в правильности их написания: Ронис Давид, Флейгнер Етна, Вассерман Рива и автор письма Берман Чарна. После войны вернулись в местечко несколько фельштинцев, отсутствовавших в городе во время Холокоста, несколько солдат Советской Армии, мобилизованных до начала войны, которые выжили на фронте. И это все.

Остальные погибли - еврейская община и штетл Фельштин больше не существуют. Сегодня городок известен как "Гвардейское". Бабушку и всю нашу родню расстреляли в лесу недалеко от местечка, здесь же они были захоронены в братской могиле. Среди погибших могли быть мои дяди и тети, двоюродные братья и сестры. Были уничтожены целые миры, имен которых я не знаю. Не ведаю я, кто их убил: немецкие солдаты, полицейские, украинские националисты, просто соседи? Исчезло всё, чем так дорожила моя мама. Через много лет

Иерусалимский музей Яд Вашем проводил Международную акцию "У каждого человека есть Имя", посвященную памяти жертв Катастрофы (Холокоста) еврейского народа, и в 2012 году на основании моих показаний имя Фейги Сигал было увековечено в Зале Имен мемориального комплекса Яд Вашем и опубликовано в компьютерной базе данных. Даже такого символического памятника я не смог создать для моих фельштинских родичей, с которыми бабушка проживала и с которыми она лежит в одной могиле, потому что толком ничего о них не знаю. По свидетельству мамы, у бабушки Фейги, которую я, к сожалению, никогда не видел, было семеро детей. Я знаком с теми тремя из них, которые покинули местечко и проживали в Днепропетровске. Это моя мама Зина, её младший брат Сёма и старшая сестра Фира.

Сёма был мобилизован в первые дни войны, воевал солдатом на Волховском фронте, участвовал в жесточайших сражениях за город Тихвин, со своей гвардейской частью прошел боевым путем по странам Европы и встретил день Победы в Берлине. Вскоре он демобилизовался из рядов Советской Армии,

будучи уже в звании старшины, и вернулся в Днепропетровск, где его ждали его жена Лиза с их сыном Леней, которые резэвакуировались вместе с нашей семьей из города Курган. Как фронтовик, он получил от исполкома жилье, расположенное недалеко от нашего дома. Жилье это оказалось ужасно запущенным и мало пригодным для проживания, но Сёма перепланировал его и своими руками отремонтировал. В этой удобной квартирке они проживали всей семьей долгие годы. Сёма получил гражданскую профессию мастера по холодильникам, очень востребованную в те годы, и неплохо зарабатывал, Лиза продолжила работу воспитателя детского сада, Леня начал учебу в школе.

Сестра моей мамы – Фира – за несколько лет до начала войны "выскочила" замуж за кадрового офицера, тогда еще Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). По национальности офицер был еврей, и поэтому был желанной партией для любой еврейской девушки. Но моя тетя Фира не была любой девушкой, она была существом особенным – она была красавицей с огненным темпераментом, сильным голосом и прекрасным слухом. Для оперного исполнения роли Кармен ей недоставало немного музыкального образования. Влюбился офицер в Фиру до беспамятства и пронес свои чувства до конца своих дней. В начале войны тетя Фира, которая к тому времени уже родила мальчика, находилась, как и положено жене офицера, в месте дислокации воинской части, в которой служил её муж. Вскоре их перебросили в город Шадринск, где они прожили до конца войны и где у них родилась еще и девочка. Тетя Фира развила свой музыкальный талант, стала солисткой одного из Краснознаменных Ансамблей Советской Армии, выезжала на гастроли, выступала солисткой с хором и оркестром перед военнослужащими на сценах театров, концертных залов в разных городах страны. Я до сих пор помню тембр её голоса и манеру исполнения. На семейных посиделках, когда все три семьи – Фирина, наша (Зинина) и Сёмина – собирались вместе, она проникновенным голосом исполняла народные песни на идиш, среди которых были и колыбельные, которые им пела в детстве их мама Фейга, вечная ей память. Для точности надо сказать, что тогда в начале 20-го века в местечке Фельштин Фейга напевала колыбельные своим деткам с именами Эстер, Зиселе и Шломо. На одной из праздничных юбилейных встреч наших семей тетю Фиру уговорили спеть что-нибудь из её концертного репертуара, и она в полный голос, "а капелла" исполнила несколько популярных песен и арий из классических опер. Был теплый летний воскресный вечер и у открытых окон нашей квартиры сразу же собрались люди, привлеченные дивным пением и благодарившие Фиру рукоплесканиями. Последним местом проживания семьи тети Фиры стал город Пермь, где сын и дочка получили высшее

образование, а муж, в связи с увольнением с военной службы, перешел на гражданскую работу начальником отдела кадров общепита. С моей мамой тетя Фира переписывалась до последних дней, встретиться же им после войны не довелось.

Всю жизнь мама стремилась укрепить родственные связи в следующем поколении между двоюродными братьями и сестрой (между мной, сыном Сёмы - Леной и детьми Фиры – Фридрихом и Зиной). Она много помогала Лене в учебе и способствовала его поступлению в Строительный институт. Дети Фиры на время учебы в десятом выпускном классе покидали военный городок, в котором проживала семья Фиры, и переезжали в Днепропетровск к нам домой. Здесь мама брала их под свою опеку, нанимала репетиторов, и сама напряженно занималась с ними по русскому языку, так что к Фире они возвращались с достойными аттестатами зрелости и знаниями, позволившими им без труда поступить на учебу в институты. Пока мы были детьми и подростками, крутились в общем котле, между нами развивалась и окрепла родственная близость, но, когда мы разъехались по разным городам и даже странам, начали решать личные проблемы, создавать семьи и воспитывать детей, связи ослабели и в дальнейшем естественным путем сошли на нет.

Дополнительную причину отдаления двоюродных родственников между собой я усматриваю также в различном нашем отношении к своему еврейству. Например, к институту брака наши родители получили прививку в своих местечках – еврей обязан жениться на еврейке. Советская принудительная атеистическая идеология настойчиво размывала национальные традиции и в числе прочего узаконила смешанные браки. Теоретически наши родители готовы были подчиниться диктату, но практически браки в основном заключались между евреями. Молодые люди из следующего, уже нашего поколения, необремененного никакими традициями, при молчаливом согласии родителей все чаще стали выбирать себе для супружества пару из коренного населения. В диаспоре евреи постоянно жили в условиях дискриминации, запретов, унижений, погромов, всевозможных антисемитских акций, ужасов Холокоста. Многие устали от этого прессинга и увидели в смешанных браках путь к избавлению своих детей от грядущих страданий. В документах детей записывали национальность и фамилию отца или матери не еврея, и не утруждали детские головки рассказами об их происхождении. Таким образом, уже в этом поколении люди лишались еврейской идентичности и считали себя русскими, казахами, украинцами, эстонцами, в зависимости от того, какова была национальность второго супруга. Именно по такому пути пошли мои

двоюродные родственники, создав семейные пары с супругами-арийцами и полностью отказавшись от еврейства для своих детей. Я не осуждаю моих двоюродных братьев и двоюродную сестру, но этот их поступок добавил что-то в наше отчуждение, тем более, что и я, и мои родители придерживались иных убеждений относительно еврейства нашей семьи, всегда гордились своим происхождением и нашей фамилией.

Вот таким немного затянутым получилось повествование о моей бабушке Фейге, погибшей в Холокосте, и её выжившей родне. Думаю, рассказ будет неполным, если я не опишу того, что происходило с моей мамой в это время. Напомню, что в начале войны бабушка и мама находились в разных местах: бабушка на западе Украины, недалеко от границы, а мама далеко на востоке Украины. Внезапное нападение немцев и быстрое их приближение к Фельштинку не оставляли маме никаких шансов на то, что она может успеть приехать к бабушке и забрать её. За короткий отрезок времени до прихода немцев в Фельштин не было преодолено большое расстояние между городами, двигаясь по направлению к линии фронта, против потока беженцев и отступающих боевых частей, в условиях всеобщего хаоса. Если бы она решилась на такой шаг, то, помимо риска для её жизни, она потеряла бы свою семью, поскольку нашим отъездом из города занималась она сама. Все понимали эти обстоятельства, и она - тоже, и, тем не менее, вечером в день, когда эвакопоезд, в котором находилась наша семья, выехал из Днепропетровска в Сибирь, с мамой случилась истерика с рыданиями. Из сообщений Совинформбюро мы узнали, что немцы уже захватили всю область, где располагалось местечко бабушки. Мама была человеком эмоциональным, чувствительным, очень болезненно переживала несправедливость и, поговорив с ней, мы с папой выяснили, что она считает себя виноватой в том, что бабушка оказалась в оккупации, в то время, как она, по её словам, спасает свою шкуру, уезжая в глубь страны. Мы, как могли, успокоили её, уложили спать, но это чувство вины перед своей мамой и моей бабушкой доставляло ей страдания и в дальнейшем, хотя не было никаких оснований для угрызений совести и самобичевания.

Среди моих многочисленных родственников по линии отца также были человеческие потери во время войны. В своих воспоминаниях "Ткань жизни" отец подробно описал большую семью Ортенбергов. Хронологически воспоминания завершаются в начале тридцатых годов, когда отец с моей будущей мамой покидают город Винницу и переезжают в Днепропетровск. В это время были живы мама моего отца Цися, братья Исроель (Улык), Вольф,

Давид и сестра Сарра. Они были старше моего отца и относились к нему как к младшенькому в семье очень бережно, а при обращении по инерции употребляли его уменьшительное детское имя – Шмилык, Шмулик или просто Шолик. При отъезде отца и мамы они на прощание, помимо наставлений и добрых пожеланий, передали на обзаведение на новом месте стопочку золотых монет, сохранившихся в семье, как говорится, со старого времени. К моменту отъезда моих родителей из Винницы братья отца были уже людьми состоявшимися. Улык стал видным финансистом, в середине тридцатых занимал должность директора Винницкого стройбанка. Он сохранил привязанность к своему юношескому увлечению – шахматам – и ежегодно на протяжении десяти лет завоевывал титул чемпиона города, имел по шахматам звание кандидата в мастера. Но самым большим его жизненным успехом стала женитьба на очаровательной, умной и воспитанной девушке Гене Блиндман, с которой его связывала длительная юношеская дружба, большая любовь и множество радостных событий в семейной жизни. Главным в этой череде событий стало рождение в 1922 году их единственного сына Боруха Ортенберга. В детстве, да, и на протяжении всей его короткой жизни, называли его Бузя (Бузик). Все, кто сталкивался с Бузей, поражался его талантам. Учился мальчишка только на отлично, познания имел обширнейшие, в его рассуждениях на любую тему проявлялся аналитический ум и логическое мышление, в общении это был исключительно скромный и добрый человек. Часть своих достоинств он унаследовал от отца, часть от мамы. Его мама Геня получила медицинское образование, стала знающим практикующим врачом, в тридцатых годах она уже работала главврачом Винницкого вендиспансера. Перед началом войны семья моего дяди Улыка считалась в городе уважаемой преуспевающей интеллигентной семьей, а их одаренный сын Бузя готовился к поступлению в Университет.

Между моим старшим дядей Улыком и младшим по возрасту дядей Вольфом в далекой молодости в начале 20 века существовали идеологические разногласия по вопросу будущего еврейской нации. В своих воспоминаниях их младший брат – мой отец – попытался рассказать о сути этих противоречий, но изложил их эзоповским языком, поскольку в те годы, когда писались воспоминания (середина 20 века), в СССР существовал жесткий цензурный диктат. Слава Богу, сейчас я могу назвать юношеские идейные предпочтения моих дядей без обиняков, прямыми словами: дядя Улык исповедовал последовательный сионизм, а дядя Вольф разделял идеи еврейского рабочего союза БУНД. Советская власть быстро устранила все без исключения разногласия между членами общества, и в условиях жестоких репрессий

предписала всем гражданам не заморачиваться, а строить светлое здание коммунизма. Мои дяди, как и весь народ, стали в стройные ряды строителей, но дядя Вольф, как более прагматичный член семьи, примкнул к экономически более выгодной форме производства, которая называлась промысловой кооперацией и объединяла мелких производителей (кустарей и ремесленников) для совместно производства товаров. На этой стезе он фантастически преуспел, его пригласили на хорошо оплачиваемую работу в Киев, предоставили квартиру в центре города, он написал книгу о состоянии и перспективах промысловой кооперации на Украине. В период своего становления он женился, как и все Ортенберги, по любви и единожды в жизни. Жена его Хава была светлым, безобидным и привлекательным человеком, созданным для семейного счастья. Когда у них родилась девочка Эся, и они, захлебываясь от восторгов, окружили её лаской и нежностью, ничто не предвещало беды. Однако, вскоре Вольф начал замечать странности в поведении супруги и через некоторое время выяснил, что у Хавы генетически predetermined психическое заболевание. Вольф подключил к её лечению всех украинских светил, но, когда её выпустили из больницы, то работать она уже не смогла. Она вела домашнее хозяйство и наблюдала за Эсей. Временами Хаву приходилось вновь отправлять на кратковременное стационарное лечение в психиатрическое учреждение. На время её отсутствия Вольф взваливал заботу о дочке на свои плечи. Чтобы заменить мать, старался проводить с Эсей побольше времени, погружался в её школьные проблемы, ходил с ней на прогулки, водил в кино, театры. Когда Хава выходила из больницы, то снова принимала на себя значительную часть семейной нагрузки. При ухудшении её состояния – лечение возобновлялось. Вольф постепенно привык к такому циклическому образу жизни своей семьи и стоически переносил трудности.

Я описал, как сложилась жизнь старших братьев моего отца в тридцатые годы, незадолго до начала войны. К этому времени их единственная сестра Сарра окончила учительский институт и работала в Виннице в средней школе. Проживала она отдельно от Улыка в однокомнатной квартире. Личная жизнь её не удалась по неведомым мне причинам, и до конца жизни она оставалась одинокой женщиной. Темным пятном в жизнеописании семейства Ортенбергов остается судьба Давида – моего самого молодого дяди, о котором в моей памяти ничего не осталось. Пока был жив мой отец, можно было бы у него узнать, что приключилось с его младшим братом Давидом, но я, следует признать, тогда мало интересовался нашим семейным древом. А когда через много лет я попытался по архивным материалам, по запросам в официальные

учреждения восстановить историю Давида, то ничего уже не смог отыскать. Хочу кстати отметить, что во время попыток отыскать след Давида я лицом к лицу столкнулся с неизбежным процессом забвения важных событий в моей жизни и в жизни близких мне людей, и понял необходимость публикации воспоминаний и дневников для сохранения истории семьи для потомков. Возвращаясь к Давиду, отмечу, что единственным достоверным свидетельством является упоминание в воспоминаниях моего отца о том, что в 1942 году Давид погиб и было ему в то время тридцать лет. Где он был в начале войны и чем занимался – неизвестно. Оставшись в Виннице, оккупированной нацистами, он был обречен на смерть, как и большинство еврейского населения города. Нет сомнений, что Давид стал жертвой Холокоста. Непонятно, почему он не присоединился к другим членам семьи, которые покинули город в первые дни войны.

Улык с мамой Цисей и сестрой Саррой все вместе эвакуировались в Ташкент. Туда же через некоторое время из Киева совершенно другим путем добрался Вольф с Хавой и Эсей. Жена Улыка – Геня – с первых дней войны была призвана, как опытный медик, для работы в военном госпитале. До последнего

Мой двоюродный брат Бузя

дня войны она лечила и выхаживала раненных и больных военнослужащих. Как военврач второго ранга неоднократно награждалась орденами и медалями за боевую службу. Девятнадцатилетний сын Улыка и Гени - Борух - был сразу же мобилизован Винницким городским военкоматом и командирован на службу курсантом в Ташкентское пехотное училище имени В.И. Ленина, после окончания которого летом 1942 года направлен в действующую армию на фронт. Осенью этого же года гвардии лейтенант, командир стрелковой роты 14-ой гвардейской стрелковой дивизии 36-ого стрелкового полка

Ортенберг Борух был убит в бою за высоту 228,0 метров южнее совхозной Фермы-4 Серафимовичского района Сталинградской области и здесь же захоронен в братской могиле. Ему было 20 лет. Он был необыкновенно красив и невероятно талантлив. Борух Ортенберг мог прожить счастливую жизнь, стать выдающимся ученым, знаменитым писателем, известным врачом, чемпионом по шахматам, мог стать любящим мужем и отцом. Но ничего этого не произошло – Борух погиб под Сталинградом во время Второй Мировой

Войны. Его родители получили похоронки, находясь на расстоянии в несколько тысяч километров друг от друга: Улык в Узбекистане в городе Ташкент, а Геня – в эвакогоспитале недалеко от линии фронта. Для них гибель Боруха была катастрофой, они не могли поверить в это, направили запросы всем, кто имел отношение к их сыну. Какие-то из ответов поддерживали надежду и требовали уточнений, но на фронтах шли ожесточённые бои, письма передвигались по стране медленно, переписка затягивалась. Тем не менее, окончательный ответ не оставил никаких сомнений в смерти Боруха.

У меня хранятся все письма, относящиеся к этому периоду. Помимо переписки с различными воинскими службами, много личных писем. Большой пакет писем Боруха к родителям, которые он написал в училище, где изучал воинские дисциплины, необходимые младшему офицерскому составу. Чтобы не тревожить родителей, письма он посылал регулярно, не реже, чем через день. В них он приводил детали быта, распорядок жизни курсантов, давал очень тонкие доброжелательные оценки своим друзьям по учебе, описывал необычные для него явления южной природы, были в них и резкие высказывания в адрес фашистских захватчиков, исковеркавших жизни миллионов людей, интересовался он также, не появились ли сведения о местонахождении девушки, с которой у него незадолго до начала войны возникли романтические отношения. Эпистолярным стилем Бузик владел в совершенстве, письма читаются на одном дыхании, как хорошие литературные произведения. Письма, разумеется, в первую очередь обращены к самым близким людям: папе и маме, это очень нежные послания, пронизанные неподдельным интересом, как они, его родные, себя чувствуют, как переносят трудные испытания, выпавшие на их долю. Второй пакет писем уже без конвертов представляют собой отдельные исписанные листочки, сложенные треугольником, с адресатом, размещенным на противоположной стороне листа. Боевые треугольники Борух отправлял после окончания училища, когда проходило формирование подразделения, и его воинская часть вступила в боевой контакт с противником. Обо всем этом Борух кратко сообщал в письмах, стараясь не раздражать цензоров и не пугать родителей излишними подробностями. А на самом деле стрелковую дивизию, в которой он служил, направили на Сталинградское направление, на Серафимовичский плацдарм. По количеству безвозвратных потерь воевавших сторон Сталинградская битва стала одной из самых кровавых в истории человечества. О потерях, которые несли наши войска на этом участке фронта, можно судить хотя бы по сменяемости командного состава. Борух начал свою боевую биографию командиром взвода и за короткий срок стал командиром роты, а это значит,

что выбыли из строя и командир роты, и его заместитель, и командиры взводов, и много бойцов. Для поддержания непрерывного боя состав подразделения пополняли новобранцами, обстрелянные офицеры занимали места своих погибших командиров, и бой продолжался. Это была кровавая мясорубка. В боях за Серафимовичский плацдарм, на Донских буграх погибли воины из семи дивизий. Памятники павшим в этих боях находятся в более чем пятидесяти хуторах района. В одной из таких братских могил лежат останки моего брата Ортенберга Баруха. В этой местности побеждал тот, кто брал под контроль высоты на местности, за них разворачивались самые ожесточенные бои. Барух погиб 29 октября 1942 года в бою за одну из именно таких высот. Последнее письмо, полученное от него с фронта, датировано 26 октября. Линии перегибов на листочке, образующие треугольную форму письма, от времени и из-за многократного прочтения утончились и местами прорвались, но текст полностью сохранился. "Берегите себя" – просил он родителей в заключительной строке письма.

Следующая пачка писем в сохранившемся архиве принадлежит перу Улыка. Эти письма были адресованы Бузику, и он продолжал их регулярно писать уже после гибели сына и в ноябре, и в декабре 1942 года, и в следующем году. Большая часть этих писем, проделав путь на фронт и не найдя адресата, возвращалась в Ташкент по обратному адресу Коммунального Банка, где Улык работал все годы, проведенные в эвакуации. Вначале это были обычные письма заботливого отца к дорогому сыну, в которых он сообщал о себе, о здоровье бабушки Циси, об общих знакомых, пересказывал содержание писем из госпиталя от Гени, передавал привет от тети Сарры. В дальнейшем, по мере того, как приближалась неизбежность признания гибели Бузика сущность писем изменилась: появились философские размышления, рассуждения о смысле жизни, обращался он теперь не столько к Бузе, как к высшим силам, к Богу, просил прощения и наказания для себя, молил о пощаде; все чаще звучало слово "пустота". Вместе с изменением тематики писем, он и писать их стал реже, а затем перестал отправлять – писал, вкладывал в конверт и добавлял к письмам, возвращенным полевой почтой. Написание писем прекратилось, когда он получил от Министерства Обороны письмо о смерти Бузика, не оставлявшее никаких надежд. Мало-помалу Улык, измученный переживаниями, возвратился к своей работе в банке в полном объеме, вернулся к жизненным проблемам, стал чаще встречаться с братом и сестрой. Когда Цися серьезно заболела, то он вплотную занялся её лечением и уходом за ней, вместе с Саррой они проводили все свободное время у постели матери. Она мучительно перенесла утраты последних лет: убийство нацистами её

младшего сына Давида и гибель на фронте самого любимого внука Бузи. Перенесенная болезнь и тяжелые переживания, связанные с потерей близких ей людей, ускорили её уход из жизни в 1944 году. Я не знаю, как перенесла Геня утрату сына. Говорили, что Улык безумно любил Бузю, думаю, что Геня любила его не меньше, но в круговерти напряженной жизни военного эвакогоспиталя у врача времени для переживаний не оставалось. Когда появилась необходимость подтверждения достоверности первой похоронки, она моментально подключила ведомственные каналы для розыска Бузи и выяснения его судьбы, наладила связь с Ташкентом, постоянно поддерживала Улыка, пыталась уменьшить его страдания, невзирая на ту боль, которую испытывала сама. Тетя Геня была женщиной спокойной, сдержанной, деловой, но это никак не помогало ей в те минуты, когда она вновь и вновь возвращалась к мыслям о том, что её любимого сыночка уже нет в живых. Эта материнская боль не покидала её никогда. Тетя Геня продолжала служить в армии до конца войны. После прекращения военных действий большинство временных госпиталей было расформировано, включая и её госпиталь. Она сразу же демобилизовалась и вернулась в Винницу, получила квартиру, а через некоторое время из эвакуации возвратились домой Улык и Сарра. Дядя Улык и тетя Геня обнялись после долгой разлуки и вместе оплакали общую утрату. В это же время реэвакуировался в Киев Вольф со своей семьей, получил жилье и устроился на работу. Через год Эся окончила школу и поступила в Медицинский Институт. Послевоенная жизнь продолжалась.

Все три брата со своими семьями вернулись на Украину в города, которые они покинули в начале войны, и начали заново обустраивать свою жизнь. Отец получил вскоре несколько писем от Улыка, в которых тот описывал, как они с Геней привыкают к жизни вдвоем, и в которых опять прозвучало все тоже страшное слово "пустота". Отец сказал, что мы обязаны поехать в Винницу и проведать дядю Улыка и тетю Геню. Он говорил, что посетить их надо как можно скорее и непременно вдвоем, так как он рассчитывает, что именно моё появление сможет благоприятно повлиять на их настроение. К этой мысли он возвращался снова и снова, так что стремление поехать к брату стало его заветной мечтой. Освоение пустой и разрушенной квартиры далось нам нелегко, поэтому выехать тотчас мы, к сожалению, не могли по домашним обстоятельствам и в связи с финансовыми ограничениями. Но через год во время летних каникул мы с папой сели на поезд и рано утром приехали в Винницу. Ближайшие родственники встретили нас, как дорогих гостей, на железнодорожном вокзале, и на трамвае мы добрались до дома Улыка. В двухкомнатной чистенькой квартире нас уже ждал скромный завтрак.

Восторги по поводу нашего приезда, объятия, поцелуи и слезы соответствовали значимости встречи, продолжались и за столом, и после окончания застолья. Это был закономерный всплеск эмоций – ведь все её участники, кроме меня, вместе провели свое детство, юность и зрелость, пережили жестокую войну, потери родных людей. Постепенно все успокоились. Папа с дядей Улыком перешли во вторую комнату, прикрыли дверь, но через щель были слышны обрывки разговора и однажды мне послышался мужской плач, а когда они вышли из комнаты, то у Улыка были влажные глаза. Вечером папа объяснил мне, что разговор у них был о гибели Бузика, что Улык невероятно страдает, что папа дал ему возможность выплакаться, но скорбь его безмерна. Пока папа с Улыком беседовали, Сарра и Геня взяли меня в оборот и устроили подробнейший допрос обо всех сторонах моей теперешней жизни и планах на будущее. Улык тоже присоединился к расспросам. Я обратил внимание, что разговаривают они со мной серьезно и уважительно, придавая особое значение всей той ерунде, которую я нес. Поразмыслив, я понял, что они относятся ко мне не как к озорному мальчишке, а как к единственному продолжателю рода и носителю генетического потенциала клана Ортенбергов.

Отец и мои дяди гордились генеалогическим древом нашего рода, которое они разработали и которое охватывало шесть последних поколений. В роду было много религиозных, общественных деятелей и ученых. Их отец Пинхас Ортенберг занимался торговлей, но, по понятиям местечка, был человеком образованным, много читал, интересовался философией, владел профессией портного. Среди его предков были: Моисей бен Гилель Остер – талмудист и каббалист в Галиции, автор книг “Ароматная гора” и “Сладкие фрукты”; Яков-Иосиф – проповедник, ученик Бера Межеричского, автора сочинения “Рав-Яба”. Своим родоначальником семейство Ортенбергов считало рабби Меир Бен Баруха из Ротенбурга – ученого, крупнейшего авторитета немецкого еврейства XIII века. По мнению моей родни, я должен был стремиться соответствовать столь знатному роду. Ситуация выглядела комично, но я имел дело с пожилыми людьми, перенесшими большое горе, и поэтому я постарался выглядеть и вести себя солидно. На другой день вечером на квартире у Улыка состоялась встреча с винничанами. Пришли два папиных старых приятели и несколько родственников, в основном, со стороны тети Гени, среди которых были мои ровесники. Знакомство с родней и встреча друзей прошли шумно и душевно, но угощение для гостей показалось мне скудным – каждому гостю дали чай с сахаром вприкуску, а детям к чаю поднесли маленький кусочек хлеба, смазанный джемом. Гуляя по городу, я сразу же отметил, что Винница

во многих смыслах была беднее Днепропетровска. Если во время войны люди в стране голодали и недоедали повсеместно, то первые послевоенные годы в отдельных регионах оказались тяжелее военных. Предыдущие массовые советские голодовки (например, 1932 года) ударили в основном по сельской местности, теперь они в не меньшей степени затронули и города. Жизненный уровень основной массы населения в таких городах резко упал.

Возвращаясь к встрече на квартире Улыка, вспоминаю эпизод, который тогда потряс меня. Когда гости разошлись и остались только хозяева и я с папой, то оказалось, что тетя Сарра приготовила всем сюрприз. Усадив меня за стол, она внесла на расписном старинном блюде рассыпчатое песочное пирожное с прослойками, покрытое розовой сахарной глазурью. Я с удовольствием пожирал её подарок, в то время как все остальные с любовью смотрели, как я это делаю. Угощение было превосходное, но я, наблюдая насколько пусты прилавки магазинов города, ума не мог приложить, где она достала такой деликатес. Все время нашего пребывания в Виннице я был окружен заботой и вниманием родственников – как эстафетную палочку меня передавали от одного к другому. Мне показали достопримечательные места города, мы посмотрели несколько спектаклей в театрах, ходили в кинотеатры, музеи, парки, гуляли по улицам города, прогуливались вдоль реки Буг и очень много беседовали. Конечно, подробностей этих разговоров я не запомнил, но на обратном пути домой, когда мы уже расстались на вокзале с родней и поезд Винница-Днепропетровск тронулся в путь, отец похвалил меня за доброту и умение слушать других.

- Главная цель нашего визита,- подчеркнул он,- достигнута, Улык стал значительно спокойнее. Об этом говорили мне перед отъездом и Геня, и Сарра. Они связывают улучшение его состояния и настроения с положительными эмоциями, которые возникали у него всякий раз при общении с тобой. Так что я теперь всегда буду использовать тебя, как лекарство от депрессии, - шутливо добавил он и грустно улыбнулся мне.

Наша встреча с другим папиным братом Вольфом произошла через несколько лет, летом 1950 года, когда я после окончания средней школы приехал в Киев поступать в Политехнический Институт. Поясню, как я пришел к такому решению. Во время учебы в школе я у себя не обнаружил каких-либо сильных устремлений или увлечений, равно как и специфической одаренности. Учитывая окружающую социальную обстановку и необходимость овладеть конкретной востребованной профессией, я, как и многие мои одноклассники,

решил развиваться в техническом направлении. Поэт Борис Слуцкий уловил эту тенденцию в молодежном сознании и вскоре представил её в стихотворении:

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.

Для своего будущего я предпочел выбрать специальность самую современную, как говорят, самую крутую, и оставляющую возможность для творческой работы, например, в области науки. Золотая медаль, полученная мною в школе, теоретически позволяла мне поступить в любое Высшее Учебное Заведение (ВУЗ) без экзаменов. Ну, что же, дерзать – так дерзать, буду поступать на загадочный в то время Радиотехнический факультет Украинского столичного ВУЗа. Родители поддержали мой порыв, отец должен был сопровождать меня на всех этапах поступления, а проживать мы планировали на квартире семьи Вольфа. Встретили нас родственники очень радушно. Квартира их находилась в центре Киева, рядом с Главпочтамтом, в большом доме, построенном в духе конструктивизма. Меня поразила планировка квартиры, просторной, с высокими потолками, у которой полы в комнатах почему-то находились на различной высоте, так что переходя из кухни в спальню или в столовую приходилось подниматься или опускаться на несколько ступенек. Вольф целыми днями мотался по служебным делам, Эся с утра до вечера пропадала в Мединституте – последние годы обучения были напряженными. Нами занималась Хава – она каждый день на обед готовила нам свежий украинский борщ и жарила настоящие мясные котлеты. Мы были рады предоставленной нам свободе, посещали театры, музеи, организованные экскурсии по городу и, конечно же, занимались моим поступлением на учебу.

На следующий после приезда день мы посетили Математический и Физический факультеты Киевского Университета, затем поехали в Политехнический институт, ознакомились с системой обучения, правилами приема, наличием общежития, получили проспекты, брошюры для поступающих, анкеты, бланки заявлений. Через день, утром с полным комплектом оформленных документов мы с папой уже сидели перед чиновницей в приемной комиссии Политеха. Оценив тяжелым взглядом нашу парочку и бегло осмотрев документы, она закрыла папку и резким движением вернула её нам, сказав, что свободных мест в общежитии практически нет, и

поэтому поселяют в исключительных случаях то ли инвалидов, то ли участников войны. Я опешил от её неприветливого тона, но папа быстро сориентировался, вынул мое заявление на общежитие из папки и снова попросил её принять документы. Неохотно просмотрев содержимое папки, она сказала, что Радиотехнический факультет секретный и необходимо было до подачи заявления пройти в спецотделе проверку, которая занимает много времени, и поэтому в этом году я уже поступить не успею. На другие факультеты по естественным наукам мое право на поступление без экзаменов сохраняется, но необходимо выдержать очень жесткое собеседование и продемонстрировать свои достижения по основной дисциплине. Кроме того, специальности, которые я выбираю, имеются в замечательных ВУЗах Днепропетровска, откуда я приехал, и ей непонятно, почему она должна обижать абитуриентов-киевлян, предоставляя принадлежащие им учебные места иногородним студентам. Чувствовалось, что в её арсенале имеется множество других возможностей препятствовать моему поступлению, но, настойчиво возвращая папку, закончила она миролюбиво, сказав, что отказать в приеме документов она не имеет права, но просит подумать, где больше шансов поступить – дома или здесь. Получив, как говорится, от ворот поворот, вышли мы с папой из института, присели на скамейку, задумались и поняли, что в очередной раз наступаем на одни те же грабли.

Страна жила в эпоху нарастающего послевоенного антисемитизма. Борьба с космополитизмом, убийство Соломона Михоэлса, мой собственный недавний опыт получения золотой медали, омраченный антисемитской выходкой, - ничему нас не научили. Мы были прекрасно осведомлены, что при поступлении в ВУЗы для еврейских юношей и девушек созданы и применяются искусственные барьеры, препятствующие их зачислению и обучению. По этому поводу папа сказал, что действующая в царской России процентная норма для евреев была гуманнее, чем иезуитские методы ограничения евреев, разработанные советской властью. Короче, наша попытка была заведомо обречена на провал. Обсуждая с папой, как нам следует поступить, необходимо было принять во внимание, что если я не поступаю в институт, то в следующем году буду призван в армию. Такая перспектива была пугающей. Между тем, общеизвестным было предвзятое отношение к евреям на вступительных экзаменах в институт. Ходил, например, анекдот о двух редакциях одного и того же вопроса о Великой Отечественной Войне (ВОВ). Если вопрос для русского мальчика формулировался так: "Какими были боевые потери армии в ВОВ – большими или маленькими?", то для абитуриента-еврея вопрос звучал по-иному: "Какими были боевые потери

армии в ВОВ с точностью до одного бойца и перечислить всех павших поименно?" Ощущаете разницу? Короче, риск провалиться на предстоящем собеседовании был достаточно велик, и мы с папой решили отказаться от подачи документов в Киевский Политех, учитывая также, что нашей семье трудно будет покрывать значительные затраты, возникающие при обучении вдали от родителей.

Семья Вольфа выслушала наш рассказ с пониманием и в целом одобрила решение получать высшее образование в Днепропетровске. Вольф выразил сожаление, что моя мечта не сбылась, сообщил, что его семья уже обсудила, как принять меня на проживание к себе домой с наибольшим комфортом, и огорчена тем, что их задумкам не суждено сбыться, и добавил, что для них я гость дорогой и желанный в любое время и на любой срок. Еще денек мы с папой поболтали по Киеву, а затем вернулись в родной город и напрямую, во избежание непредвиденных курьезов, направились в приемную комиссию Днепропетровского Государственного Университета (ДГУ). Изучив проспект ДГУ, мы заранее договорились с папой, что останемся верны точным наукам и, если не будет эксцессов, подадим заявление на физическое отделение Физико-математического факультета. К нашему удивлению документы приняли без замечаний, а уже через день моя фамилия красовалась на информационной доске в списке абитуриентов, зачисленных в ДГУ без экзаменов. Теперь я перестал быть учащимся – я стал студентом. Дома на семейном совете, вспоминая перипетии последних двух недель и оценив конечную ситуацию, мы единогласно пришли к выводу, что все, что происходит, – к лучшему.

Глава 8

Университет

В бытовом смысле переход от учебы в школе к занятиям в университете никаким образом не изменил мой стиль жизни. Я продолжал жить в родительской квартире, но посещал не школу, а университет. Мизерную студенческую стипендию я полностью отдавал на пополнение семейного бюджета, а на мелкие расходы и целевые покупки брал деньги у мамы. Несмотря на достигнутое совершеннолетие и обретенную независимость, я остался сыном послушным, старался не огорчать родителей

непозволительными поступками, делился с ними и обсуждал студенческие события. Отца радовала моя душевная открытость, а мама иногда требовала, как мне казалось, избыточной откровенности о моих отношениях с друзьями и подругами, пыталась управлять моими поступками. Возможно такое поведение было связано с её властным характером, может быть так она понимала свой материнский долг, ограждая меня от непродуманных шагов, но её настойчивость мне не понравилась. Я посчитал, что ущемляются мои свободы, и перестал сообщать о некоторых делах и событиях в личной жизни, что привело к сдержанности в наших отношениях. Хотя атмосфера в семье оставалась теплой, протокольная сухость ощущалась в некоторых моих высказываниях, касающихся личных проблем. Тем самым, я как бы ограждал себя или предостерегал родителей от дальнейших расспросов по этой теме и, конечно, недопустимым становилось оказание давления на меня, если обсуждались вопросы из моего личного пространства. В проблеме отцов и детей своевременность освобождения детей от родительской опеки является исключительно важной. Вначале ребенок освобождается от материнской груди, затем отец перестает водить его за ручку, ребенок начинает самостоятельно есть, переходить улицу и т. д. В подростковом и юношеском возрастах процесс освобождения от родительского контроля становится очень чувствительным, поскольку ребенок обретает свободу и полную самостоятельность. Не всем родителям хватает такта и понимания, чтобы вовремя отпустить свое чадо в путь, и тогда возникают конфликты, иногда весьма драматические. В моем случае недопонимание привело к возникновению некоторой отчужденности между мной и родителями, хотя до конца их жизни у нас сохранился тесный контакт, они остались любящими родителями, а я – преданным, заботливым сыном. Думаю, что в наших взаимоотношениях им недоставало душевности, эмоциональности, которые приняты в семьях между близкими людьми. Виновен в этом был я, точнее, присущая мне сдержанность в проявлении чувств, которая обедняла меня самого и ощущалась также при общении с друзьями и коллегами.

Как и в школьные годы, мои отношения с большинством сокурсников, носили дружественный, ровный характер. Учеба, как и раньше, давалась мне легко, я на отлично успевал почти по всем профильным предметам, охотно делился с сокурсниками своими знаниями. Основной формой нашей учебы были лекции преподавателей по различным направлениям математических и физических наук. Раскрыв рот, с восторгом и глубоким интересом, я поглощал преподносимый материал, не замечая, как заканчивалась одна пара лекций и начиналась следующая. Я любил учиться, обожал осваивать новое,

неизвестное, влекущее к размышлениям. Но восхищение лекциями было связано не только с их содержанием, но и с той притягательностью, которой обладали профессора и доценты, читающие нам эти лекции. По сравнению с предшествующим учительским составом и бытовым человеческим окружением, университетские педагоги были личностями ярчайшими, за каждым из них стояла прожитая жизнь, невероятный интеллект, профессионализм, мастерство, артистизм и, главное, открытость к общению. Помимо лекционных, нравились мне также семинарские занятия, на которых при решении трудных упражнений проявлялись творческие способности студентов и таланты преподавателей. Я не могу упустить возможность рассказать о некоторых из них, запомнившихся мне больше других, благодаря их необычной судьбе, исключительной одаренности, или из-за их странного поведения.

Высшую алгебру преподавала женщина лет сорока, небольшого роста, плотно скроенная, внешне она была, как две капли воды, похожа на Александру Пахмутову – ныне популярного советского композитора. До перехода в университет алгебраистка служила в подразделении Генерального штаба Советской Армии по своей математической специальности и бережно хранила отдельные атрибуты былой воинской биографии: ходила строевым шагом, производя движения руками в такт шага, носила зеленую гимнастерку с подшитым белым подворотничком, на переменах курила самокрутку. Говорила она низким голосом, рубленными фразами, отточенными, как военная команда. Лекции её были образцами точности и сухости, последнее предложение излагаемого материала всегда совпадало с звонком на перерыв. Представляя властителей университетских дум, я не расставляю приоритеты, а вспоминаю моих учителей в той последовательности, в которой они возникают в голове, хотя у студентов нескольких потоков по привлекательности первое место долгие годы было закреплено за заведующим кафедрой общей и экспериментальной физики Моховым Николаем Васильевичем. В чем была сила его обаяния - я точно сказать не могу, но думаю, что загадка крылась в его простоте. Николай Васильевич (НВ) был бывалым, немолодым человеком, лет пятидесяти пяти, среднего роста, с правильными славянскими чертами лица и добрыми улыбающимися глазами. Обычно он ходил в сереньком потертом костюмчике, но на лекции всегда выходил к студентам в большом, не по его размеру, дорогом черном костюме и белой рубахе с воротником. Речь у него была изысканная, образная, изобиловала присказками, чудными выражениями и словами. Осталось у меня в памяти словечко "мотоциклетист", приклеившееся к НВ на дорогах войны,

возможно, в Болгарии, от которого он не хотел отказаться, и на лекциях по механике "мотоциклетист" был постоянным персонажем, который обгонял, тормозил, подпрыгивал, выходил из виража и даже взлетал. Произношение у НВ отличалось от днепропетровского, к которому я привык, например, букву "г" он произносил без украинского придыхания, по-московски.

На лекциях, сопровождаемых демонстрационными опытами, НВ всегда появлялся вместе с Митричем - начальником кафедральной лаборатории. Митрич был высоченный, необычайно худой и добродушный человек. Он был фронтовым другом НВ, и говорили, что он спас НВ, вытащив его, раненого, из боя. Специалистом он был невероятно рукастым и изобретательным; когда говорили о его золотых руках, обязательно вспоминали рассказ Николая Лескова "Левша". НВ придумывал эксперименты, Митрич их реализовывал, изготавливая необходимое оборудование. Огромное влияние на стиль показа этих опытов оказала вышедшая в переводе на русский язык книжка В. Сибрука, посвященная чародею физической лаборатории американскому ученому Роберту Вуду. В СССР молодежь зачитывалась историей Вуда, который стал самым дерзким и оригинальным экспериментатором, и пыталась подражать ему. Студенты с удовольствием участвовали в подготовке демонстрационных представлений НВ. Подобные его лекции посещали студенты не только нашего, но и других факультетов, настолько занимательной была чередой физических опытов, оформленных, как фокусы. Я был вовлечен в разработку многих из этих экспериментов, НВ прислушивался к моим замечаниям, ценил меня и называл "любителем парадоксов" из-за моего упорного стремления отыскать в каждом описании физических явлений противоречия, появляющиеся в пограничных областях рассматриваемых явлений. Ко мне, так же, как и к другим студентам, увлеченным физикой, НВ относился дружески, подолгу беседовал с каждым из нас, один раз в неделю устраивал для нас на кафедре чаепития с печеньем и болтовней на самые разные темы. В коллективе приближенных к НВ людей, сложились теплые, поистине семейные отношения. На момент нашего знакомства, несмотря на солидный возраст, НВ был человеком холостым, но через несколько лет совершенно неожиданно женился на симпатичной тридцатилетней женщине – начальнице спецотдела нашего факультета. НВ секрета из женитьбы не делал, пригласил друзей и близких студентов на кафедральное чаепитие, познакомил с супругой и рассказал о её двух детях от первого брака, которых они теперь будут воспитывать вместе. НВ в супружестве расцвел, немного округлился, выглядел ухоженным, но привычек своих не изменил, на лекции приходил в

том же мешковатом костюме, но рубашка на нем была теперь всегда белоснежной и накрахмаленной.

Доцента Лещинского я запомнил за его чудачества. Преподавал он дифференциальную геометрию и на первой же лекции потряс студентов своим артистизмом, поясняя новое для нас понятие подвижного трехгранника. Подвижный трехгранник – это некая система координат, три оси которой взаимно перпендикулярны, и если одна ось направлена вертикально вверх, то две другие оси лежат в горизонтальной плоскости и образуют прямой угол между собой и вертикальной осью. Закончив рисунок на доске, он лихо, по-цирковому взлетел на стол, сел на него, расправив ноги по поверхности стола под прямым углом друг к другу, демонстрируя руками, что тело его вертикально и макушка головы направлена в потолок. Повернув голову назад и заглянув за спину, он смущаясь сообщил нам, что начало координат системы расположено вблизи его копчика и приступил к иллюстрации подвижных свойств трехгранника, для чего, подпрыгивая на заднице, начал перемещаться по поверхности стола, выдерживая прямой угол между своим корпусом и ногами. Доскавав до края стола, он спрыгнул и, как ни в чем ни бывало, продолжил лекцию. Этот трюк он показывал нам ещё несколько раз на последующих занятиях, пока не почувствовал, что нам уже надоело представление, и тогда стал заменять его на новые. Например, процесс наиболее сильного прилегания злополучного подвижного трехгранника к фигуре он называл уплощением и сопровождал таким упражнением. Он ложился на стол, изогнув тело дугой, и затем, выравнивая линии тела, сближался с плоскостью стола и при этом орал не своим голосом: "Я уплощаюсь! Я уплощаюсь!" Дурачества Лещинского дополнялись его редкостным либерализмом на экзаменах. По дифференциальной геометрии автоматически успевали те студенты, которые посещали его лекции без прогулов. Остальные сдавали экзамены, тоже особо не напрягаясь.

Розыгрыши и приколы присутствовали и в учебном процессе, и на студенческих встречах, и при общении с преподавателями в значительно меньшей мере, чем это принято сейчас. Время было другое, более серьезное. Припоминаю одну шутку, которую я себе позволил при выполнении курсовой работы по статистической физике. Тогда работы представлялись написанными чернильным пером от руки в обычных школьных тетрадах. Я подобрал такое стихотворение поэта Николая Некрасова, что длина его строки точно укладывалась в размер тетрадной рукописной строчки. Отрывки из стихотворения я вклинил внутрь курсовой работы так, что они не отличались

размером строки от общего текста работы. Оформленную по всем правилам работу я передал для получения зачета Быстрицкому, преподавателю очень рассеянному и близорукому, с целью проверить, смотрит ли он вообще наши работы, перед тем, как выставить оценку. Раздавая после проверки работы студентам, Быстрицкий среди других похвалил и мою работу, но посмотрел на меня многозначительно, с паузой, так что я так и не понял, знакомился он с моей курсовой или даже не брал её в руки, поскольку никаких пометок в моей рукописи я не обнаружил ни в самом тексте, ни во включенном в работу стихотворении русского классика.

В университетском образовательном процессе, как и во всех сферах жизни страны, присутствовала государственная идеология. Проводником идеологического диктата была кафедра обществоведения, на которой семестр за семестром читались какие-то надуманные курсы лекций: "История ВКП(б)", "Научный коммунизм", "Политэкономия социализма" и т.п. Философская идеологическая составляющая для естественно-научных факультетов в нашем университете состояла в изучении работы В. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Социалистическая идеология представляла собой набор мнений и идей, конструирующих реальность, закрепляющую властные права правящей элиты и не допускающая даже мысли о возможной альтернативе. Все её демагогические постулаты следовало зазубрить и, как положено, сдать экзамен в конце каждого семестра. Идеология давалась мне с трудом, необходимо было демонстрировать преданность коммунистическим химерам, но худо-бедно четверочку или пятерочку по каждому разделу я получил, кланяясь почтительно экзаменаторам за их щедрость. Поступить по-другому я, как студент-еврей, не мог хотя бы потому, что во время моей учебы в университете в стране происходили события, связанные с ликвидацией Еврейского антифашистского комитета, завершившиеся расстрелом евреев – выдающихся деятелей СССР. Об этом я тогда, конечно, знать не мог, но власть уже готовила акцию по переселению еврейского населения страны в холодные сибирские районы, направленную на уничтожение нации. Бесчеловечная акция была прервана в марте 1953 года, благодаря смерти вождя и светоча всех народов товарища Сталина И.В. Кстати, политические события внутри страны и за рубежом обсуждались на регулярных политинформациях студентов, проводившихся в учебных группах. На таких занятиях студенты выступали по очереди, и каждый был обязан показать верность партии и правительству, рассказав о каком-либо текущем событии стандартными клише, используемыми центральной государственной прессой. Однажды к нам в группу организатор занятий привел феноменального комсомольца, идейно

преданного настолько, что он на память знал имена и фамилии генеральных секретарей коммунистических партий всех стран, которые обзавелись такой партией. Это напомнило мне трюк вундеркинда из хедера, где учился в детстве мой папа. Этот ученик, ткнув пальцем в любую точку на первой странице Торы, мог сказать, какое слово написано на указанном месте на всех последующих страницах книги.

В это время я увлекся чтением произведений зарубежных писателей, переведенных в СССР на русский язык. Я получал огромное удовольствие, знакомясь с европейской классической литературой, с произведениями американских авторов. В какой-то момент мне захотелось упорядочить и углубить свои познания в этой области, я подал заявление декану филологического факультета нашего Университета с просьбой разрешить мне факультативно посещать некоторые курсы лекций по литературе, получил согласие и в течение двух лет прослушал в свободное от занятий на физическом факультете время много лекций по мировой культуре, стараясь расширить свою эрудицию. На лекциях я познакомился и подружился со студентками филологического факультета. Это были замечательные девчонки во всех отношениях, они втянули меня в драматический коллектив университета, я получил роли в двух спектаклях и до конца учебы выступал на сцене драматического театра. Роли были эпизодические, но характерные и комические, зрителям пришлось по вкусу мое исполнение, они живо реагировали на выходы моих героев и громко смеялись. Мне нравился процесс создания спектакля, ночные и генеральные репетиции и очаровательная актриса нашего драмколлектива - студентка филфака, которая отвечала мне взаимностью не по роли, а по жизни.

Один мой партнер по спектаклю одновременно руководил университетскими представлениями художественной самодеятельности, следил за репертуаром, составлял программу студенческих выступлений, в качестве конферансье представлял на сцене выступающих певцов, танцоров, чтецов и заполнял паузы между номерами, рассказывая анекдоты и байки. Он мечтал расширить свое участие в концертах, осовременить комические номера, искал подходящих авторов для написания смешных текстов и однажды, зная мою привычку подшучивать над собой и друзьями, предложил мне испытать себя на подобном поприще. Я отнесся к предложению со всей серьезностью, нашел напарника, такого же физика-остряка, как и я; наш творческий тандем оказался удачным, и уже через две недели мы изготовили не менее пяти стихотворных шедевров, посвященных реальным фактам из жизни города и студенческого

сообщества, которые почерпнули из сообщений местных газет. Стихи можно было петь на мотивы популярных в то время песен. Одна из таких частушек на мотив неаполитанской песни "Тиритомба, тиритомба, тиритомба, песню пой!" застряла у меня в голове, и была она посвящена тире для стрельб из винтовки, построенному Днепропетровским Государственным Университетом (ДГУ) за городом, в балке с пологими краями. Полигон был построен без серьезного учета опасного профиля местности и принятия каких-либо мер защиты от пуль. При учебных стрельбах тир представлял действительную угрозу для проживающих рядом граждан и случайных прохожих. Так вот песня на эту тему начиналась так:

Где-то в балке, где-то в балке, где-то в балке ДГУ построил тир,

Мимо цели там стреляют, там стреляют, как в копейку, в божий мир.

Далее от некомпетентного руководства требовалось немедленно, не ожидая рокового случая, исправить ситуацию. И эта песенка, и все остальные понравились и исполнителю, и гитаристу, и даже цензору Главлита, которому предъявили все эти тексты, и который посчитал, что в песенках ироничная критика местных властей выглядит уместной и допустимой. Затем мы сочинили еще два монолога, несколько скетчей, частушки, и всю эту программу наш приятель обкатал с успехом на публике, выступая в клубах города. Имена авторов значилось на афише, и мы ходили с задранными носами, упиваясь свалившейся на нас славой.

Теперь я жил как бы в двух мирах: все дневное время я отдавал учебе на факультете, а вечерние часы и выходной день посвящал увлечениям, общался со студентами-гуманитариями, любителями театра и свободного творчества. Эта группа моих друзей, представляла разношерстную массу беспечных людей, которую я считал богемой. За счет состоятельных родителей или богатых покровителей, они были более обеспеченными, нежели мои сокурсники по факультету. Их творческие встречи довольно часто сопровождались распитием нескольких бутылочек винца и иногда завершались натуральной пьянкой. Ни материально, ни морально я не был готов к такому образу жизни, и участие в подобных мероприятиях постоянно напрягало меня. Окончательно я пришел к выводу о необходимости расстаться с этой компанией во время Новогоднего праздника, который студенты университета проводили в Доме Культуры. В вестибюле устанавливали большую ёлку, оставшееся пространство предназначалось для танцев. Из зрительного зала удаляли кресла, а освободившееся место заполняли столами, которые заранее заказывали группы студентов разных факультетов, курсов

или общественных организаций. Каждый стол сам определял свое меню, объем выпивок и закусок. Обычно студенты приносили продукты с собой и до начала представления раскладывали их на столе. Праздничное застолье выглядело скромным, чтобы не сказать, скудным, но это никого не смущало, потому что настроение было радостным, а веселье не покидало никого до конца встречи. Я со своей подружкой отмечал Новый Год за столом, расположенным у самой сцены, за которым сидели в основном студенты, занятые в концерте: певцы, чтецы, акробаты, танцоры, ведущие программы. К богемной компании всегда присоединяются сопровождающие личности - то ли почитатели, то ли бывшие артисты сцены, то ли поклонники солисток, а иногда просто посторонние люди. Вот и в этот раз мозолил всем глаза какой-то заносчивый сноб, напаявшийся на себя невероятно амбициозную ветровку. В правой руке он держал бутылку коньяка, которую не выпускал из рук, в левой - рюмочку микроскопического размера, и подсаживался то к одному, то к другому студенту за нашим столом. Когда подошла моя очередь, то он представился выпускником то ли ВГИКа, то ли ГИТИСа, посетовал, какое омерзительное алкогольное пойло потребляет публика, отмечающая Новый Год. Затем, как знаток высокой культуры выпивки, принятой у них, там, на Западе, сообщил, что, если коньяк пить мизерными дозами, наперстками, тогда и ощущение от выпитого напитка будет благородным, и опьянение – интеллигентным. Налив себе несколько десятков капель коньяка в крохотную рюмку, он, запрокинув голову, проглотил содержимое рюмки, крикнул, как это делают алкаши на Руси после стакана водки, и многозначительно посмотрел на меня. Я молчал, диалог не получался и специалист по этикету, помедлив минуту-другую, поплелся искать более отзывчивого собеседника.

За нашим столом участники концерта сидели рядом друг с другом в соответствии с исполнительским жанром. Вокалисты, аккомпаниаторы сгруппировались на одном краю стола, спортсмены и фокусник – на другом, танцоры – на третьем. Я сидел поближе к мастерам разговорного жанра и студентам, обеспечивающим поддержку сценического действия. Рядом со мной оказался студент-геолог Резо, грузин по национальности, необычайно тощий и высокий юноша, веселый и общительный. Предлагаю тост "За маму!" – сказал Резо, картинно открыл бутылку и разлил всем желающим. Напиток был превосходным, на бутылке было написано: "Греми" – коньяк грузинский. С Резо мы были знакомы давно по совместным тусовкам, репетициям, на которых, сидя в зале, как говорится, в ожидании выхода на сцену, часто трепались на самые разнообразные темы. Тому факту, что мы симпатизируем друг другу, он имел даже свое объяснение. Национальные меньшинства, по его

мнению, должны помогать друг другу, чтобы противостоять давлению державной нации, и родственным чувствам, которые мы с ним испытываем друг к другу, мы обязаны тому, что являемся представителями нацменьшинств. С моей точки зрения, мы нравились друг другу потому, что любили острое словечко, имели едва заметную ямочку на правой щеке и весили одинаково, при том, что его рост в два раза больше моего, а толщина – в два раза меньше. Резо был с этим не согласен, а вот с предложением, выпить незамедлительно за папу, согласился с удовольствием, также, как и с последующим вскоре призывом выпить уже без тоста. После этой рюмки он встрепенулся, посмотрел мне прямо в глаза, в упор, что называется, и спросил: Любишь "Греми"? Я попытался лицемерить, уверяя, что не могу любить его в полной мере, зная, какой это дорогой коньяк в рублевом исчислении. Резо прервал меня.

- Вижу, что любишь. Я давно хотел в знак нашей дружбы сделать тебе подарок, но не знал – какой, да и повода не было. А сейчас – все сошлось. Держи, - сказал он и протянул мне непечатую бутылку коньяка. Я попытался отнекиваться, но Резо ничего не хотел слышать. Тогда я сказал, что принимаю подарок при условии, что могу распить бутылку сейчас же с моими сокурсниками по физфаку, стол которых находится на другом конце зала. Резо пожал мне крепко руку, обнял, извлек ниоткуда, как фокусник, два лимона, протянул их мне и пожелал счастливого Нового Года. Немного в подпитии, я напрямик направился в конец зала к моим друзьям по учебе, а Резо вернулся к столу лириков.

За столом физиков я застал всех моих сокурсников в приподнятом настроении, они живо – аплодисментами и выкриками - отреагировали на мое появление. Взглянув на бедненький стол, я сразу же увидел, что спиртное у них закончилось. Не давая им опомниться, я поднял высоко над головой бутылку, демонстрируя каждому этикетку божественного напитка "Греми" и артистично прочитал знакомое из школьной программы стихотворение Владимира Маяковского:

Я знаю ложь - эдемы и рай,
Но если пелось про это,
Должно быть Грузию – солнечный край,
Подразумевали поэты!

Пока вытаскивали пробку, разливали содержимое равномерно по двадцати стаканам, пока нарезали на дольки лимон, я успел внедрить тост моего друга

Резо "За маму". Физики поддержали тост, каждый хотел в новогоднюю ночь вспомнить свою маму. Когда суета с подготовкой коллективного тоста закончилась, я сообщил всем, что час назад, т.е. еще вчера, незадолго до наступления Нового Года, один кинематографист поведал мне, как надо правильно употреблять коньяк. Согласно его инструкции, пить следует маленькими глотками с длительными перерывами между ними, как можно дольше, независимо оттого, сколько тебе налили в стакан. Тамада не выдержал моего занудства и выкрикнул: "Поехали!" Вся компания дружно пригубила стаканы потому, что действительно назрела потребность выпить, и потому, что тамадой был уважаемый наш сокурсник – командир партизанского соединения, действовавшего в Крыму во время оккупации полуострова немцами - и его нельзя было ослушаться. Он был лет на десять старше основной массы студентов, и подобные "взрослые" студенты составляли треть численности группы. Были среди этих великовозрастных студентов ребята, успевшие отслужить в армии после окончания десятилетки, были участники войны, решившие после демобилизации продолжить образование. Однако, основной состав студентов представляли мои ровесники, поступившие в университет сразу же после окончания школы. На физико-математическое направление стремились попасть одаренные ребята, медалисты, отличники, победители школьных олимпиад. Студентам-переросткам трудно было поспевать за ватагой мальчишек и девчонок, схватывающих знания на лету, но благодаря настойчивости и опыту, они все одолели учебную программу до конца. Упомянутый мною крымский партизан во время учебы получал посредственные оценки, позволявшие ему переходить с курса на курс, но на последних курсах сделал блестящую общественную карьеру, возглавив вначале студенческую партийную организацию, затем – факультетскую, а после окончания учебы остался работать на одной из кафедр.

Новогодний вечер, о котором я сейчас рассказываю, был важным событием для нашей группы, потому что в следующем году мы переходили на обучение по разным специальностям. Выбор специальности был главной темой разговоров студентов за праздничным столом. Каждый студент должен был выбрать для себя направление будущей деятельности и прикрепиться к одной из кафедр: теоретической физики, электрофизики, оптики и спектроскопии. Я определился с выбором уже на первых курсах, отдав предпочтение оптике. Такому решению способствовали мои детские наивные увлечения оптическими фокусами, магия видимого и невидимого, преклонение перед гением Исаака Ньютона, разложившего свет в спектр, загадки человеческого цветного зрения, особенности формирования и восприятия цветов. Я

предчувствовал, что, знания, накопленные в физике электромагнитного излучения, в ближайшее время приведут к крупным открытиям в этой области. И действительно, изобретение лазеров, разработка всевозможных оптико-электронных устройств вскоре изменило мировую технологию и преобразовало жизнь людей. Я хотел, чтобы для моей личной судьбы правильный выбор специальности означал, что я получу профессию, которая будет долгое время востребована в различных видах человеческой деятельности. Гарантом качества профессионального мастерства для меня служил тот факт, что завершающими этапами университетского обучения были и производственная практика, и разработка, и защита дипломного проекта. Производственную практику по спектроскопии я проходил в лаборатории одного Московского ведомственного НИИ. Сотрудники этой лаборатории за последние десять лет с нуля создали и разработали методы количественного спектрального анализа металлов, сплавов и других веществ, внедрили аналитические методики в разнообразные отрасли промышленности. Это был коллектив высокообразованных, творческих личностей, нацеленных на решение общей проблемы. Они владели на тот момент фантастическими приемами экспресс-контроля состава образцов проб. Я наяву увидел то, что изучал в университете по учебнику, написанному профессором, начальником этой лаборатории, которая приютила меня. Я проводил эксперименты, работал руками, обсуждал результаты, оформлял документацию и даже успел разработать и внедрить метод спектрального анализа высоколегированной стали для сибирского комбината, выпускавшего вооружение для армии. Научная руководительница практики очень нахваливала меня в отзыве о моей стажировке и при расставании сказала, что была бы рада заполучить такого сотрудника, как я, в свою группу. Два месяца практики пролетели, как одно мгновение.

Мне повезло не только с местом стажировки, но и с местом проживания. Сразу же по приезде в Москву я получил направление на вселение в общежитие студентов МГУ. До постройки высотного здания МГУ основным пристанищем МГУ-шников была легендарная общага на Стромынке. Её старинное четырёхэтажное здание с внутренним двором представляло собой правильный замкнутый квадрат со стороной около пятидесяти метров длиной. Один фасад здания располагался вдоль набережной Яузы, а к другим его сторонам примыкали психиатрическая лечебница и тюрьма "Матросская тишина". На первом этаже здания находились библиотека, читальный зал, концертный зал, столовая, отделение почты, хозяйственные службы, а на втором, третьем и четвертом этажах жили студенты (более трех тысяч). Наибольший мой восторг

вызывал внутренний двор, засаженный деревьями, обустроенный скамейками для отдыха и заасфальтированными дорожками для прогулок. Говорят, что в эти годы, в этом маленьком парке нашел свою любовь будущий Президент СССР Михаил Горбачев. На одной из скамеек дворика нашел свою любовь и я. Она сидела одна и сосредоточенно смотрела в книгу, но это ей не помогло, потому что я тоже присел на скамейку и поинтересовался, куда исчезло в течение последней недели всё население общаги, почему в комнате, где я жил с восьмью ребятами, никого не осталось, почему совсем недавно в дворике невозможно было протиснуться, а сейчас, кроме нас, я никого не вижу? С такой же непосредственностью, с какой я задавал вопросы, она объяснила мне, что у студентов начались летние каникулы, и все разлетелись по домам, по друзьям, по экспедициям, а она - не студентка, а абитуриентка, поступающая на биологический, и осталось ей сдать два вступительных экзамена. Звали её Валя, родом она была из Вологодской области, совсем недавно стукнуло ей восемнадцать, большие черные глазки её блестели, как угольки, а число веснушек на её носике я посчитать не сумел, несмотря на математические способности, и поэтому решил, что нам необходимо прогуляться в парк Сокольники и охладиться мороженым. От общежития до метро три трамвайных остановки, от метро до парка еще пять минут хода, короче, пятнадцать минут туда и столько же обратно, но, видимо, слишком долго, как говорится, мы бродили в аллеях парка, потому что в общагу вернулись далеко за полночь. Чтобы не потеряться в темноте в опустевшем общежитии, мы крепко держали друг друга за руку. Я проводил её до комнаты на женском третьем этаже, поцеловал, пожелал спокойной ночи и спустился на второй этаж к себе на ночлег.

Условия проживания в общежитии были своеобразными: постельное белье меняли сами студенты примерно раз в месяц, умываться можно было в тазике в конце коридора, горячая вода отсутствовала вовсе, в столовой предлагалось стандартное меню из трех блюд: сарделька говяжья с кашей, винегрет и компот из сухофруктов. Утром следующего дня, в восемь часов, как было договорено, я ожидал мою принцессу в столовой за столиком, на котором уже стояли две комплексных порции с горячими сардельками. Валюша не вошла, она впопыхнула в зал, отыскала меня глазами и полетела, улыбаясь, мне навстречу. Встретил я её стоя, галантно, насколько мог, усадил за стол, принес столовые приборы для нашего первого совместного завтрака, который сопровождался болтовней и обменом взглядами, которые иначе, нежели пылкими, не назовешь. Нам предстоял трудный день: Валю в старом здании университета на Моховой ожидала консультация профессора по биологии, а я спешил в

институт на семинар по спектроскопии. Вечером в концертном зале показывали комедию с участием Аркадия Райкина "Мы с вами где-то встречались", и Валя очень хотела посмотреть этот новый фильм. Я вернулся на Стромьнку задолго до начала просмотра, чтобы успеть купить билеты. Наш роман стремительно набирал обороты. Всё свободное от занятий время мы теперь проводили вместе, а в выходные дни просто не расставались друг с другом. Посещали танцы, несколько раз ходили в походы по Подмосковию с туристическими группами и даже один раз попали на балет в Большой театр. Мы были очарованы друг другом, меня потрясала её естественность и свежесть, наивность и точность её суждений. Мы все время болтали, я рассказывал ей вычитанные из книжек истории, а она, как замороженная, слушала меня, раскрыв рот. Мы прошли все стадии общения, всё больше притягиваясь и сближаясь. После концерта эстрадной музыки наша близость стала, как пелось в популярном в те годы романсе, "безмерна, безгранна".

В этот вечер в концертном зале общежития выступали два известных композитора-песенника: Евгений Жарковский и Людмила Лядова. Жарковский служил на Северном флоте, на сцене выступал в офицерской форме с кортиком и прочими аксессуарами, стройный и подтянутый он был очень живописен, исполнял свои песни, посвященные братству моряков, суровым корабельным будням, включая распеваемую народом трогательную песню "Прощайте скалистые горы". Молоденькая Лядова с чудным вокалом, задушевым лирическим репертуаром и необыкновенной энергетикой пользовалась большим успехом у публики, и свою озорную "Чудо-песенку" в тот вечер на Стромьнке она исполнила на бис не менее трех раз. Мы с Вале́й встретили живописную парочку перед началом концерта во внутреннем дворике и проводили их после выступления, получив на прощание на программках концерта автографы артистов. Начал накрапывать мелкий дождичек, и мы вернулись в общежитие за зонтиком для Вали. Так уж получилось, что, взволнованные яркой встречей с артистами и испытывая целую гамму различных чувств и эмоций, усиливающих наше стремление друг к другу, мы остались в Валиной комнате вдвоем до утра. В студенческой столовой за завтраком мы продолжили наше общение, оживленно обсуждая общие планы на оставшиеся три недели до нашего расставания, совместное проживание в общежитии быстро приближалось к концу. Вскоре Валя сдала последний экзамен на отлично и была зачислена на первый курс биофака. Поговорив со своей мамой по телефону, она начала собираться в дорогу, домой. Я получил официальные документы о завершении моей практики и тоже должен был вернуться в университет – начинался мой последний

учебный год. За день до отъезда Вали, во время прощального ужина в нашей родной студенческой столовой мы поблагодарили Стромынку за те два коротких месяца нашей счастливой встречи, обменялись адресами для поддержания контактов и туманными представлениями о перспективах продолжения наших любовных отношений. Как знать, предоставит ли нам судьба шанс для последующих встреч или же разведут нас жизненные обстоятельства по индивидуальным непересекающимся путям? Настоящую боль и грусть я испытал на следующий день на вокзале во время проводов Вали. Мы долго молча стояли, прижавшись друг к другу, возле дверей вагона, затем внезапно она поцеловала меня, лихо запрыгнула на ступеньку и тотчас же поезд тронулся, а она исчезла внутри вагона. Всё, что она делала, вызывало мой восторг и удивление.

Не спеша, прощаясь с Москвой, прошагал я от Ярославского вокзала до Курского - на завтра я планировал своё возвращение в Днепропетровск, следовало купить билет на поезд. Мой капитал, оставшийся после практики и других непредвиденных расходов, точно равнялся стоимости билета в плацкартном вагоне пассажирского поезда. С билетом в кармане я в последний раз переночевал в своей обители на Стромынке. А через день я уже был в Днепропетровском университете, где меня с нетерпением поджидали коллеги. Дело в том, что моя дипломная работа представляла часть большого научного проекта, связанного с изучением излучений, возникающих в высокочастотных разрядах. Над проектом трудились сотрудники нескольких физических кафедр, душой и руководителем проекта был молодой, лет сорока, профессор электрофизик Леонид Мартынюк – человек необычайно способный и обаятельный. Он создал универсальную установку, оснащенную разнообразными электрическими генераторами и разрядными устройствами. Я отвечал за работу оптического оборудования, анализировал спектры излучений, обрабатывал результаты измерений. Первичные данные, полученные нами в ходе прошлогодних экспериментов, были настолько неожиданными, что мы написали письмо в редакцию авторитетного научного журнала с сообщением о наших наблюдениях. Письмо было опубликовано и вызвало живой интерес физиков. С началом учебного года работы над проектом необычайно активизировались, коллектив участников существенно увеличился за счет новых сотрудников и студентов, установка работала практически непрерывно, а вокруг нее витала творческая атмосфера научного поиска. На праздничном вечере студентов и сотрудников факультета, посвященном годовщине Октябрьской Революции, наш проект был назван в числе самых перспективных научных разработок. После официального

празднества были концерт и танцы, на которых вместе со студентами в вальсе кружился профессор Мартынюк в паре со своей красавицей женой.

Однако уже в декабре я обратил внимание, что Мартынюк перестал участвовать в экспериментах, поинтересовался, в чем дело, и выяснил, что он проходит обследование в Центральной больнице в связи с недомоганием. Я познакомился с женой Леонида в прошлом году у них дома, когда мы работали над упомянутым только что письмом в редакцию. Поэтому я позвонил ей, и мы договорились, что на следующий день вместе посетим его в больнице. Перед тем, как войти в больницу, она отвела меня в сторону, и я впервые услышал слово "рак", относящееся к близкому тебе человеку. В палате лежал на кровати сильно изменившийся человек: его тонкие черты лица как бы размылись, потеряли былую выразительность, кожа выглядела какой-то серой и только глаза по-старому лучезарно заблестели, когда он разглядел меня в дверях. С нескрываемым интересом слушал он подробный отчет о всех работах на его установке, проведенных за последнее время, обсудил полученные результаты и снова повторил, какие режимы работы он считает предпочтительными. Мы посидели еще немного, жена скормила ему витамины, а потом пришла сестра делать процедуры и попросила нас больше его сегодня не беспокоить. Я не представляю, какие в то время были методы лечения болезни и борьбы с болью, но, когда я во второй, последний раз посетил его, то застал его лежащим с закрытыми глазами. Я спросил у няни, не спит ли он, на что она ответила, что в его состоянии речь может идти лишь о мучениях, а не о сне. Через две недели жена Леонида позвонила мне сама и сказала, что на ближайшее время визиты в больницу отменены, а через день утром на факультетской доске объявлений я прочитал, что профессор Леонид Мартынюк умер после тяжелой непродолжительной болезни. На кладбище его провожало много студентов, преподавателей и ученых - он был человеком незаурядным и компанейским. Леонид был первым моим наставником на научной стезе, и его уроки мнегодились в дальнейшем. Свою дипломную работу я доделал, оформил и защитил после его смерти. Я постарался внести в заключительный документ все полученные измерения, результаты обработки и их интерпретацию, рекомендации Л. Мартынюка, определяющие направление последующих исследований. На защите присутствовали все участники проекта, рецензенты оценили дипломную работу, как превосходную и полезную для факультетской научной программы, а председатель комиссии по защите дипломных работ сказал, что профессор Мартынюк вырастил настоящего физика и продолжателя своего дела, отметил, что впервые в практике ДГУ результаты дипломной работы удостоились

публикации в авторитетном академическом журнале, и поэтому, без сомнения, работа заслуживает отличной оценки.

Для завершения образования, помимо освоения учебной программы и защиты дипломной работы, каждый выпускник должен был получить личную характеристику, подписанную, как говорили, треугольником факультета: деканом, партгором, профсоюзным комитетом. С момента поступления в университет в повседневном своем поведении я руководствовался правилом, привитым мне родителями, которое в образной форме гласило: из окна движущегося трамвая высовываться запрещено. На протяжении учебы я старался вести праведный образ жизни, с преподавателями в конфронтацию не вступал, с сокурсниками поддерживал дружеские отношения и при студенческих разборках за пределы допустимых норм не выходил. Поэтому, как я и ожидал, характеристику получил положительную. На выпускном вечере мне вручили диплом с отличием об окончании ДГУ и прикрепили на лацкан пиджака нагрудный ромбовидный знак, который в то время выдавали только выпускникам Госуниверситетов. Я очень гордился этим знаком. "Мои университеты" закончились, и пришло время, как говорили на Руси, "идти в люди".

На пути достойного устройства на работу вновь возникли препятствия: анкетные данные и пресловутый пятый пункт. Несмотря на огромное желание преподавателей кафедры "Оптика и спектроскопия" оставить меня на кафедре, приняв в аспирантуру и создав условия для защиты диссертации, все понимали, что ректорат не пропустит мою кандидатуру. Заведующий кафедрой придумал, как ему казалось, хитрый ход и обратился к ректору с просьбой принять меня на работу на вакантную низовую должность лаборанта, полагая, что через несколько лет я, оставшись работать лаборантом на кафедре, сумею защитить кандидатскую диссертацию соискателем, безо всякой аспирантуры. Но ректор был не дурак, раскусил наш "коварный" замысел, на моем заявлении о приеме на работу в качестве лаборанта начертал: "отказать" и тут же заполнил вакансию, приняв на лаборантское место выпускника школы. Единственное, что удалось моему покровителю, - это помочь устроиться на временную работу на один год ассистентом кафедры физики в Вечерний металлургический институт в расположенном недалеко городе Днепропетровске. Зарплата была низкая, из этих средств оплачивались съемное жилье и регулярный проезд из города в город на поезде. Социальные льготы в контракте отсутствовали, также, как и какие-либо обязательства администрации по моему трудоустройству в следующем году.

Короче, работенка - ничего хорошего, но все-таки лучше, чем отработать три года учителем физики в неполной школе в сибирской деревне. Именно такое направление на работу я получил от комиссии по распределению выпускников, при том, что спрос на физиков в стране был велик, и большая часть моих сокурсников, независимо от их успехов во время учебы, распределилась в научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, техникумы, в городские средние школы, на крупные предприятия.

Глава 9

Начало пути

Мое устройство на работу в Вечерний металлургический институт началось с визита к заведующему кафедрой физики - кандидату физико-математических наук Гаргеру Константину Сергеевичу (КС). КС оказался современным и спортивным мужчиной сорока пяти лет. Следует отметить, что мой предполагаемый начальник мне сразу же понравился и открытым взглядом, и откровенным разговором. Он поделился своими планами относительно активизации на кафедре научных исследований и пожаловался, что кафедра маленькая, что уже принятые на работу сотрудники, к сожалению, помимо учебной нагрузки, заниматься наукой не могут. КС сказал, что давно ищет молодого человека, способного совмещать обучение студентов с научной деятельностью, но пока безуспешно. Я кратко рассказал о моей подготовке и дал согласие на его предложение. КС позвонил директору института и договорился о встрече, взял мое заявление о приеме на работу и попросил меня зайти через полчаса. Когда я вернулся, КС передал мне заявление с положительной резолюцией директора, попросил пройти в отдел кадров и подписать договор о зачислении меня на должность ассистента сроком на один год. Через день я уже принимал участие в заседании кафедры. Меня познакомили с коллективом кафедры, с моими обязанностями, с учебной нагрузкой и расписанием занятий со студентами. Курс физики, общий для студентов всех специальностей, преподавали в течение пяти семестров (2,5 года). Лекции читали доценты, ассистенты проводили лабораторные и семинарские занятия. Лабораторные работы (на сленге - лабораторки) студенты выполняли по инструкциям и на оборудовании, которые уже применялись в предыдущие годы. Физические задачи, предлагаемые на

семинарских занятиях, также были традиционными и были мне хорошо известны. Так что я учебную программу освоил легко и быстро, и поэтому работу свою выполнял безо всякого напряжения. Правда, через некоторое время известную неудовлетворенность у меня начало вызывать однообразие в моей работе – через одну и ту же лабораторку, которая выполнялась каждым студентом индивидуально, в течение семестра следовало прокачать не менее 150 человек. Проверая протоколы измерений в студенческих отчетах, я уже заранее знал, какую ошибку и в каком месте допустит тот или иной студент. Многократное повторение одного и того же сюжета утомляло меня, но постепенно я привык к этой рутине, и она перестала меня тяготить. Затраты времени на выполнение своих обязанностей были незначительными, так что в целом работа ассистента мне казалась необременительной.

Отношения между сотрудниками кафедры были спокойными и деловыми, а заведующий кафедрой оказался человеком принципиальным и порядочным. КС был принят на работу в институт по конкурсу лет пять назад и переехал тогда в город Днепропетровск с женой и сыном. Он считал себя учеником легендарной плеяды харьковчан-ядерщиков, которые в 1932 году в Украинском физико-техническом институте впервые расщепили ядро атома лития. Эти молодые физики были заточены на атаку ядра, работали с невероятным энтузиазмом и совершили подвиг. Для разрушения атомных ядер они использовали протоны, ускоренные с помощью высоковольтного генератора Ван де Граафа. У многих людей такие устройства ассоциируются с огромными металлизированными сферами, между которыми с шипением проскакивают электрические разряды, напоминающие молнии. Подобные электростатические генераторы – в то время лучшие в мире – разрабатывал и создавал харьковский физик Антон Вальтер – автор нескольких монографий по ядерной физике. Сравнивая Большой адронный коллайдер – самый крупный современный ускоритель частиц, построенный мировым сообществом в горах на франко-швейцарской границе – с ускорителями, используемыми в 30-ые годы прошлого века, поражаешься, как далеко шагнула за прошедшие годы техника физического эксперимента по масштабу и сложности. Поэтому такой восторг вызывает смелость пионеров ядерных исследований и принципиальная важность результатов, полученных первопроходцами харьковской школы. Именно с таким достойным их представителем, уже упомянутым академиком А. Вальтером, КС поддерживал длительные дружеские отношения. За время моей работы в институте Вальтер несколько раз приезжал к нам в город и гостил по несколько дней, консультировал, читал лекции. Приезжал он почему-то преимущественно зимой. Я запомнил его

зимние визиты потому, что он никогда не носил пальто - у него его просто не было. Когда он раздетый, в короткой кожанке, без головного убора совершал прогулки по заснеженному городу, то это вызывало удивление у горожан. Но когда мы с ним приходили на металлургический комбинат, в цех, и он отказывался надеть каску, то нам приходилось убеждать его выполнить требование по технике безопасности. Была у него еще одна странность или слабость – в течение дня он обязательно выпивал не менее половины бутылки хорошего коньяка, оставаясь совершенно трезвым. Но это все - мелочи, главное, он был невероятно эрудированным и простым в обращении человеком, на его лекциях – содержательных и образных – я старался не пропустить ни одного слова.

КС перенял у харьковских физиков опыт напряженного, героического труда и пафос того времени. Образованность и культуру речи, мне кажется, КС также позаимствовал у своих старых коллег - лекции и занятия со студентами он проводил блестяще. В день нашего знакомства КС рассказал о перспективном научно-техническом проекте, который он мечтает осуществить в ближайшие годы. Речь шла об автоматизации металлургического производства. Идея была, как говорится, в тренде, так как в это время появились первые вычислительные машины, а управление производством черных металлов осуществлялось по старинке вручную. К сожалению, в изложении КС идея выглядела утопической и наивной. Он и сам понимал, что идея сырая и нуждается в серьезной научной и технической проработке. Несколько последующих лет мы занимались наполнением идеи конкретным содержанием и получили положительный результат. Я попытаюсь по-простому на пальцах объяснить суть проекта в таком виде, как он выглядел уже при его завершении.

Бессемеровский конвертер представляет собой сосуд грушевидной формы, выполненный из стального листа и выложенный изнутри термостойкой кирпичной кладкой. Сверху в суживающейся части конвертера – горловине - имеется отверстие, служащее для заливки чугуна и выпуска стали. Получение стали в конвертере происходит при продувке жидкого чугуна атмосферным воздухом, подаваемым под давлением. В классическом конвертере воздух поступает в полость конвертера через сквозные отверстия, имеющиеся в днище конвертера. Превращение чугуна в сталь происходит благодаря окислению кислородом примесей, содержащихся в чугуне, в частности, благодаря выгоранию углерода. Продукты выгорания после прохождения расплава вырываются из конвертера наружу через его горловину в виде раскаленного факела. Процесс продувки заканчивается, когда содержание

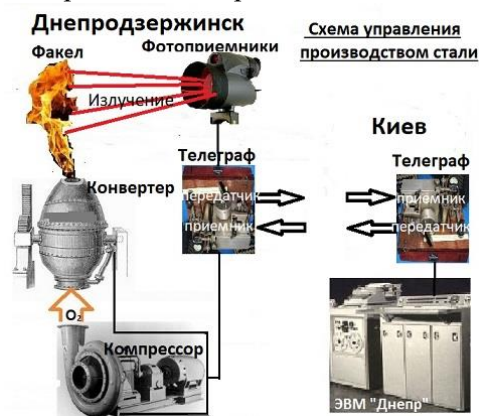

оставшегося углерода достигнет заданного значения. Для определения содержания углерода в ванне продувка временно приостанавливается, конвертер наклоняется и через горловину специальной ложкой отбирают из расплава образцы металла, которые немедленно отправляются на экспресс-анализ. Если концентрация примесей соответствует требованиям, то плавка считается завершенной; если не соответствует, то конвертер возвращается в вертикальное положение и продувка продолжается до получения требуемого состава стали. Повалка (наклон) конвертера, взятие пробы для анализа, возврат контейнера в рабочее состояние, продолжение продувки занимают много времени и труда и снижают продуктивность производства стали. К сожалению, в то время отсутствовали способы анализа процессов, происходящих в ванне во время передела чугуна в сталь, пригодные для точного прогноза момента окончания продувки. Управление конвертером осуществлялось вручную опытным специалистом – конверторщиком. Именно он, используя косвенную информацию, поступающую в течение продувки, ориентировочно оценивал состояние расплава и давал команду на повалку конвертера для взятия пробы стали.

Мы обратили внимание на характер изменения излучения раскаленного факела в процессе производства и обнаружили закономерности в изменении цвета пламени по мере приближения к завершению плавки. Мы изучили спектры излучения факелов для большого числа реальных процессов выплавки стали в условиях работы цеха и обнаружили несколько спектральных диапазонов, излучение в которых позволяет оценить с достаточной точностью состав расплава в каждый момент времени и предсказать, когда следует произвести остановку конвертера и разливку готовой стали, не проводя предварительного химического анализа проб. Результаты наших исследований были опубликованы в научно-технических журналах и послужили основой для создания автоматизированной системы управления (АСУ) бессемеровским конвертером на базе применения средств вычислительной техники. Исходными данными для управления служили электрические сигналы, поступающие с нескольких фотоэлементов, снабженных оптическими фильтрами, которые смотрели в центр факела во время продувки конвертера. Электронной вычислительной машиной (ЭВМ) стала первая цифровая ЭВМ "Днепр" на полупроводниковых элементах, созданная в Киеве академиком В.М. Глушковым и его соратниками. Виктор Михайлович являлся в Советском Союзе главным идеологом программы по разработке АСУ для различных технологических процессов, включая наш проект АСУ сталеплавильного производства. Он уделял много внимания проекту, часто приезжал в

Днепродзержинск, вникал во все детали проектирования программно-технических средств, принимал непосредственное участие в разработке. Являясь рядовым исполнителем проекта, я в дни его командировок к нам работал с ним бок о бок, что называется, рядом в течение всего дня, надолго задерживаясь по вечерам. У него были невероятные умственные способности, в народе в таких случаях говорят, что у человека - светлая голова. Виктор Михайлович Глушков мгновенно решал сложнейшие математические задачи, находил выход из самых запутанных ситуаций. Я поражаюсь его интуиции. Он был бесспорной душой нашего проекта.

Итак, весящий сотни тонн конвертер, в котором происходит передел чугуна в сталь, находится в заводском цеху в Днепродзержинске. Управляющая машина, занимающая несколько комнат, размещается в институте в Киеве. Системы связи, которые известны в настоящее время, не только не существовали в те времена, но и о возможности создания их в будущем никто даже не задумывался. Единственной системой, предназначенной для передачи и приема электрических сигналов на расстояние, являлась система

телеграфной связи. Телеграфные аппараты и были использованы в нашем проекте – один аппарат стоял в бессемеровском цехе, второй – рядом с ЭВМ. С началом продувки конвертера передатчик цехового телеграфного аппарата передавал данные о состоянии расплава и сигналы с фотоприемников в Киев. Приемник Киевского телеграфного аппарата принимал данные и вводил

их в ЭВМ "Днепр" для обработки и вычисления момента завершения плавки. Полученный результат ЭВМ передавала на телеграфный передатчик, управляющий сигнал принимался приемником в цеху и поступал на исполнительные механизмы конвертера для проведения его повалки и разлива готовой стали. Таким образом сталеплавильный процесс осуществлялся автоматически от начала до конца. Анализ примесей в полученных слитках показал, что сталь соответствует предъявленным требованиям. Мы провели несколько подобных пробных плавов, подтвердивших работоспособность АСУ, использующей излучение, поступающее от факела бессемеровского конвертера, для управления процессом производства стали. За год до этих успешных экспериментов я подал от коллектива авторов заявку на

изобретение способа управления бессемеровским конвертером во Всесоюзный научно-исследовательский институт государственной патентной экспертизы. При рассмотрении материалов формула и описание изобретения были несколько откорректированы, и в итоге нам выдали авторское свидетельство. Я очень горжусь, что среди авторов изобретения моя фамилия стоит рядом с выдающимся ученым В.М. Глушковым. Отмечу, что мне доставляло удовольствие не только участие в таком важном научном проекте, но и денежное довольствие, которое я получал в дополнение к моей мизерной зарплате ассистента.

Возвратимся, однако, от научной деятельности к моей основной учебной нагрузке. Студенты нашего института работали на Днепродзержинском комбинате доменщиками, сталеплавильщиками, прокатчиками, коксохимиками, чиновниками, рабочими. Они связали свою судьбу с черной металлургией и большинство успешно продвинулось в своей профессии – стали начальниками цехов, начальниками смен, горновыми, сталеварами, начальниками производств, лабораторий, машинистами сложных металлургических кранов и т.п. Многие из них добились таких высоких должностей, начав простыми рабочими и проработав десятки лет на комбинате. Однако, занимать такую должность мог только инженер с высшим образованием, и они вынуждены были поступить в наш институт, чтобы его получить. В их среде у меня появилось много друзей, так что о жизни, бедах и радостях комбината я узнавал не из газет. Непрерывно общаясь с преподавателями и студентами, я быстро сросся с населением маленького городка. Я хорошо понимал, насколько тяжело студентам-вечерникам совмещать учебу в высшем учебном заведении с опасной и изнурительной работой в условиях металлургического производства, с семейными проблемами, бытовой неустроенностью, и старался помогать им в учебе. Многие из них сохраняли со мной добрые отношения, даже закончив изучение общеобразовательных предметов и перейдя на старшие курсы. Помимо этой категории бывалых людей, в институте училась молодежь, поступавшая в институт сразу же после окончания средней школы. Заручившись справкой с места работы или действительно устроившись на какую-нибудь легкую работу, они получали высшее образование, не выезжая из родного города. Как правило, это были дети состоятельных родителей, отпрыски отцов города, руководителей комбината и даже преподавателей нашего института. Многие из них устраивались в наш институт на вспомогательные работы, на рабочие должности с незначительной загруженностью, да и что там греха таить, на мнимые рабочие места, оплачиваемые заинтересованными спонсорами

института. В результате, в коллективе сотрудников института образовалась комсомольская группа. Сразу же после моего поступления на работу дирекция и партком предложили мне, как комсомольцу, возглавить этот молодежный состав, и, несмотря на мои "отнекивания", сделали меня секретарем институтской комсомольской организации, соблюдая все избирательные процедуры. Мне удалось формализовать работу секретаря до предела, ограничившись одним ежегодным собранием молодых коллег и отчетом об успехах для парткома. Зато, являясь секретарем комитета комсомола, я, как было положено по протоколу, становился членом ученого совета института.

В первый год моей работы в институте я подружился с таким же ассистентом нашего института, как и я. Леонид Безуглый – так звали моего друга – среди своих ровесников выделялся статью, умом, хорошими манерами. Мы вместе беззаботно проводили свободное от работы время, много читали, размышляли о жизни, о любви, шутили, разыгрывали друг друга, ухаживали небезуспешно за девушками. Леонид был на несколько лет старше меня, имел определенный донжуанский опыт и в нашей холостяцкой круговерти был безусловным лидером. Со временем у нас образовалась компания молодых людей из городской интеллигенции, не обремененных семейными узами, в которую входили инженеры, врачи, учителя, музыкальные работники и даже спортсмены. Последняя категория спортивных друзей застряла у меня в голове, потому что я долгое время встречался с велосипедисткой из этой компании. Наше знакомство с Леонидом произошло на вступительных экзаменах в институт. Леонид был членом приемной комиссии, а меня назначили экзаменатором по физике. Штатные преподаватели на учебных каникулах, когда проходили вступительные экзамены, отдыхали и неохотно приходили на работу, а я, как сотрудник на временном контракте, обязан был посещать институт ежедневно, и поэтому меня активно использовали на экзаменах абитуриентов. Серьезного конкурса для поступающих в наш институт не было – практически большая часть выдержавших экзамены абитуриентов принималась на учебу. Важно было не получить неудовлетворительную оценку ни по одному из предметов. На первом заседании приемной комиссии её председатель, он же директор института, подозвал меня и Леню к себе и попросил Леню ознакомить меня, как новичка, с особенностями приемных экзаменов. Впрочем, особенности я ощутил мгновенно – от всех участников заседания, включая дам, исходил стойкий аромат выдержанного коньяка. Леня тотчас же показал мне аудитории, приспособленные для экзаменов, и вынув из бокового кармана плоскую бутылочку и две рюмочки, предложил закрепить наше знакомство, и без

перерыва - выпить за успех экзаменов. Я понял, что начинается иная жизнь, но не стал противиться приходу нового.

За два дня до экзаменов ко мне подошел весьма уважаемый мною человек, заведующий одной из профильных кафедр института, профессор, и поделился радостью, что его внук собирается поступать в наш институт, что первый вступительный экзамен у него – физика, и, хотя мальчишка он сообразительный, было бы здорово, если бы я проконтролировал ситуацию. Я, как мог, успокоил старика и, не беря на себя обета, выразил свою убежденность, что все будет хорошо. Дальше все покатилося, как снежный ком. Казалось, что у всех моих приятелей появились родственники, близкие друзья или коллеги, поступающие в наш институт в этом году и нуждающиеся в поддержке со стороны экзаменационной комиссии. Рано или поздно просьбы о содействии сопровождались коньячным подношением. Распитие происходило тут же во время экзаменов или после их окончания в специально оборудованной для застолья комнатке. Перспектива спиться становилась реальной, и единственным спасением была скоротечность приемных экзаменов. Таков был принятый жизненный стиль, и такой образ поведения всех участников процесса приема студентов в институт отрабатывался годами. Я успешно прошел через это нешуточное испытание, благодаря моему новому другу и наставнику, который оказался намного более устойчивым к спиртному, нежели я, и который наблюдал за мной и останавливал, если в этом была необходимость. Проживал Леонид на окраине, далеко от промзоны города, с родителями в собственном доме с приусадебным участком. У него был мастеровой отец и моложавая остроумная мама. Они тепло принимали меня, и я иногда после наших с Леной вечерних шалостей не возвращался поездом к себе домой, а оставался ночевать в Лениной хате. Я от души смеялся над шутками Лениной мамы. Мне нравилось, например, когда она на распевном украинском языке описывала нашу молодежную компанию, награждая всех по ходу кличками. Одну нашу подругу назвала "кривоголовкой" – за кокетливо склоненную голову, другую - "жопатенькой" – за обтягивающее ниже талии платье, третью - "клеенной" – за два маленьких кружочка пластыря, наклеенных на прыщики на лице и т.п. Леня работал ассистентом на кафедре химии, и мы часто встречались и ожидали друг друга на наших кафедрах. Интересно, что на кафедре химии старшим лаборантом работала родная сестра видного общественного деятеля Леонида Брежнева, впоследствии Генерального секретаря компартии. Сам же будущий Генсек был родом из Днепродзержинска, окончил наш Вечерний институт, в городе проживало много его родственников, его родной брат работал начальником

большого сталеплавильного цеха. Вера Ильинишна – так звали сестру Генсека – была женщиной в возрасте, при большом числе очаровательных внуков. Никаких дивидендов от родства с именитым братом она не получала, была женщиной спокойной, скромной и доброй, нас с Леной она опекала, как детей, следила за нашими любовными похождениями, подкармливала свежими домашними пирожками.

Я проработал в институте пять лет, заключая в начале каждого последующего учебного года временный договор на работу сроком на один год. В водовороте событий, случившихся со мной за этот период, я существенно изменился: прошел педагогическую практику, освоил методы проведения сложных технических проектов, получил навыки общения с людьми, набрался жизненного опыта. В институтской среде я чувствовал себя уверенным и как человек, и как специалист. Поэтому после пяти лет безупречной работы я посчитал, что мой испытательный срок завершен и что мне пора по конкурсу занять штатную должность ассистента, такую же, какую занимали остальные мои коллеги по кафедре. Согласно действующему положению, конкурс на замещение вакантных должностей в институте проводил ученый совет на своем заседании. Кандидатура соискателя проходила по конкурсу, если при тайном голосовании за неё было подано более половины голосов членов ученого совета. Ученый совет института состоял из 13 человек, и я, как секретарь комсомольской организации, был в числе членов Совета. Следовательно, при голосовании по моей кандидатуре достаточно было получить 6 голосов "за" и мой собственный 7 голос решал вопрос положительно. Я мог ожидать, что секретарь парткома, председатель месткома, заведующий кафедрой научного коммунизма, заведующий кафедрой математики из-за своих антисемитских предрассудков могут проголосовать "против", но у остальных членов совета не было никаких оснований бросить в урну черный шар. На заседании ученого совета в этот раз рассматривались конкурсные дела на четыре вакантных должности, включая и моё дело, которое оказалось последним. Первые три голосования прошли без сучка и задоринки, кандидаты соответствовали должностям, на которые они претендовали, все они прошли по конкурсу, набрав по 11-12 голосов "за". Приступили к обсуждению моей кандидатуры, зачитали официальные характеристики, в которых я был назван требовательным и знающим преподавателем, одаренным научным работником, активным общественником, выступили заведующий кафедрой физики и секретарь парткома с самыми лестными словами в мой адрес, раздали бюллетени для голосования, счетная комиссия вскрыла ящик с бюллетенями и результат

подсчета голосов ошеломил присутствующих: 6 голосов "за" и 7 голосов "против". По решению ученого совета института я не прошел по конкурсу на должность ассистента кафедры физики – на должность, которую я, по мнению членов совета, до этого пять лет успешно занимал. Покидая зал заседаний, члены совета старались не смотреть мне в глаза. Решение совета было серьезным ударом и по моему самолюбию, и по моей карьере, и по моему статусу гражданина. В очередной раз мне указали на мое место человека второго сорта. В первый момент от обиды, несправедливости, беспомощности я растерялся. Но поразмыслив, понял, что каждый еврей, живя в галуте, должен научиться держать удары судьбы и быть готовым начинать жизнь заново.

Быстренько собрав свой нехитрый скарб, я покинул отторгнувший меня Днепродзержинск и возвратился в отчий дом. Для родителей мой провал на конкурсе был полной неожиданностью. С одной стороны, такой конец расстроил их своим результатом, с другой – даже обрадовал, потому что я снова был с ними, и их жизнь стала полнее и интересней. Они тотчас же занялись поисками для меня подходящей работы, а я вернулся к привычному беззаботному образу жизни под их крылышком, продолжил встречи со своими школьными и университетскими друзьями. Кроме того, я рассчитывал, что за время паузы, образовавшейся в моей деятельности, успею завершить научную разработку, которую я после окончания университета вел самостоятельно, независимо от своей служебной нагрузки. Хотелось также осмыслить случившееся со мной и страной за это время, оценить обстановку свежим взглядом. Конечно, тогда было затруднительно описать состояние общества объективно, но сейчас, глядя из своего далёка, я представляю себе еврейский вопрос в Советском Союзе следующим образом. В конце войны и в последующие после её окончания годы антисемитизм в СССР получил благодаря проводимым одна за другой политическим акциям, направленным против евреев, таким акциям, как жестокое убийство художественного руководителя Государственного еврейского театра Соломона Михоэлса, борьба с безродным космополитизмом и преклонением перед Западом, пресловутое «дело врачей-убийц»; процесс над членами Еврейского антифашистского комитета, завершившийся их расстрелом. Ходили упорные слухи о предстоящих еврейских погромах и о массовой депортации евреев на Дальний Восток, в Еврейскую автономную область. Смерть вожда как бы

положила конец этим слухам и преследованиям. В опубликованном вскоре после кончины Сталина Сообщении Министерства внутренних дел СССР говорилось, что врачи "были арестованы неправильно, без каких-либо законных оснований... Лица, привлеченные по этому делу полностью реабилитированы... Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности". Однако, уже в феврале 1956 года в докладе Н.Хрущева на XX съезде КПСС "О культе личности и его последствиях" не были упомянуты убийство Соломона Михоэлса, расстрел руководителей Еврейского антифашистского комитета, гнусная компания борьбы с "космополитами" и многие другие преступления.

Со смертью тирана закончилась 30-летняя эпоха, отмеченная многомиллионными арестами, расстрелами, убийствами, гибелью в лагерях, бесконечными гонениями. Изуверскую вакханалию остановили, но репрессии в стране продолжались, а политика государственного антисемитизма продолжала действовать. Перечислю отдельные события и явления, связанные с антиеврейскими кампаниями и фактами преследования евреев, проходившими в это время. В результате этих процессов евреи были удалены из партийного, военного, милицейского руководства, из органов госбезопасности. Негласно была введена процентная норма при поступлении в высшие учебные заведения, особенно на факультеты, поставлявшие идеологических работников (философские, исторические). Пятый пункт в анкете стал для евреев реальным препятствием при приеме на работу и при продвижении по службе. Особенно болезненными эти ограничения оказались для творческой и научной интеллигенции. Возникали проблемы с поступлением в обычные вузы и в аспирантуру, на ряд предприятий евреев практически не принимали. Деграция еврейской общественной жизни в Советском Союзе отчетливо прослеживается при сравнении довоенного и послевоенного периодов. Вначале, несмотря на религиозные запреты и гонения, оставалась надежда на сохранение еврейского национального самосознания: наблюдался рост образованности среди евреев, евреи получили доступ к сфере управления, идиш оставался родным языком, на идиш издавались газеты и книги, в еврейских национальных районах существовало двуязычие, проявления антисемитизма преследовались властями. Война, фашистская оккупация, Холокост, послевоенная последовательная политика государственного антисемитизма, проводимая в стране коммунистическим режимом, существенно ухудшили положение евреев. Состояние молодежи, с одной стороны, оторванной от корней, религии, языка, и с другой стороны, подвергавшейся мощному отторжению и ограничениям при попытках

интегрироваться в общество на равноправных началах, становилось безысходным, нарастала ассимиляция, росло число смешанных браков, люди скрывали свою национальность, всё чаще детей записывали по национальности родителя – не еврея. Такие обстоятельства, как снижение рождаемости, вытеснение евреев из общественного управления, усугубляли тягостное настроение в еврейской общине. Для иллюстрации усиления давления государства на еврейскую общину напомним, что, когда умер Сталин, в 1953 году, в Советском Союзе существовало 400 синагог, через 10 лет, к концу правления Хрущева их осталось менее 100.

Антисемитская идеология обязательно присутствовала в большинстве политических и экономических кампаний, проводимых властями. Так, например, в 1962 году во времена громкого дела "валютчиков", из которых некоторые были расстреляны по приговору суда за фарцовку и незаконные валютные операции, газета "Труд" писала: "На скамье подсудимых из всей гоп-компании меламедов, рабиновичей, зисиановичей и им подобных выделяется один. У него картавая речь, крысиная физиономия, горбатый нос, один глаз косит, взгляд вороватый - это Арон, кто же еще?" Аналогичные мерзости печатали и другие газеты. По подсчетам Киевского писателя Михаила Канюка за период 1961-1963 годы в стране состоялся 51 процесс по экономическим преступлениям. На них было вынесено 104 смертных приговора, в том числе 60 - евреям. Многие известные в стране деятели культуры и спорта, не имеющие никакого отношения к еврейской жизни, подвергались дискриминации за свою национальность. Так. капитану и лучшему бомбардиру киевской команды "Динамо", прервавшей в 1961 году гегемонию московских клубов в чемпионате СССР, Виктору Израилевичу Каневскому, единственному из всего состава не присвоили звание заслуженного мастера спорта. Пропаганда антисемитизма в стране сопровождалась нападениями на синагоги и общинные центры в Москве, Ленинграде, Волгограде, Тюмени, Иркутске, Пензе, Нижнем-Новгороде и в других городах. Сильный общественный резонанс среди евреев вызвал поджог синагоги в подмосковной Малаховке в октябре 1959 года. Осквернения еврейских кладбищ отмечалось в эти годы в Казани, Калуге, Пятигорске, Петрозаводске, Кирове, Астрахани, Воронеже, Тамбове, Таганроге, Махачкале, Биробиджане и Ленинграде. В широких слоях населения, находившегося под тотальным воздействием пропаганды, стало укореняться мнение, что евреи все друг друга проталкивают, устраиваются начальниками, врачами, пролезают на теплые местечки, например, в торговлю, и т.п.

В дальнейшем противостояние государственной политики Израилю усилило антисемитские настроения в партийных, советских и карательных органах, которые начали теперь выступать не только против «американского империализма» и «западногерманского реваншизма», но и против «израильского сионизма». Слово «еврей» стало почти синонимом «сиониста». Одной из попыток властей приподнять "железный занавес" явилось проведение в Москве в 1957 году Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. Так вот, даже в это время на пике хрущевской оттепели не было сделано ничего для прекращения гонений на евреев в СССР, несмотря на неоднократные просьбы по этому вопросу, поступающие от правительств, общественности, компартий, деятелей культуры из разных стран. В 1961 году, через 16 лет после окончания войны и 8 лет после смерти Сталина, на прилавках газетных киосков вдруг появился журнал на идише "Советиш геймланд". Инициатива его создания принадлежала группе еврейских писателей, уцелевших в годы сталинских репрессий. Деятели еврейской культуры Москвы продолжали обращаться в ЦК с просьбой разрешить издание журнала. На их письма власти не реагировали до тех пор, пока не вмешались руководители зарубежных компартий. Особенно настаивал Морис Торез, сказавший однажды Хрущеву: "Дайте печатное издание на идише евреям Советского Союза хотя бы ради коммунистов Франции, ибо они официально угрожают выходом из партии, считая нежелание открыть еврейский журнал в СССР проявлением государственного антисемитизма!". И тогда было принято решение учредить журнал "Советиш геймланд". Только в 1969 году в журнале появилась страничка в помощь изучающим идиш, и в 1982 году появился первый "Букварь идиш". Напомню, что ранее во время войны и в первые послевоенные годы на идиш в Москве тиражом 10000 экземпляров издавалась газета "Эйникайт" (Единство), представлявшая собой печатный орган Еврейского Антифашистского Комитета, публикация которой была прекращена в 1948 году в ходе развернувшейся кампании по борьбе с космополитизмом. Всегда существовала слабая надежда на то, что мировое сообщество защитит евреев, но отсутствие реакции властей на обращения международной общественности указывало на то, что нет оснований ожидать улучшений в положении евреев в стране. Я почему-то запомнил одну из таких попыток помочь еврейскому населению, предпринятую Нобелевским лауреатом Бертраном Расселом, с которым советские власти поддерживали дружеские отношения. В феврале 1963 года ученый написал Хрущеву: "Я глубоко обеспокоен смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением антисемитизма, который

по-видимому имеет место". Однако усилия знаменитого философа также не принесли ощутимого результата.

Глава 10

Родной город. Расставание

Все эти напасти не обошли стороной и мой родной Днепропетровск. В ноябре 1945 года евреям города отказали в открытии синагоги в доме, где она ранее располагалась и в которой работал Леви-Ицхак Шнеерсон. Общине возвратили полуразрушенное здание синагоги на ул. Коцюбинского, № 7. Здание было передано общине в бессрочное и бесплатное пользование и на долгие годы стало центром еврейской жизни в городе. Согласно официальным данным

Совета по делам религиозных культов, синагогу посещало до 300 человек, число посетителей в праздники возрастало до 1500 человек. Действительно, по праздникам синагога не вмещала всех желающих. В 1947 году старое еврейское кладбище Днепропетровска

отвели "под индивидуальную застройку старшим офицерам в отставке". Уважение и сохранение мест погребения – древняя еврейская традиция, и потому разрушение властями города еврейского кладбища воспринималось общиной, как варварская безнравственная выходка. Один из верующих евреев, проживавший в городе в эти годы Аркадий Леонидович Шмист, свидетельствовал, что "еврейская жизнь Днепропетровска ограничивалась кошерной курицей и свадьбами с замечательными клейзмерскими оркестрами, посещением синагоги и нелегальных миньянов на дому, и в заключение похоронами по полному обряду с тахрихим. Позже, в 60-е годы, обрезания, свадьбы и похороны по еврейскому обряду пошли на убыль, значительно поредели ряды потребителей кошерной пищи, вымирали дипломированные шойхеты и моэли". С началом кампании против "космополитов" стала подавляться всякая симпатия к еврейскому государству, искоренялись любые формы существования общественных еврейских коллективов. Начались шельмование и аресты деятелей культуры – прежде всего, артистов и писателей, творивших на идиш. Областная газета "Днепровская правда" также

включилась в этот процесс, перепечатывая погромные редакционные статьи центральных газет. Передовая статья газеты "Правды" – "Покончить с ротозейством в наших рядах!" – стала командой к массовой антиеврейской кампании. За ней последовали статьи "Сионистская агентура американской разведки", "Джойнт – филиал американской разведки", названия которых не нуждаются в комментариях. Нарастающая истерия нашла свое отражение в откровенно антисемитских откликах трудящихся. Дошло до того, что в "Днепровской правде" была опубликована подборка писем, якобы полученных из Израиля – "Вот она "счастливая жизнь", где описывались тяжелые условия жизни в Израиле и прославлялась процветающая жизнь в СССР.

После окончания войны в городе наблюдались робкие попытки восстановления еврейской культурной жизни. Вот краткая хроника небольшого оживления и кончины еврейской жизни на сценах города. Спустя год начались выступления с сольными еврейскими программами известных певцов и актеров. В помещении областной филармонии состоялись эстрадные концерты с участием Анны Гузик, на сцене театра прошел вечер еврейской песни Зиновия Шульмана. В 1947 году в этом же театре прошли гастроли Еврейского театра комедии с участием необычайно талантливой актрисы малых форм Сиди Таль. В августе три вечера еврейской народной песни дал заслуженный артист РСФСР Михаил Эпельбаум. В 1948 году прошли гастроли Одесского ГОСЕТа, руководимого Эфроимом Лойтером. Зрители увидели "Фрейлехс", "Дер блутикер шпас" ("Кровавая шутка" Шолом-Алейхема); "Лехаим, Москва", "Восставшие в гетто" Переца Маркиша. В следующем году в городе спектаклем "Блуждающие звезды" в постановке народного артиста М.И. Гольдблата начались гастроли ГОСЕТа УССР имени Шолом-Алейхема. Однако, уже к 1950-му году все еврейские театры страны закрыли, гастроли еврейских певцов и артистов прекратились, были ликвидированы еврейские газеты и журналы. В последующем еврейский язык на долгие годы перестал звучать на сценах города.

Еврейский народ в силу особенностей своего развития, благодаря приверженности традиции, требующей тщательного штудирования религиозных книжных источников, создал превосходную систему обучения, развивающую у детей усидчивость и способность к абстрактному мышлению. Поэтому в условиях проживания евреев, сложившихся в стране и описанных выше, молодежь ринулась получать высшее образование в надежде преуспеть на этом поприще. Приведу для иллюстрации данные по числу евреев среди выпускников вузов Днепрпетровска в 1953 году. При этом следует иметь в

виду, что поступали выпускники в вузы в 1948 году, когда жестких требований в отношении приема евреев еще не было. В Госуниверситете из 300 выпускников евреев было 55 (18,3%), в Горном институте из 330 – 31 (9,4%), в Инженерно-строительном из 100 выпускников – 22 еврея (22%), в Химико-технологическом из 137 – 22 (16%) и в Металлургическом институте из 387 выпускников евреев – 94 (24,3%). Эти цифры очень убедительно подтверждают стремление еврейской молодежи получить высшее образование в ведущих учебных заведениях города. Так вот, в последующем в результате препятствий, чинимых приемными комиссиями в ВУЗах, число выпускников-евреев начало год от года неуклонно уменьшаться на несколько процентов. Страх и возмущение вызвала антисемитская выходка коллегии по уголовным делам Днепропетровского областного суда, которая в 1959 году приговорила Героя Советского Союза Гитмана Льва Абрамовича к 10 годам лишения свободы. В интернате, где он работал мастером производственного обучения, была установлена недостача, в которой ему лично вменили в вину присвоение смехотворной суммы 8 рублей 67 копеек. В 1961 году он был освобожден по амнистии, но в реабилитации ему отказали.

У моих родителей описываемые послевоенные два десятилетия выработали устойчивое неприятие советской реальности. Они разуверились в социальных догмах, которые исповедовали многие годы, на своей шкуре испытали всю лживость национальной политики властей, утратили всяческие иллюзии по поводу обретения для народа и для себя еврейской идентичности, потеряли веру в возможность добиться материального благосостояния и достойного уровня жизни для семьи. Мама в первые годы после окончания войны сдала экзамены в аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена, который готовил научно-педагогические кадры высшей квалификации. Мама даже получила уведомление о зачислении, но кампания борьбы с космополитизмом все смешала и не позволила реализовать её право на учебу. Пришлось выбросить мечты о деятельности научной и вернуться к - учительской. Она долгие годы преподавала русский язык и литературу в старших классах одной из лучших школ города. Мама гордилась своими воспитанниками и следила за их судьбой. В летние месяцы она довольно часто лечилась в санаториях или вместе с отцом снимала в частном секторе жилье, и они "дикарями" отдыхали и купались обычно на Черном море. Для отца же послевоенная антисемитская полоса обернулась практически полным отказом от литературной и лекторской деятельности на языке идиш. В первые послевоенные годы отец бесстрашно сотрудничал с газетой "Эйникайт" вплоть до её закрытия в 1948

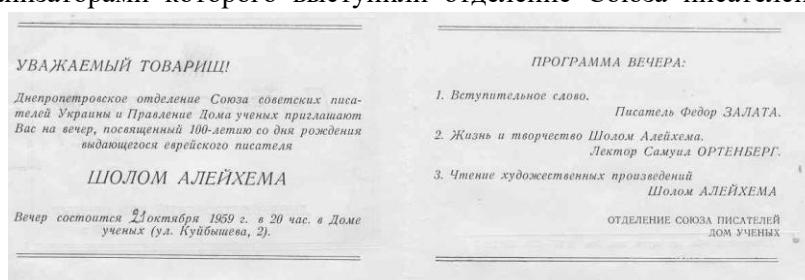
году. Когда появилась возможность публиковаться на идиш в журнале "Советиш Геймланд", отец тотчас же продолжил свою журналистскую деятельность. На этот раз она носила эпизодический характер, но его редкие публикации нравились читателям. Например, большой интерес вызвала его статья, посвященная историку Грецу. Тираж журнала, к сожалению, неуклонно падал: с 25 000 экземпляров в начале, до 2 000 в 1991 году, возможно, вследствие уменьшения числа читателей, владеющих языком идиш, а возможно, из-за откровенно антиизраильской позиции, занятой журналом. Писательская активность отца в последние годы также снизилась, и после отказа редакции публиковать его воспоминания "Ткань жизни" без купюр его контакты с редакцией журнала "Советиш Геймланд" прекратились полностью. Свои учительские обязанности отец выполнял добросовестно, но несколько формально, особо не перегружаясь. Поэтому в этот период он очень много внимания уделял коллекционированию книг.

Отец был неистовым библиофилом и собрал уникальное собрание книг по иудаике на идиш, иврите, русском и украинском языках. Многие книги оказались у него в библиотеке в результате обмена со своими коллегами-собирающими, часть книг он приобрел в букинистических магазинах, но значительную долю коллекции составляли книги, принадлежавшие евреям, погибшим в катастрофе или недавно скончавшимся. Время было такое, что члены семей, в которых сохранились книги подобного содержания, были заинтересованы в том, чтобы от них избавиться. Их нельзя было передать в государственную библиотеку, невозможно было продать через букинистический магазин, и поэтому они были рады уступить их отцу за символическую цену. Я вспоминаю, как отец созванивался с вдовой или детьми бывшего коллекционера книг, договаривался о встрече и на следующее утро, прихватив рюкзак, ехал к ним домой. Возвращался он обычно чрезмерно груженым, сгибаясь под тяжестью рюкзака, набитого книгами, но довольным совершенной сделкой и до поздней ночи перекладывал книги, перелистывал их, и лицо его было озарено доброй и счастливой улыбкой. В собрании отца были книги по литературе, истории, языкознанию, книги светского и религиозного содержания, редкие и древние книги. К концу жизни он оставил библиотеку, включающую около 3000 единиц. К сожалению, мне не удалось её сохранить. При переезде моей семьи в Израиль в 1993 году мне не разрешили ее взять с собой, и я вынужден был продать все собрание книг за бесценок. Другим важным занятием отца, доставлявшим ему колоссальное удовольствие помимо собирательства книг, являлось прослушивание "вражеских голосов" - радиостанций, критиковавших политику СССР. С

началом войны вещание на русском языке проводила радиостанция "Голос Америки". Вместе с радиостанцией "Свобода" они были для радиослушателей страны главными источниками правдивой информации о событиях в мире.

С середины 60-тых годов ежедневными стали передачи "Голоса Израиля" на русском языке, которые включали сводки новостей и журналы актуальных событий, посвященные в основном жизни молодого еврейского государства. Радиоволны преодолевали "железный занавес" и приносили свободную информацию для всех желающих. Органы безопасности с первых же дней начали борьбу с таким "безобразием", построив сеть "глушилок", которые создавали непрерывные, или на время трансляции, трудности приему передач. Расслышать голос диктора из-за глушения и помех было достаточно сложно. Тем не менее, люди наловчились слушать передачи, хотя это требовало большого напряжения и внимания. Однако, когда домашний ламповый приемник настраивали на нужную волну, грохот "глушилки" был настолько сильным, что о том, что вы пытаетесь слушать вражеский голос, становилось известным всем жильцам подъезда, а это было небезопасно – стукачей в то время хватало. Рижский электротехнический завод ВЭФ выпускал с 1960-го года портативный транзисторный радиоприёмник "Спидола". Приёмник можно было прижать к телу, поднести к уху, накинуть на себя одеяло или забиться в дальний угол комнаты или в кладовку, и тогда можно было безбоязненно слушать передачу. Мой отец пристрастился к прослушиванию с момента возникновения такой возможности. Наиболее подходящим местом для приема информации он считал кухню при наглухо закрытых дверях. Я до сих пор помню его фигуру в согбенной позе с приемником в руках, забившуюся между кухонным шкафом и стенкой холодильника. Приемы передач проходили по расписанию в определенное время, иногда даже в полночь, и когда по окончании передачи он вылезал из своего закутка, лицо у него было просветленное и счастливое. Иногда у него с мамой на этой почве случались стычки. Если во время очередной прослушивания радиопередачи маме необходима была кухня для готовки, или приходили гости, то она просила отца прерваться. Иногда он не мог оторваться от важных сообщений, и тогда в отношениях родителей возникал кризис. Отец очень трепетно следил за всеми деталями внутренней жизни и внешних отношений Государства Израиль, гордился достижениями страны, её победами в войнах. Потребность в честной информации о событиях в мире была столь велика, что зарубежные трансляции на русском языке стали неотъемлемой, важной частью жизни нашей семьи.

По решению ЮНЕСКО - специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры - 1959 год объявили годом Шолом-Алейхема. В синагоге Днепропетровска мой отец прочитал доклад, посвященный великому писателю. Городской вечер памяти Шолом-Алейхема, организаторами которого выступили отделение Союза писателей УССР и

правление Дома ученых, планировалось провести 21 октября в Доме ученых. Отпечатали и разослали пригласительные билеты. Программа вечера включала выступление писателя Федора Залаты, доклад о жизни и творчестве Шолома-Алейхема, который должен был сделать мой отец, чтение произведений юбиляра актрисой Театра русской драмы им. М. Горького народной артисткой Адой Сонц. Однако в последний момент вечер был отменен, как говорилось в уведомлениях, разосланных участникам вечера, "по техническим причинам". Этот отвратительный инцидент имеет не менее жуткое продолжение. Один из организаторов вечера написал об имевшем место безобразии Илье Эренбургу, и известный писатель посоветовал сообщить об этом факте в ЦК КПСС в отдел литературы. Автор обращения последовал совету писателя, послал письмо в ЦК, откуда жалобу передали в Днепропетровский обком партии. Автора письма вызвали, как говорится, "на ковер", отчитали, организовали увольнение с работы и лишили возможности получить дополнительный заработок. На бандитском жаргоне подобное поведение называется беспределом. В этом случае ни такая авторитетная организация, как ЮНЕСКО, ни маститый советский литератор ничем не смогут помочь бедолаге. Тяжелой окажется дальнейшая судьба жертвы произвола.

Год от года заниматься вопросами по еврейской тематике становилось всё трудней и опасней. Изучение иврита - государственного языка Израиля - считалось одной из опаснейших тем. Язык находился как бы под неофициальным запретом. В 1957 году в Риге арестовали фотографа Иосифа Шнайдера, который организовал кружок по изучению иврита. Его осудили на 4 года за связь с израильским посольством и за намерение "захватить" корабль,

чтобы уплыть в Израиль. Значительно позже известный отказник Иосиф Бегун был арестован в Ленинграде за то, что преподавал иврит и организовывал еврейский самиздат. Он получил по полной программе: семь лет лагерей и пять ссылки. Однако отец, несмотря на опасность, посчитал преподавание языка делом законным. За всю жизнь он накопил колоссальный педагогический опыт, иврит освоил еще в хедере на отлично, и поэтому начал обучать ивриту группу молодых людей, готовящихся к отъезду в Израиль. Пока учеников было двое, учеба успешно продвигалась вперед. Но когда число желающих изучать язык возросло и об успехе группы учеников узнала еврейская общественность, отца пригласили на беседу в компетентные органы и предупредили о недопустимости распространения языка недружественной страны среди советского населения. Папа на первый вызов не отреагировал, и тогда его вызвали повторно и уже в жесткой устрашающей форме запретили преподавать иврит. На допросе отец держался независимо до тех пор, пока не начали интересоваться, где работает его сын и чем он занимается. После последнего визита отца в органы мама устроила ему такой разнос, что он немедленно свернул свою педагогическую деятельность. Мои родители считали для себя непреложным законом заботу о моем благополучии. Себе они не могли позволить ничего, что могло бы представлять для меня опасность. И они решили, что продолжение обучения евреев ивриту может повредить моей карьере физика,

Интересно, что один из лучших учеников отца по ивриту Александр Заманский, позднее приехав в Израиль, безо всякой переподготовки был приглашен на работу преподавателем иврита в ульпан, хотя не имел никакого гуманитарного образования. Кстати, до отъезда в Израиль он сам успел подготовить группу преподавателей курсов иврита, работающих по сей день в Днепропетровске. Как видим, ростки ивритской грамотности, посеянные отцом, проросли и дали плоды, когда отца уже не было в живых. Но это все произошло через несколько десятков лет, а теперь, напомним, шел год 1960-ый, и наша семья после моего провала на конкурсе была озабочена моей дальнейшей судьбой. Используя связи родителей, свои знакомства, я долгое время бегал в поисках работы, но предлагали мне работу или временную, или низкооплачиваемую, или бесперспективную, или работу не по специальности. В еврейской истории, когда положение кажется отчаянным, приходит чудо, как на Хануку, например. Так же и в моей жизни вскоре произошли события, которые иначе, чем чудом, не назовешь.

Я уже говорил, что в университете я получил специальность "Оптика и спектроскопия". В процессе учебы, студенческой практики, дипломного проектирования и работы я исследовал спектры излучения и поглощения атомов в различных средах: в электрических разрядах, в пламени, в нагретых газах и т.п. Спектры представляли собой отдельные линии в разном цвете, одни из них более яркие, другие слабее в зависимости от излучающего вещества, и каждая конкретная линия излучается при переходе электрона в атоме с одного уровня на другой. Линейчатые спектры были хорошо изучены, с их помощью сделаны открытия, например, наличие гелия в атмосфере Солнца, предложены интересные практические применения, такие как, определение концентрации углерода в стали. В отличие от атомных спектров, спектры молекул исследованы значительно меньше, а их применение для решения практических задач было и вовсе малоизвестно. Между тем, простейшие двухатомные молекулы принимают участие во многих процессах на Земле, например, молекулы азота и кислорода являются основными составляющими атмосферы Земли, водород, закись азота, окись углерода также входят в состав атмосферы в небольших концентрациях. Излучение также происходит при переходе электронов в молекуле с одного уровня на другой, но на него накладывается колебательное движение ядер атомов, составляющих молекулу, благодаря чему в спектре излучения появляется не линия, а широкая полоса из близко расположенных линий. Поэтому излучение молекул происходит в диапазоне спектра и может влиять на тепловой баланс разогретого газа или низкотемпературной плазмы, где молекулы еще не распались на атомы. Примером такого состояния может являться разогретый газ вокруг спускаемого с орбиты аппарата, газ вокруг ракеты, метеора, или другого тела, проникающего в атмосферу Земли на большой скорости. Я познакомился с проблемой еще на студенческой скамье и обнаружил, что исходные данные, относящиеся к оптическим свойствам двухатомных молекул, отсутствуют: в частности, я не нашел завершенных научных работ, в которых определялась бы интенсивность излучения в спектральных полосах электронно-колебательных переходов в молекулах газов, составляющих атмосферу нашей планеты. Я решил заполнить этот пробел и на долгие годы погрузился с головой в эти вопросы.

Множество раз, когда выкраивалось свободное от основной работы время, я возвращался к излучению двухатомных молекул и постепенно получил по этой теме новые результаты, включающие базовые параметры молекул, методы расчета для разных систем, конкретные величины излучений для упомянутых молекул. Когда работа была завершена, я подготовил два доклада и представил

их от своего имени на Всесоюзную конференцию по спектроскопии. Советский Союз был обществом закрытым и в международных симпозиумах участия не принимал, а научные достоинства выполненных в стране работ оценивались на Всесоюзных узкопрофильных конференциях, где результаты подвергались тщательному критическому анализу высококлассных специалистов. Оба моих доклада были одобрены оргкомитетом конференции, а один из них в программе конференции удостоился чести быть представленным на пленарном заседании. Приглашение на конференцию я получил вскоре после того, как меня уволили из Металлургического института, и поэтому участие в работе конференции было для меня важным событием. Я мечтал об успешном выступлении и испытывал смутные надежды на то, что полученные мною новые научные результаты помогут найти подходящую работу для продолжения исследований. Однако события на конференции превосходили все ожидания – это был полный триумф. Мои доклады вызвали небывалый интерес большинства участников, возникло невероятное количество вопросов, началась импровизированная дискуссия, наиболее заинтересованные слушатели окружили меня и долго не отпускали. Трое интересантов в строгих одинаковых костюмах пытались выяснить, как доклады были опубликованы в сборнике, не получив разрешения компетентных организаций, и можно ли воспроизвести все результаты работы, следуя тексту доклада. Я объяснил им, что являюсь автором-индивидуалистом и никакого института не представляю, а решение о публикации принимал оргкомитет конференции. Что касается воспроизведения результатов, то я их успокоил, сказав, что это сделать невозможно, поскольку в моих коротких докладах представлены только принципиальные моменты проекта, а многие базовые данные и важные детали, так же, как и ноу-хау, умышленно опущены в текстах. В другой группе схожих между собой инженеров я угадал тепловиков, конструирующих тепловую защиту элементов аппаратов, входящих, например, в атмосферу. Этих людей интересовали конкретные значения оптических характеристик молекул разогретого воздуха, методику расчета которых я изложил в одном из докладов.

В первый день конференции я познакомился и обменялся координатами с учеными из академических институтов, преподавателями кафедр учебных заведений, сотрудниками прикладных институтов, занимающимися проблемами оптики и спектроскопии, встретил нескольких моих сокурсников, моего руководителя дипломной практики, и все они с восторгом говорили о моих прочитанных докладах. Я купался в лучах неожиданно свалившейся славы и переживал своё чудесное воскрешение из небытия. Но это еще не было

анонсированным мною чудом. Чудо появилось в этот же день на последнем заседании в перерыве между выступлениями в лице неказистого, среднего роста человека с большим научным портфелем в руках. Представившись, он предложил пройти в удобное для переговоров место, более тихое и спокойное. В глубине зала мы нашли два кресла, уселись друг против друга, мой собеседник (звали его Сергей) предъявил служебное удостоверение старшего научного сотрудника Института теплофизики Сибирского отделения (СО) АН СССР. Я сказал, что знаком с Постановлением правительства о создании в Сибири научного академического комплекса в разных городах. "Так вот,- ответил Сергей,- Институт теплофизики один из таких институтов, которые в настоящий момент строятся в Новосибирске, в Академгородке вместе с жильем для сотрудников и элементами инфраструктуры, а пока что условия жизни в городке спартанские, которые может выдержать только президент Сибирского отделения". Для убедительности Сергей достал из портфеля и показал мне шутиливую фотографию выдающегося математика академика Лаврентьева Михаила Алексеевича, заснятого зимой в домашней обстановке в фуфайке и шапке-ушанке, в квартире, где отдельные секции окон были заткнуты подушками. "Ну, а пока основатель СО мерзнет, а строители возводят здания, - продолжил Сергей, - формируются институты, определяется их тематика, нанимаются будущие сотрудники. Основу коллективов институтов составят известные советские ученые, согласившиеся покинуть насиженные места и переехать на работу в Сибирь, часть специалистов, принятых на работу, на время, пока здания институтов приобретут надлежащий вид, прикрепляются на стажировку и работу по заданным темам в головные институты Академии Наук, выпускники столичных ВУЗов, распределенные в институты СО, также будут временно работать в столичных институтах. Для всех этих категорий сотрудников Института теплофизики я являюсь куратором их деятельности в Москве, включая подбор кадров и прием на работу. Сегодняшнее Ваше выступление на конференции произвело на меня хорошее впечатление, я думаю, что Вы можете принести пользу нашему институту в одном важном проекте, и я готов предложить Вам работу, если Вас это заинтересует." Я ответил, что предложение его очень заманчиво, но совершенно неожиданно, что я должен подумать, посоветоваться с родителями и уточнить некоторые детали предстоящей работы. Сергей протянул пакет проспектов, выпущенных институтом, дал все свои координаты, попросил не тянуть с ответом, сказал, что завтра он будет на конференции. Я обещал завтра же дать ему ответ.

Далее события понеслись стремительно, с калейдоскопической быстротой. Я сразу же помчался на Главпочтамт, по междугородней телефонной линии связался с домом и проинформировал кратко родителей о выступлении на конференции и о полученном предложении. Я сказал, что склонен принять предложение, если заручусь их согласием и поддержкой. Аргументом в пользу принятия положительного решения являлся не только мой статус безработного и безрезультатные поиски достойной работы в городе, но и тот факт, что предстоящая работа в СО будет проходить в течение ближайших двух лет в Москве, зарплата младшего научного сотрудника примерно была равна привычному для меня окладу ассистента, СО гарантировало проживание в Москве в общежитии аспирантов Академии Наук, и оплата проживания была символической. Утром, получив добро по телефону от родителей, я прибыл на конференцию до её начала, встретился с Сергеем, сообщил ему, что принимаю его предложение и готов приступить к оформлению соглашения. Он протянул мне бланки листа по учету кадров, автобиографии и заявления. Уже в полдень, отыскав Сергея на заседании я вернул ему заполненные и подписанные мною бланки, копию диплома об окончании Университета, копию трудовой книжки и оттиск моего доклада на конференции. Просмотрев документы, Сергей сказал, что он попытается организовать мою встречу с директором Института теплофизики академиком Новиковым И.И. поскольку Иван Иванович в данный момент находится в Москве. Через час теперь уже Сергей отыскал меня в зале заседаний и сообщил, что завтра утром нам предстоит аудиенция на дому у академика, и опоздание недопустимо. Иван Иванович показался мне человеком для директорской должности слишком молодым, лет сорока пяти-пятидесяти, был он подтянутым и стройным с красивым славянским лицом, поставленным голосом и безукоризненными манерами, мне показалось, что он как две капли воды похож на кумира кинозрителей послевоенных годов Евгения Самойлова, обладавшего необыкновенным обаянием и притягательностью. Я, разинув рот, слушал его живой рассказ об Академгородке, о недостатках строительства, о красоте природы, о плохом снабжении и отличной молодежи. Полистав папку с моими документами, он сказал, что хотел бы видеть меня сотрудником своего института, а затем неожиданно добавил, что проблему он сформулировал, еще работая директором МИФИ, но только сейчас он надеется, что современные специалисты, такие как я, помогут ему завершить эту разработку. Я сказал, что приложу все усилия. Иван Иванович лихо выдернул из папки мое заявление о приеме на работу, наложил резолюцию и картинно расписался, по-спортивному бодро поднялся с кресла, пожал нам руки и проводил до дверей. Сергей посмотрел на закорючку директора и сказал, что при наличии подписи

Ивана Ивановича осечки с моим трудоустройством быть не должно, но сейчас он передаст мое дело кадровикам, предстоит проверка моих данных и через две недели – месяц я получу на Днепропетровский адрес выписку из приказа о моем назначении, письмо о стажировке в одном из столичных институтов Академии Наук, направление на проживание в общежитии. Обняв меня на прощание и поблагодарив за оперативную работу, Сергей сказал, что сразу же по приезде в Москву я обязан ему позвонить, а после прикрепления к столичному институту и заселения в общежитие уведомить Институт Теплофизики о прибытии и сообщить точные адреса места работы и прописки.

Сергей помчался по своим делам, а я не спеша добрал до ближайшей станции метро и через полчаса явился на конференцию. Шел последний укороченный день, в зале заседаний было темно, слайды неспешно сменяли друг друга на экране, вентилятор проектора тихо жужжал, а голос докладчика звучал в отдалении. Я пытался сосредоточиться на сути выступления, но у меня ничего не получалось. Напряженная цепочка впечатлений последних дней вновь и вновь возвращала меня к пережитым событиям, я мысленно продолжал их чудесное течение, завершая сюжет доброй сказки построением пристанища спокойствия и счастья. "Заключительный отчет комиссии по спектроскопии АН СССР" по результатам прошедшей конференции зачитает председатель комиссии Мандельштам Сергей Леонидович, - услышал я наконец-то звонкий голос ведущей заседание барышни. Я всколыхнулся, вслушался в отчет и тут же получил очередную порцию положительных эмоций: мой доклад был назван среди интересных сообщений, представленных на конференции. Через полчаса Всесоюзная конференция по спектроскопии закрылась, участники сделали завершающие групповые снимки и потянулись к выходу. Выйдя на улицу, я наконец-то осознал, что закончил свои столичные дела и пора возвращаться домой. Следовало позаботиться о билете,

На вокзале в зале билетных касс мне посоветовали обратиться в окошко "Возврат билетов", где был шанс купить билет на ближайшие поезда. Я пристроился в конец очереди и тотчас же услышал: "Кому нужен билет до Днепропетровска на завтра?" Опрятно одетая женщина лет двадцати пяти-тридцати с ухоженными волосами, необычайно стройная и привлекательная стояла рядом со мной и держала в руках железнодорожный билет. Я протянул руку к билету, проверил, что это именно тот билет, который мне нужен, передал ей деньги и поблагодарил за своевременную помощь. Не помню, кто первый из нас проявил интерес к другому, но когда мы представились друг другу, и она узнала, что я возвращаюсь домой, то неожиданно предложила

отметить успешную продажу билета порцией мороженого и чашечкой кофе за счет средств, полученных от нашей сделки. Я попытался отнекиваться, ссылаясь на то, что я безденежный и временно безработный, но кутить за счет дамы я не привык. Она же в ответ, изображая купеческий размах, воскликнула низким голосом: "Я вас угощаю, юноша!" и увлекла меня на привокзальную площадь, где было множество недорогих открытых уличных кофеен, или попростому, "забегаловок". Пристроившись у стойки, мы долго решали, с чего начать: с кофе или с мороженого, и подумывали, не замахнуться ли нам на само кофе-гляссе? Короче, была моя случайная попутчица не только красавицей, но и умницей с тонким чувством юмора, так что беседа наша во время пиршества, что называется, задалась. Я выяснил, что зовут её Катей, что она актриса кино и сейчас занята на съемках на натуре в Подмоскowie, в каком-то фильме, как она сказала, под названием "что-то там в огне", а её муж артист Евгений Ташков вместе с их сыном сейчас находится в Днепропетровске, где принимает участие в гастролях Театра-студии киноактера. Ожидалась пауза в упомянутых съёмках, и она запланировала на предстоящие дни встречу со своей семьей и купание в реке Днепр. Она вынула из сумки и положила на стол небольшой красочно упакованный сверток и сказала, что она даже успела купить подарок сыну. К сожалению, за последнюю неделю график работ изменился, она оказалась на ближайшие дни задействованной в съёмках и поездку ей пришлось отменить, а билет на поезд продать. В её глазах я прочитал какой-то вопрос и, поразмыслив, предложил передать подарок сыну. Мои слова привели её в восторг, и она призналась, что уже давно хотела попросить меня об этом, разглядев во мне интеллигентного и доброго человека, но не решалась сделать это первой. В мгновение ока она написала короткую записку мужу, обозначила адрес и телефон квартиры, где он проживал с сыном, сказала, что предупредит мужа о моем визите по телефону, соединила письмо с подарком и вручила сверток мне. Мы спустились в метро "Курская" и тут же распрощались, она поехала домой по радиальной ветке, а я перешел на кольцевую. Я и предположить не мог, что распрощался с выдающейся советской актрисой Екатериной Савиновой, исполнительницей роли Фроси Бурлаковой в незабываемой комедии "Приходите завтра", которая вскоре вышла на экраны страны и принесла Кате всенародную любовь. Лишь через несколько лет, став фанатом этой артистки, сопоставив ряд косвенных данных и освежив в памяти подробности нашей случайной встречи, я понял, что мне посчастливилось в приватной обстановке общаться с очаровательной и ироничной, необычайно одаренной женщиной. На следующий день я покинул Москву и, прибыв в Днепропетровск, позвонил Катиному мужу и договорился о встрече. Вечером я завез к нему домой пакет от Кати,

мальчишка еще не спал, он моментально открыл игрушку, освоил, и радости его не было предела. Это была последняя моя встреча с талантливой семьей Кати Савиновой. Всё остальное о их судьбе я узнавал из публикаций в прессе. Очень странно, но почему-то я всегда воспринимал любое сообщение о них близко к сердцу, как известие о моих хороших друзьях. С большой душевной болью воспринял я трагический уход актрисы из жизни и через много лет порадовался успеху безусловных киношедевров: "Уроки французского", снятый её мужем режиссером Е.Ташковым и "Сыщик" с её сыном А.Ташковым в главной роли.

Коснувшись темы кино, хочу отметить, что в эти годы, наряду с продукцией советской кинематографии, в прокат стали поступить зарубежные произведения итальянского нового реализма и французской новой волны - течений, формирующих принципы культурного и социального обновления мирового кинематографа. Увлечшись шедеврами кино, я перестал быть страстным театралом, каким был в студенческие годы. Меня стали больше занимать события культурной жизни, включая всевозможные музыкальные представления, которые ранее не случались на сценах страны. Хорошо запомнилось мне гастрольное выступление в Днепропетровской филармонии легендарного исполнителя авторской песни Александра Вертинского в середине пятидесятых, незадолго до его кончины. Необычность тематики, редкостная образность, мастерство исполнения песен завораживали зрителей также, как и его непростая эмигрантская судьба. Ожидая судьбоносное письмо с приказом о приеме на работу в СО АН СССР, я поучаствовал в нескольких мероприятиях на культурном фронте. В репертуаре у звезды советской эстрады Гелены Великановой были и простенькие песенки, звучащие из всех радиоприемников, и песни Пиаф, и песни на стихи поэтов Серебряного века. На её манере исполнения лежал зарубежный флер. Она одевала броские и элегантные костюмы, например, на концерте, на котором мне довелось побывать, она была в платье с необычайно глубоким декольте на спине. Все это было не присуще советской эстраде того времени, и залы, в которых певица выступала, ломались от публики. Конечно оголение своего тела жрицами современного шоу бизнеса не идет ни в какое сравнение со скромным новаторством Гелены Великановой, но мне понравилось её стремление показать свою идеальную фигуру и красивую спину, вызвавшее у меня уважение к замечательной певице. Интерес к ярким гастролерам, выдающимся исполнителям увлек меня. К сожалению, в те годы с зарубежными звездами можно было познакомиться, слушая только кустарные пластинки "на костях", изготовленные на рентгеновских плёнках. Насколько

восприятие исполняемой музыки "живьем" отличается от записи "на ребрах", я понял позже, попав в московский Дворец спорта на первые в СССР гастролы джаз-оркестра легендарного кларнетиста Бенни Гудмана. Когда я уже освоил Москву, мне удалось попасть в Большой зал консерватории на финальные прослушивания участников Международного конкурса имени П. И. Чайковского. Концерты лауреатов по двум специальностям - фортепиано и скрипка, которые мне довелось услышать, познакомили меня с вершинами творчества, и я ощутил необыкновенную силу воздействия музыки на человека. Я упомянул лишь несколько из памятных встреч, их же было значительно больше, поскольку я подружился с распространительницей билетов из концертной кассы, которая долгие годы предоставляла мне возможность посещать выступления знаменитостей, а также театральные премьеры в столичных театрах, включая спектакли Большого театра.

Праздное времяпровождение после моего триумфального возвращения из Москвы окончилось через три недели. По почте я получил ожидаемый пакет с документами, необходимыми для переезда на работу в Москву и начал собираться в путь. Прежде при кратковременных отлучках из дома, например, в отпуск или в командировку, я брал с собой смену одежды, а мама давала мне в дорогу традиционный набор из отварной курицы, нескольких крутых яиц, ароматной украинской булки и коробочки из-под спичек, набитой солью. Сейчас предстоял отъезд из отчего дома надолго, а возможно, и навсегда, поэтому и сборы были посерьезнее. Пришлось прихватить зимнюю одежду, несколько книжек, необходимых для работы, и багаж получился

Днепропетровск, привокзальная площадь

внушительный – два чемодана и рюкзак. Парень я был крепкий, и переноска тяжестей меня не смущала. На вокзале мама всплакнула, отец не мог скрыть беспокойства по поводу моего

будущего, провожающие меня родственники и друзья радовались, что кончились мои мытарства, и я, наконец-то, обрету достойную работу. Для меня переезд означал важный жизненный этап – я обретал полную самостоятельность со всеми её привлекательными сторонами и трудностями. Настроен я был решительно и отступать назад не собирался - я обязан был завоевать, если не Москву, то уж Сибирь непременно.

Глава 11

Становление

В общежитие аспирантов Академии Наук, которое располагалось в Черемушках, я прибыл прямо с вокзала со всем своим багажом. Меня уже ждали и поселили в отдельной комнате двухкомнатного бокса, оборудованного всем необходимым: кроватями, столами, шкафами и тумбочками. Комендант сообщил мне, что обычно в таком боксе поселяют четырех аспирантов, по два в каждой комнате, но для меня и моего соседа по боксу сделано исключение по указанию начальства. Поразительно, но чудеса, обещанные Сергеем, сбывались, да еще и с лихвой. В нашем боксе у входа на стене был закреплен маленький бытовой холодильник, первая модель которого только недавно поступила в продажу. Общежитие на тот момент находилось на окраине города в районе новостроек и позволяло разгрузить основной огромный корпус старой застройки, расположенный ближе к центру города и действительно заселенный аспирантами академии наук. Четырехэтажное здание общежития в Черемушках представляло собой типичную линейную хрущевскую постройку. На всех этажах боксы располагались справа и слева по коридору, протянувшемуся внутри здания от одного конца до другого. На каждом этаже была оборудована общественная кухня и общая для жильцов этажа душевая комната. По понятиям того времени условия проживания были, как говорится, пределом мечтаний. Обитатели общежития были членами научного содружества, но отличались между собой уровнем культуры, происхождением, поведением. Некоторую часть жильцов действительно составляли аспиранты АН СССР, нуждающиеся в жилье. Заметное место среди жильцов занимали такие же, как я, сотрудники Сибирского отделения АН, временно обитающие в Москве. До конца года ожидался заезд в общежитие нескольких выпускников столичных ВУЗов, распределенных в наш институт. Я должен был выдать им задания и следить за их работой до переезда в Сибирь. Своеобразной публикой были молодые мужчины - научные сотрудники и аспиранты из союзных республик, главным образом из среднеазиатских и кавказских, направляемые в московские институты для повышения своей квалификации. Многие из них рассматривали командировку в столицу, как возможность отдохнуть и весело провести время. Они любили устраивать для

друзей застолья, угощать их блюдами национальной кухни, и в такие дни общежитие наполнялось запахами плова или шашлыка, изготовленных на общественной кухне по узбекским, казахским, грузинским, армянским или другим рецептам. Их гостями всегда были непрехотливые местные девушки с низкой социальной ответственностью. Громко звучала популярная танцевальная музыка, и веселье часто затягивалось допоздна. Всем этим "ночным клубом" заправлял красивый парень Тимур, вечный аспирант-математик из Баку, вызывавший всеобщее отвращение своей грубостью и хамским отношением к женщинам. Администрация общежития вела непримиримую войну с "восточным базаром", но победить его до конца при мне так и не смогла.

К счастью, уклад в общежитии определяла не эта небольшая группка прожигателей жизни, а прогрессивная, мыслящая и духовная молодежь, жаждущая свободы и принявшая идеи "оттепели", как руководство к новой жизни. В этот основной состав жильцов входили молодые специалисты в области естественных наук: физики-теоретики, ядерщики, биофизики, оптики, электронщики и другие, разрабатывающие революционные научные идеи и технологии. Осмелевшие гуманитарии теперь исследовали последствия культа Сталина, критически оценивали недавнюю историю страны, анализировали недостатки сложившейся системы и разрабатывали радикальные предложения по реформированию общества. Короче, в большинстве боксов вечерами проходили жаркие дискуссии и формировались представления о будущем человечества, о строении мироздания, о путях развития науки, о завоевании космоса, обсуждались новости культуры. Иногда проводились встречи с выдающимися артистами. Мне почему-то запомнилось исполнение песен одним из основоположников авторской песни Юрием Визбором. Артист дружил с жильцом нашей общаги и приходил к нему в гости по приглашению, а затем в коридоре, на импровизированной сцене пел под гитару свои песни. Выступал он у нас неоднократно и успешно, рядом с бардом была его муза, которую все почтительно называли женой, хотя мне казалось, что спутницы у него были разные. Песни были трогательные и человечные, в таком камерном исполнении они звучали очень душевно, по радио я слышал их только через несколько лет, но это были уже совсем другие песни.

Помимо всей этой молодежной публики, в общежитии проживали несколько одиноких, по моим понятиям, пожилых людей примерно 50-60 лет. Оказалось, что это ученые с искалеченной репрессивными кампаниями судьбой, которые вернулись из заключения к разрушенному семейному очагу после

затянувшейся реабилитации. Некоторым из них предоставили работу в АН и возможность временного проживания в общежитии. Именно с таким человеком, пережившим ГУЛАГ, я провел несколько лет в расположенных рядом комнатах академического общежития. Но прежде, чем познакомить вас с моим соседом, я должен напомнить одну антисемитскую кампанию властей, принесшую не меньше горя еврейскому народу, чем широко известные борьба с космополитизмом или расстрел Еврейского антифашистского комитета. Речь идет о начавшихся сразу же после окончания войны преследованиях инженерно-технической интеллигенции, чьим трудом и талантами обеспечивалась поставка на фронт танков, самолетов, пушек, боеприпасов. Среди этих людей было много евреев, их травля год от года усиливалась, и уже к 1949 году увольнение евреев, отмеченных в годы войны многими наградами, стало рядовым явлением. К этому времени в ЦК партии составили список организаций, укомплектованных "политически сомнительными... враждебными элементами", а также большим количеством "лиц еврейской национальности". Посвященная этим вопросам секретная директива "О мерах по устранению недостатков..." была подписана Сталиным летом 1950 года, и волна репрессий покатила по министерствам, институтам, промышленным предприятиям. Массовая антиеврейская чистка охватила всю страну. Сколько ученых, организаторов производства, директоров заводов, главных конструкторов, инженеров и просто рядовых рабочих-евреев было уничтожено во время этой погромной акции, сказать трудно. Инициированная сверху, кампания была поддержана снизу непорядочными работниками на местах, стремящимися занять освободившиеся места.

В электротехнической промышленности наиболее жестокая чистка была проведена на заводе "Динамо" имени Кирова, где в 1950 году были уволены, а затем арестованы многие сотрудники-евреи во главе с директором Н. Орловским. В Москве сфабрикованное уголовное дело преступной группировки, разоблаченной на заводе "Динамо", было не менее шумным, чем завершившееся в это же время крупное антисемитское дело против работников Московского автозавода. Мне удалось установить фамилии двух участников пресловутого "дела" на заводе "Динамо". Оба они были арестованы в сентябре 1950 года, приговорены к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь в системе ГУЛАГа) и реабилитированы в октябре 1955 года. Один из них Масин Вениамин Соломонович - заместитель начальника топливной группы, а второй - Пронман Измаил Маркович - кандидат технических наук, оказался моим соседом в общежитии. До начала судебного преследования Измаил Маркович (ИМ) на заводе "Динамо" занимал руководящую должность, был

авторитетным техническим специалистом, жил с семьей в отдельной благоустроенной квартире в центре Москвы, имел красавицу жену дворянского происхождения, воспитывал двух замечательных детей – старшего сына и младшую дочурку. Беда свалилась совершенно неожиданно, назначенное по приговору наказание поражаало своей жестокостью, вскоре стало ясно, что семье "врага народа" невозможно выжить. С согласия ИМ, его жена подала на развод, изменила фамилию детей на свою, арийскую, и, самое главное, полностью прервала все контакты с отбывающим наказание ИМ, а после получения развода через некоторое время вышла замуж.

Освободившемуся из мест заключения ИМ возвращаться было некуда. Бывшая жена встретила его сдержанно и насторожено, запуганные дети забыли его и боялись общаться с ним. Больших усилий стоило ИМ расположить к себе дочку и изредка видеться с ней. Что касается повзрослевшего сына, то он настойчиво сторонился ИМ, уклонялся от любых контактов с ним, по-видимому, продолжая опасаться за свое будущее. К моменту моего заселения в общежитие ИМ считался уже его старожилом. Как сосед я его очень устраивал, он сразу же стал моим наставником не только по общежитию, но и по жизни. Со временем из жильцов общежития выделился небольшой коллектив единомышленников, душой которого стал ИМ. Мы, как друзья, проводили свободное время вместе, отмечали праздники, дни рождения, спорили и находили общую точку зрения. ИМ был необычайно образованным человеком с большим жизненным опытом. Испытания, выпавшие на его долю, состарили ИМ. Густые волосы на его голове были совершенно седые, однако лицо, несмотря на глубокие морщины, казалось красивым и молодым. Выглядел он сильным и здоровым человеком, двигался быстро и артистично, создавалось впечатление, что внутри у него неисчерпаемый запас энергии. Он любил поэзию, знал наизусть бесчисленное множество стихов. На наших вечеринках, любил прочесть, особенно находясь в состоянии подпития, несколько стихотворений на публику. Читал выразительно и ярко, начинал обычно с "Письма к женщине": "Вы помните, Вы всё, конечно, помните..." Сдержанно, но с внутренним драматизмом прочитывал он последующие бессмертные строки есенинского шедевра: "Любимая! Меня Вы не любили...", "Лицом к лицу лица не увидать..." и другие. Во время декламации он действительно взволнованно ходил по комнате и резко бросал слушателям слова стихотворения. Я думаю, он продолжал полемику со своей женой, которую не мог разлюбить. Информацией об отношениях со своей семьей он делился редко, но однажды, разоткровенничавшись, достал из портмоне и показал мне небольшую фотографию, на которой он был заснят рядом с

молодой женой сразу же после рождения сына. Такой красивой и счастливой пары мне встречать не доводилось! Во время откровенных разговоров с ним о пережитом меня поражала терпимость ИМ к поведению его близких родственников в трудные моменты, он находил оправдания и прощал им все поступки, которые вызывали осуждение по любым моральным нормам. Более того, он ни на минуту не прекращал попыток восстановить отношения с семьей, предлагал помощь в воспитании.

На работу ИМ устроился сразу после возвращения из лагеря в Москву, и как только его благосостояние позволило, тотчас начал помогать детям материально. Работу в институте, место в общежитии, очередь на получение квартиры ИМ получил благодаря знакомству с П. К. Ощепковым. Павел Кондратьевич Ощепков - известный советский учёный, профессор, доктор технических наук, основатель отечественной радиолокации - был человеком сложной судьбы. В 1937 году П. К. Ощепков был арестован в связи с "делом Тухачевского" по обвинению во вредительстве, затем по ходатайству наркома обороны в 1939 году был освобожден. Однако в 1941 году он был вновь арестован и приговорен к 5 годам заключения. В Саратовской тюрьме он содержался в одной камере с академиком Николаем Вавиловым. Вскоре к Сталину поступило письмо от А. Иоффе, Г. Жукова, В. Молотова и К. Ворошилова с просьбой разрешить использовать Ощепкова в важных работах для армии. На письме Сталин наложил резолюцию: "Согласен", после которой Ощепкова освободили окончательно. Он в очередной раз проявил свои недюжинные способности и с 1954 года возглавил электрофизическую лабораторию Института металлургии АН СССР. К сожалению, я не помню при каких обстоятельствах ИМ познакомился с Ощепковым, отбывали ли они срок вместе, или их связывала общая профессиональная работа, или авторитетный зэк просто решил поддержать молодого коллегу в трудную минуту, но после того, как Павел Кондратьевич принял ИМ на работу в свою лабораторию, они стали преданными друзьями и в дальнейшем продуктивно работали совместно по продвижению идей Ощепкова в практику. В дальнейшем П. К. Ощепков возглавлял Научно-исследовательский Институт интроскопии и их сотрудничество продолжилось на новом месте. А история с моим соседом по общежитию имеет счастливый конец. На одной из наших совместных вечеринок ИМ познакомился с симпатичной женщиной тридцати пяти-сорока лет с несостоявшейся личной жизнью, еврейкой по национальности. Она проживала с мамой недалеко от нас в двухкомнатной квартире. С этой дамой ИМ встречался недолго, они очень быстро приняли решение и заключили брак. Я был свидетелем в ЗАГСе при регистрации и участником праздничного

домашнего обеда у них на квартире в день бракосочетания. Невеста смотрела на ИМ с обожанием, её мама не скрывала радости по поводу замужества дочери. После этого торжества женщины создали у себя дома для ИМ такие комфортные условия, что он вообще перестал посещать свою комнату в общежитии. В этом же году ИМ получил в соответствии с очередью, в которой он состоял более трех лет, двухкомнатную квартиру в новостройке, но продолжал жить в квартире своей жены, а через год вышла замуж дочка ИМ, и он на свадьбе подарил ей ключи от своей квартиры. Я случайно в это время встретил его на улице, он просто светился и на мой дежурный вопрос: "Как дела?" – ответил, что он самый счастливый человек на свете.

Между тем, моя научная деятельность во время пребывания в Москве оказалась весьма продуктивной. Сибирское отделение АН прикрепило меня к легендарному российскому центру естественно-научных знаний - Физическому институту Академии Наук (ФИАН). В это время институтом руководили Прохоров А.М. и Басов Н.Г. - лауреаты Нобелевской премии, полученной ими в 1964 году за открытие лазера. Впрочем, и рядовые сотрудники института в своем большинстве были выдающимися учеными в различных областях физики. Так что пребывание в таком институте заставляло каждого соответствовать высокому институтскому уровню, стремиться быть творческим и активным сотрудником. Моим рабочим местом была определена лаборатория физики низкотемпературной плазмы института. Результаты по молекулярной спектроскопии, полученные мной ранее, оказались востребованными в некоторых исследованиях, проводимых в лаборатории, они, что говорится, "легли в масть". База данных, которой я владел, широко использовалась в наших совместных с сотрудниками лаборатории работах. Иными словами, я пришелся со своей тематикой ко двору, и руководитель лаборатории Соболев Н.Н. высоко ценил мое участие в выполнении государственного задания. В лаборатории я работал достаточно напряженно, много времени проводил в библиотеке. Например, в библиотеке имени Ленина я часто вечерами засиживался допоздна, до закрытия метро. Выполнение заданий требовало взаимодействия со многими соисполнителями, я не буду вдаваться в детали рабочих и личных отношений с моими замечательными коллегами, потому что описание подробностей увело бы меня от главной цели моих воспоминаний.

Приведу лишь отдельные моменты. Значительная часть работы была связана с трудоемкими математическими расчетами и выполнялась в содружестве с учеными МГУ на БЭСМ. Быстродействующая электронная счетная машина

(БЭСМ) была одной из первых современных универсальных цифровых вычислительных машин, выполненных на электронных лампах. Громоздкая машина располагалась в отдельном корпусе и предназначалась для решения научно-инженерных задач. Мое задание содержало множество сложных математических преобразований, включая расчеты знакопеременных рядов, требующие высокой значности выполняемых вычислений. Подобная работа на БЭСМ осуществлялась впервые, считалась престижной и интересной. Достаточно сказать, что моим соавтором в статье, посвященной данной проблеме, которую я опубликовал позже в академическом журнале, являлся академик Тихонов А.Н. – основатель факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ, который курировал наши расчеты по спектроскопии двухатомных молекул от начала до конца. К чести Тихонова А.Н. хочу сказать, что в 1955 году он имел смелость подписать "письмо трехсот", приведшее к осуждению "лысенковщины" и отставке автора этой мракобесной доктрины Лысенко Т.Д. – непосредственного виновника травли и гибели Николая Вавилова в Саратовской тюрьме. Когда я говорю о сложности и трудности выполнения заданий, то это вовсе не означает, что я бегал, согбенный под тяжестью выданных мне поручений, и валился от усталости в постель в конце трудового дня. Я давно уже заметил, что любая работа, проводимая в условиях свободы, выполняется легко, без перенапряжения. Если ты сам выбрал направление поиска, методы изучения явления, если тебе интересна тематика исследования, то стремление разгадать загадку природы, найти ответ на поставленный вопрос, само получение результата доставляют только удовольствие и положительные эмоции, не оставляя места для усталости. Поэтому научные исследования по молекулярной спектроскопии, которые я сформулировал и реализовал, доставляли мне только радость. События в ФИАНе, совместные теоретические и экспериментальные исследования, научные семинары, дружеские встречи, личные контакты с академической элитой представляются мне сейчас, как сказочное счастливое видение, явившееся мне.

Например, вспоминается мне моя встреча в коридоре с кумиром молодежи Александром Михайловичем Прохоровым. Отмечу, что основоположник квантовой электроники, невзирая на свою гениальность, был человеком общительным, добродушным и веселым, его часто можно было наблюдать во время оживленного разговора с сотрудниками института и гостями в самых разных местах. Меня поражало число новых идей, которые крутились в его голове и которыми он по ходу беседы или обсуждения одаривал своих собеседников, как говорится, совершенно безвозмездно. Так вот, стою я,

задрав вверх голову, в застекленной галерее, соединяющей лабораторный корпус с административным зданием, а надо мной нависает голова Александра Михайловича, склонившегося ко мне с высоты своего почти двухметрового роста. Коридор залит солнцем, я вижу улыбающиеся глаза великого ученого и слышу, как он рассказывает свежий анекдот с неожиданной концовкой, после произнесения которой он распрямляется и громко заливается детским смехом. Если Вы спросите, зачем я описал этот эпизод, то я отвечу – от ностальгии, от грусти, от тоски по ушедшему времени. Кстати, такое же расплывчатое воспоминание сохранилось у меня о другом корифее ФИАНа, напарнике Прохорова А.М. по Нобелевской премии - академике Басове Николае Геннадиевиче. Я много раз встречался с ним на праздничных мероприятиях, на его замечательных семинарах по квантовой электронике, но запомнилась мне встреча, которая произошла через несколько лет в его директорском кабинете. В это время я уже серьезно занимался космическими проблемами, предложил разработку нового прибора - лазерного гироскопа, и хотел заручиться поддержкой головного института в стране по вопросам лазерной физики – ФИАНа, которым руководил Басов Н.Г. На совещании в его кабинете я доложил суть предложения, и после вопросов и обсуждения проекта присутствующими специалистами встал Басов и недоброжелательно глядя на меня спросил: "Зачем?" Я подумал, что неудачно представил в презентации материалы и повторил другими словами обоснование проекта. Уже не вставая, не глядя на меня, Басов повторил: "А зачем?" Мне говорили, что взгляд у Николая Геннадиевича тяжелый и характер не простой. Поэтому, приняв его вопрос, как должный, я зачитал заключения заинтересованных в этом приборе организаций. На что услышал все тот же вопрос. Его мнение было самым влиятельным, и потому принятое по проекту обтекаемое решение звучало, как похоронный марш. Только через год я узнал, что его лаборатория недавно приступила к подобной работе, и Басов зачищал поляну и разгонял конкурентов. Я высоко ценю достижения замечательного физика в области науки и техники, не могу сказать ничего плохого о его деятельности в тот период, когда я трудился в стенах ФИАНа, но злые языки почему-то приклеили академику кличку не то "Лысая акула", не то "Улыбающаяся акула". Именно такой комбинированный образ морского хищника возникает у меня, когда я вспоминаю нашу последнюю встречу и выражение лица выдающегося ученого, когда он задавал свой вопрос: Зачем? Как бы там ни было, и Александр Михайлович, и Николай Геннадиевич были достойными главами большой научной фирмы, объединяющей выдающихся физиков страны, и контакты с этими людьми оставили в моей памяти глубокий след.

Однако вернемся от воспоминаний о моих на тот момент патронах к повседневной жизни. Однажды, взглянув на гору бумаг, громоздящихся у меня на столе, я понял, что завершил некую серию работ, связанных с излучением двухатомных молекул, и понял, что пришло время собрать их воедино. Большинство результатов моих исследований были оформлены в виде отчетов или опубликованы в научных журналах, соединить их вместе не представляло большого труда, и таким образом получился обзор по данной тематике, включающий также описание исследований, проведенных нашими зарубежными коллегами в последнее время. Обзор подводил итог всем работам в данном направлении и представлял читателям новый уровень знаний по физике излучений двухатомных молекул. В Академии Наук для подобных публикаций издавался специальный журнал "Успехи Физических Наук" (УФН), авторами статей в котором были крупные ученые, специализирующиеся в различных областях физики. Это был престижный журнал, популярный не только в Советском Союзе, но и за рубежом, в США все его выпуски тотчас переводились на английский язык; основателем журнала и его главным редактором долгие годы был почтенного возраста ученый Шпольский Эдуард Владимирович - старейшина советской физики. Я послал рукопись моей статьи в адрес редакции журнала и через месяц получил положительную рецензию на статью, решение редколлегии напечатать её в журнале и приглашение Эдуарда Владимировича посетить редакцию. Статья получилась большой даже по меркам УФН, и на встрече обсудили порядок внесения исправлений в рукопись и корректуру. Во время беседы Шпольский удивился, что я еще не кандидат наук, сказал, что, судя по представленному обзору, уровень и объем выполненных работ вполне соответствуют требованиям к диссертациям. Я рассказал о моих мытарствах при попытке поступления в аспирантуру, при сдаче кандидатского минимума и о других сложностях научного роста на Украине. Подумав, он сказал, что готов прикрепить меня к Московскому Государственному педагогическому институту (МГПИ), где он заведует кафедрой теоретической физики, в качестве соискателя учёной степени кандидата наук без обучения в аспирантуре, если я самостоятельно подготовлю диссертацию. Я пришел в восторг от его предложения, и мы договорились, что через месяц я сделаю доклад на заседании его кафедры, и он передаст ученому совету института мои данные на утверждение меня соискателем.

Не буду утруждать читателя подробностями, но все формальности мне удалось быстро преодолеть, затем я взял в руки ножницы и клей, и из моего обзора и прочих статей подготовил в соответствии с требованиями диссертацию и

автореферат в течение трех месяцев. Наступала завершающая фаза – защита диссертации. Необходимо было представить диссертацию на кафедре Шпольского и получить направление на защиту на ученом совете МГПИ, получить благословение моего официального работодателя – Институт теплофизики СО АН, заручиться согласием двух оппонентов ознакомиться с диссертацией и выступить на защите. Все это напоминало бег с препятствиями, но я преодолел все преграды, Запомнившимся был полет в Академгородок Новосибирска. Здание Института теплофизики еще только возводилось, сотрудники ютились в трех комнатках другого института, мой приезд стал событием в жизни института, Ученый совет посвятил моему выступлению специальное заседание и выдал мне направление для защиты диссертации. Мои новые друзья и сослуживцы устроили небольшую экскурсию. Масштабная городская застройка, вписанная в лесной массив и утопающая в снегу, произвела на меня сильное впечатление. Быстрыми темпами строился жилой район, но до завершения было еще очень далеко. Вечером вся наша команда собралась в клубе-кафе "Под интегралом", который являлся для жителей городка символом "хрущёвской оттепели". Вначале очень хорошо пел неизвестный мне певец, потом был ужин, всё было очень мило, посетители вели себя свободно и раскованно. Я подарил дамам гвоздики (это – зимой-то!) и утром улетел в Москву.

Защита диссертации состоялась уже летом, оппонентами выступили декан физического факультета МГПИ, инвалид войны, опирающийся на палку, и профессор кафедры молекулярной физики Ленинградского Госуниверситета, оба дали положительные заключения по работе, ученый секретарь зачитал два хвалебных отзыва от заинтересованных организаций, подсчет голосов показал, что один черный шар за своё происхождение я всё же подхватил. Даже в такой рафинированной среде, состоящей из профессуры ведущего педагогического института страны, должен был оказаться один антисемит-самоучка. Удачную защиту моей диссертации отмечали вечером в тот же день в ресторане недавно построенной гостиницы "Юность", расположенной близ стадиона в Лужниках. После традиционных славословий в мой адрес, здравий за родителей, за долголетие Шпольского, профессор из Ленинграда встал и откланялся, я проводил его к выходу из гостиницы, где его уже ждало заказанное такси, которое доставило его к поезду "Красная стрела". Поднявшись в ресторанный зал, я установил, что за нашим столом остался только молодежный состав. Я вынул из портфеля несколько бутылок припасенного заранее трехзвездочного армянского коньяка, открыл их и выставил на стол. Трехзвездочный армянский коньяк в те годы отличался высоким качеством и либеральной

ценой, гости признали достоинства напитка, и это придало празднику новый импульс.

Не знаю, как оформляют протоколы заседаний ученого совета в настоящее время, но в то время в МГПИ к протоколу прикладывалась стенограмма. Для её подписания я встретился со стенографистом через неделю. Это был человек, что называется, старого времени: бородка клинышком, вздыбленные пенсне, всклокоченные седые волосы. Пока я читал стенограмму выступлений на защите моей диссертации, он успел рассказать, что долгие годы работал стенографистом у наркома просвещения Луначарского А.В., в выступлениях которого встречались очень сложные языковые конструкции, наполненные придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами и т.п., так что одно предложение, после расшифровки стенограммы, могло занимать целую машинописную страницу. И он по памяти воспроизвел в качестве примера большой период из речи комиссара на революционной дискуссии, а потом посетовал, что тогда, работая с Анатолием Васильевичем у него была настоящая работа, а стенографирование заседаний ученого совета – это баловство. Я поблагодарил его, вернул подписанную мною стенограмму и пожал руку. Он пылливо посмотрел мне в глаза и негромко пожелал: "Благосклонного Вам ВАКа". Через четыре месяца Высшая аттестационная комиссия (ВАК) приняла положительное решение по моей диссертационной работе, о чем и уведомила меня. Однако диплом кандидата физико-математических наук я смог получить только через два месяца, поскольку штатный каллиграф ВАКа серьезно заболел на длительное время, а заполнить от руки пробелы в бланках "корочек" никто, кроме него, не имел права. Описывая свою диссертационную эпопею и сравнивая с сегодняшним днем, я вижу, насколько упростилось оформление дипломов в наше время. Мой состоятельный приятель, например, совсем недавно купил себе на Московском рынке удостоверение Почетного члена Британского Королевского Общества на бумаге с водяными знаками со всеми подписями, печатями и гербами, с апостилом и юридически заверенным переводом на русский язык, причем срок исполнения заказа составил всего одну неделю. Так что прогресс во всех сферах жизни наблюдается, несомненно.

Моя занятость публикацией обзора в УФН и защитой диссертации никоим образом не сказалось на исследовательской активности. Скорее, наоборот, появились дополнительные заказчики и новые идеи, увеличилось машинное время, выделяемое нам для проведения расчетов на БЭСМ, приходилось почаще бывать в МГУ, благодаря чему мне посчастливилось весной 1961 года

присутствовать на представлении "Праздник Архимеда". У меня даже сохранилась фотография того памятного дня, которую я храню, как семейную реликвию. Я уже упоминал, что физики были в большом почете у "шестидесятников", к ним относились с особым пиететом, их боготворили, причисляли к людям, приближенным к главным тайнам Природы, они были знаменем времени. Именно поэтому физики МГУ стали лидерами неформальных молодежных движений "хрущевского" времени и попытались

представить свои критические замечания, свой протест на таком общественном мероприятии, как День физика, который был учрежден по специальному решению X Комсомольской конференции Физического факультета (ФФ). Постановили считать Днем физика день рождения Архимеда, а его днем рождения постановили считать 7 мая 287 г. до н.э. Праздник Архимеда узаконили, начали проводить его каждый год, и состоял он из трех частей -

представления на ступенях ФФ, спортивного праздника и постановки оперы «Архимед» в ДК МГУ. В 1961 году в СССР приехал с официальным визитом великий физик Нильс Бор и его пригласили на Праздник. Когда он в сопровождении Ландау и Капицы шел по ступеням лестницы факультетского корпуса к гостевым местам, где уже сидели "киты" отечественной физики, зрители, ошалевшие от увиденного, скандировали: "Нильс Бор! Нильс Бор! Нильс Бор!" Празднество оказалось грандиозным. На ступени лестницы вывели сотню студентов физфака в простынях, они представляли мыслителей Древней Греции, затем по лестнице прошли студенты, изображавшие великих ученых в костюмах Архимеда, Ньютона, Резерфорда, Попова, проследовал Рентген в черном тренировочном костюме с наклеенными белыми ребрами. Тексты были смешными, но достаточно безобидными. По окончании Нильс Бор сказал несколько слов, его переводил Ландау. Праздник продолжили шествием, впереди на четырехколесной тележке везли Ландау, рядом с ним взгромоздились Ведущий и Архимед с зажженными факелами, следом за ними шли гости, студенты, зрители. Я прошел с толпой вокруг физфака, а затем вернулся на работу, на БЭСМ. Праздник же продолжился,

через полчаса на стадионе начался матч студенты-преподаватели, а вечером в ДК состоялась опера. Я не был на постановке, но говорили, что Нильс Бор после просмотра вошел на сцену и сказал примерно такие слова: "Если студенты способны на такую же изобретательность и остроумие в физике, то за будущее физики я спокоен".

На следующем Празднике Архимеда ни Нильса Бора, ни Льва Давидовича Ландау уже не было – Бор скончался в 1962, в этом же году Ландау попал в автомобильную катастрофу по дороге из Москвы в Дубну. Несмотря на очень серьезные ранения, в результате принятых экстренных мер, жизнь Ландау удалось спасти, но после аварии заниматься полноценной научной деятельностью он уже не смог. Академик Ландау считается легендарной фигурой в истории советской и мировой науки, вклад, который Лев Данилович внес в развитие физики как науки, невозможно переоценить, научное наследие выдающегося физика-теоретика поражает своим разнообразием. Помимо науки, Ландау известен как шутник и выдумщик, как герой различных юмористических историй. Единственной не физической теорией Ландау была теория счастья. Он считал, что каждый человек должен и даже обязан быть счастливым и вывел простую формулу счастья. Я не был знаком с Львом Давидовичем, но долгое время наблюдал за ним на семинарах академика Петра Капицы в Институте физических проблем, которые я начал посещать сразу же по приезде в Москву. Перед началом заседания атмосфера в зале всегда была приподнятая, но с появлением подвижной, немного сутулой фигуры Ландау зал концентрировался в ожидании очередного мозгового штурма. Чрезвычайно остроумные и меткие реплики Ландау по ходу докладов и обсуждений придавали каждому выступлению особую привлекательность. Было больно наблюдать уход этой гениальной личности в последние годы его жизни. Мы были приписаны с ним к одной и той же академической больнице и, посещая врача, я несколько раз встречал на дорожках больничного парка жену Льва Давидовича – Кору. Она везла перед собой медицинскую коляску, в которой в нелепой позе сидел выдающийся ученый своего времени.

Что касается "Капишника", так назывался только что упомянутый семинар, проводившийся по средам академиком Петром Леонидовичем Капицей, то обстановка на нем была потрясающая. На семинар меня первый раз привел сосед по черемушкинской обще физик-теоретик, принятый в аспирантуру к самому Ландау. Мой приятель представил меня, и Капица поинтересовался направлением моих исследований и с кем конкретно я взаимодействую в ФИАНе. Чаепитие, непринужденный обмен мнениями, доброжелательное отношение участников друг к другу, разнообразная тематика заседаний,

личные достоинства самих докладчиков развивали самостоятельное мышление, знакомили с современными проблемами, поднимали всевозможные острые вопросы, касающиеся развития науки. Помню, когда официально кибернетика еще продолжала оставаться лженаукой и служанкой империализма, Капица предоставил трибуну специалисту по искусственному интеллекту. Высоко оценивая влияние семинаров Капицы на мое формирование, я вспомнил замечательные студенческие чаепития на кафедре общей физики моего родного университета и порадовался тому, что мне часто встречаются люди, способные щедро раздавать душевную доброту так, как это делал на своих еженедельных сборищах Петр Леонидович Капица.

На Празднике Архимеда я случайно встретил своего сокурсника по университету Славу. Он сказал, что учится в аспирантуре Физического факультета МГУ и предложил встретиться, намекнув, что у него есть предложение, которое может оказаться заманчивым для меня. Я пригласил его к себе в Черемушкинскую общагу, через день он приехал: мы распили, не спеша, бутылочку вина, рассказывая друг другу о событиях в нашей жизни и жизни наших однокурсников, произошедших после окончания университета. Что касается его предложения, то он сообщил, что большинство аспирантов получают стипендию и подрабатывают, занимаясь преподавательской деятельностью, в частности, он преподает математику на Подготовительном факультете для иностранных граждан. Однако недавно он узнал, что его ученики-иностранцы могут оказаться инфекционными больными и при контакте могут передать ему эти заболевания. Особенно его почему-то пугала проказа, потому что у последней, по его данным, инкубационный период составляет 20 лет. Получив эту информацию, он решил немедленно уволиться, но ему сказали, что уход посреди учебного года означает, что ему не дадут больше направления и не примут на подобную работу в МГУ никогда. Чтобы все-таки уйти с работы, но не стать таким лишенцем, необходимо привести вместо себя другого, и он предложил мне занять его место преподавателя математики, если меня не смущает контингент учащихся. Говорил он совершенно серьезно и чувствовалось, что он сильно напуган. Я попытался его успокоить, сказал, что камень с крыши может упасть на каждого, что в Африке не все больны проказой, что здоровье африканцев, пересекающих границу, контролируется и т.п., но Слава был неумолим, и я дал согласие на работу, тем более, что два "болванчика", которых я репетировал по физике, прервали занятия, а деньги, как известно, нужны всегда.

На следующее утро мы встретились в деканате Подготовительного Факультета, я предъявил все необходимые документы и был тотчас же, без помех, принят на работу. Завершив формальности, организатор занятий, мой друг Слава и я прошли в аудиторию, где меня уже ожидал первый студент, Слава с благодарностью крепко пожал мне руку и, не заходя в аудиторию, покинул нас. Организатор представил меня африканцу, сказал, что сегодня у меня будет шесть уроков подряд, а расписание занятий на всю неделю он занесет попозже и тоже удалился. Таким образом, я совершенно неожиданно, что называется, с места в карьер начал готовить кадры для нарождающихся африканских демократий. Работа оказалась легкой, как говорят, "не пыльной" и прилично оплачиваемой. Африканские студенты обучались в группах по 3 человека, кубинские – по 5-8 человек. Африканские ученики утверждали, что до приезда в Советский Союз, на родине, они учились в течение тринадцати лет и намереваются в университете изучать финансы. К сожалению, их реальная математическая подготовка была невысокой и позволяла им производить арифметические действия с числами, и ничего более. Так что им предстоял долгий путь до достижения конечной цели – стать финансистами. В кубинских группах было много жен кубинских офицеров, осваивавших советские вооружения, которые власти собирались разметить на Кубе. Известно, что эти планы частично были реализованы и привели к политическому и военному противостоянию между СССР и США, известному, как Карибский кризис. Кубинские студенты математику знали неплохо, так что их можно было быстро подготовить к поступлению в Университет. Мне нравились наши занятия математикой. Я получал удовольствие, наблюдая ритмичные национальные танцы, которые они регулярно под громкую музыку исполняли в перерывах между уроками в коридоре и на лестничной площадке. Студенты были мною довольны, факультетское руководство – тоже. Я проработал с абитуриентами около двух лет, и благодаря дополнительному заработку, который я у них получал, мой материальный статус окреп и стабилизировался.

Я, как мог, обновил свой убогий гардероб. Среди покупок одежды выделялся элитный бельгийский костюм в полоску, в котором я выглядел, как иностранец. Для меня это был совершенно непривычный наряд. Дело в том, что военные и послевоенные годы были временем, когда большая часть населения страны жила в бедности. Вопросы моды, качества питания, поведения в обществе отступили на второй план. Важно было одеться так, чтобы было тепло, раздобыть необходимые продукты, чтобы не быть голодным, и абсолютно неважным было, как ты выглядишь и ведешь себя.

Понятия моды и манер отступили на второй план. Такой была общественная точка зрения. Придумано даже было оправдание для пренебрежительного отношения к вопросам этикета. Мол, для дворянского сословия изысканные одеяния и манеры были доступны, потому что дворянское сословие было малочисленно. А для нашего социалистического общества, где все равны и нет избранных привилегированных прослоек, такая практика неприемлема. Конечно, всё это чушь, и через некоторое время рост благосостояния привел к расслоению общества, и красивая одежда и достойные манеры снова стали востребованными. Но поколение людей, обожженное войной, послевоенной разрухой и сопутствующей бедностью, в своей массе осталось в стороне от такой важной нормы нашей цивилизации, как модная одежда и манеры общения. Меня также не миновал этот недостаток, и я, как правило, одеваюсь небрежно и выгляжу, как "шлепер", а на встречах, застольях, приемах не очень умело ворочаю столовыми приборами и испытываю чувство неловкости. Поэтому на вопрос: владею ли я правилами хорошего тона, отвечу, что я – не комильфо. С другой стороны, я человек деликатный и вежливый, а правила хорошего тона в разных условиях и ситуациях могут отличаться. Граница, отделяющая дозволенное от запрещенного, очень размыта, и я предлагаю читателям самим решить приняты ли в приличном обществе мой внешний вид, моё поведение и мои манеры. Надеюсь, что вам в этом поможет старый, времен войны, анекдот:

Офицер пригласил девушку в ресторан. Делает заказ официанту, и среди прочего, просит принести бутылку шампанского. От такой щедрости кавалера дама приходит в экстаз и в восторге лепечет слова благодарности: "Как Вы угадали мой вкус? Я безумно люблю шампанское! Мне это вино напоминает свежие цветы, душистые и нежные! Шампанское всегда размягчает мне душу". - и после короткой паузы, как бы извиняясь, добавляет: "А после пива я всегда пердю".

Прошу простить, что в текст литературного произведения просочилось нецензурное слово. Я мог бы заменить его на более употребительное "пукаю" или "порчу воздух", но тогда акцент анекдота сильно сместится, и мы вообще не сможем понять, кто же из нас комильфо - дама, я, Вы или офицер? Если возвратиться от анекдота к моей тогдашней жизни, то следует отметить, что московская жизнь отложила отпечаток на мой внешний вид и поведение в обществе, но в душе я остался провинциальным, скромным человеком, не испорченным блеском и мишурой столичного существования. Однако, иногда, я отмечал в себе стремление освоить светские манеры и образ жизни, и если

появлялись возможности, то пытался выглядеть франтом. Насколько мне это удалось, можно судить по салонной фотографии, где я снят в велюровой шляпе и в пальто из английского шевита. В таком, как сейчас говорят, "прикиде" не стыдно было посетить премьеру в театре "Современник", сдать в раздевалке верхнюю одежду и продемонстрировать импортный костюм и шикарную кожаную обувь. К этому времени я уже стал не только завсегдатаем "Современника", но и постоянным зрителем на знаковых премьерах в других театрах, на гастролях зарубежных коллективов. К столичным соблазнам привыкаешь быстро. Разнообразие во всем, широта возможностей, особенный ритм жизни, активность общества и прочие черты, присущие Москве, привлекают и засасывают одновременно. События наполняют жизнь содержанием, и ты уже не представляешь, как без всего этого можно обойтись.

Предстоящий переезд в Новосибирск начал страшить меня. Приближалось к

завершению строительства институтского корпуса, ожидалась сдача в эксплуатацию части жилого фонда для сотрудников, так что в течение года я мог получить приглашение на постоянную работу в Сибирь. Никаких юридических или моральных обязательств по отношению к Институту теплофизики у меня не было, поэтому можно было просто уволиться и перейти на работу в Москву, но для этого необходимо было иметь московскую прописку, а получить её можно было только женившись на москвичке. Именно так поступил мой коллега Сергей, который устроил меня на работу в СО АН, а затем вскоре после свадьбы уволился из

СО и уже, как законный москвич, поступил на работу в МГУ. У меня на тот момент не было невесты – коренной москвички, поэтому я решил пойти другим путем – поискать работу в Московской области. Дело в том, что в эти годы многие ведущие научно-исследовательские институты столицы создавали свои филиалы в Подмоскovie, и руководству институтов было предоставлено право прописывать нанимаемых в институт специалистов в Московской области. Институтов, заинтересованных в таких сотрудниках, как я, хватало, институтов, в которых проводимые работы совпадали с моим научным профилем, также было достаточно, но передать свое личное дело для рассмотрения я должен был через те подразделения, которые были заинтересованы в моем участии в их работах. Исследования, в которых я мог

принимать участие, относились к категории секретных, и, когда мои документы поступали в отдел кадров на оформление, то, в соответствии с директивой, предписывавшей ограничивать доступ лиц моей национальности к подобным работам, моему приему на работу чинились препятствия.

Окончательное решение о приеме на работу зависело от позиции работодателя – директора института или начальника отдела. Работодатель должен был быть крайне заинтересован в использовании специалиста в работах института, он должен был быть человеком порядочным, человеком влиятельным, способным "продавить" свое решение через кадровиков. Иногда в противостоянии кадровикам выявляются руководители принципиальные, просто не желающие мириться с проявлениями антисемитизма и добивающиеся справедливости. В результате каждое трудоустройство еврея на работу сопровождалось драматической борьбой между отделом кадров и администрацией института.

Я отправил или передал через друзей свои документы не менее, чем в десять институтов, набирающих на работу специалистов с предоставлением областной прописки и расположенных в Реутово, Серпухове, Долгопрудном, Зеленограде, Красногорске, Загорске и других городах области. Во всех этих институтах имелись благоприятные условия для немедленного привлечения моих знаний и опыта при выполнении проводимых ими работ. Тем не менее из большинства институтов последовали отказы с нелепыми, смехотворными или абсурдными объяснениями причины отказа, но никто из них не признался, что единственным мотивом являлась моя национальность. Исключение составили три института, которые пригласили меня на собеседование и после этого приступили к дальнейшему оформлению на работу. Кратко расскажу о каждом из них. Институт химической физики (ИХФ) АН, возглавляемый академиком Семеновым Н.Н., завершил строительство в Черноголовке своего филиала и начал набирать кадры. Собеседование у директора филиала, на котором присутствовали и задавали вопросы его помощники, я прошел успешно. Меня попросили подвезти недостающие бумажки и сказали, что после получения допуска, я буду зачислен на должность младшего научного сотрудника. Такой же ответ получили еще два соискателя из пяти, приехавших на встречу с директором. Я обменялся с ними телефонами, и через месяц мы втроем приехали в Черноголовку. Любезный кадровик сообщил, что проверка еще не завершена, что бюрократическая система Президиума АН работает медленно, но верно, и просил еще подождать. Отрадно было лишь то, что проволочка в оформлении распространялась одновременно на меня и моих молодых русских коллег, т.е. можно было ожидать, что задержка не связана с антисемитскими

ограничениями. С другой стороны, вызов из Новосибирска мог прибыть со дня на день, а уволиться хотелось до его получения. Но увольнение из СО АН означало выселение из Черемушкинского общежития и потерю московской прописки, так что неопределенность с приемом на работу в ИХФ АН создавала напряженность.

Вторым институтом, приславшем мне приглашение на собеседование, был ведомственный институт "Импульсные источники света". Его научным руководителем являлся основатель института, физик с мировым именем и изобретатель Иммануэль Самуилович Маршак – сын выдающегося советского поэта, драматурга и переводчика Самуила Маршака. Для собеседования Иммануэль Самуилович предложил встретиться на квартире отца на улице Чкаловской. Дверь он открыл мне сам и, наблюдая за мной, пока я неумело раздевался у вешалки, произнес: "Отец в таких случаях подбадривал гостя, сообщая ему, что в борьбе с пальто всегда побеждает человек." Я выразил ему соболезнование по поводу безвременной кончины его отца, сказал, что я воспитан на стихах поэта и являюсь поклонником его творчества. Иммануэль Самуилович показал, что в квартире он сохраняет всё в том виде, как это было при жизни отца, сказал, что вынашивает планы создания мемориала С. Я. Маршака. Мы прошли в кабинет и расположились за стоящим в стороне журнальным столиком. Собеседование было стандартным, я рассказал о себе, о своих работах, подарил ему отдельный оттиск моего обзора в УФН, полистав который, он сказал, что это выглядит веселее, чем визитка с вензелями. Узнав, что я знаком с его монографией "Импульсные Источники Света", спросил, как могут быть использованы мои умения для развития идей, изложенных в его книге. Ответом он остался доволен и сказал, что хотел бы видеть меня сотрудником своего института, но предупредил, что потребуется ряд согласований для принятия решения о приеме меня на работу и в заключение попросил меня позвонить через недельку-другую. Из последующих звонков я понял, что Иммануэль Самуилович испытывает всё возрастающие трудности при согласовании моей кандидатуры, и в конце концов, он признался мне, что не в состоянии принять меня на работу, хотя очень желает и мечтает сотрудничать со мной. По его настоянию, через несколько месяцев, когда я уже успешно работал в другом институте, у нас состоялась короткая встреча не в отцовской, а в его собственной квартире на Новопесчаной улице. Дверь открыла его жена – красивая женщина с умными глазами, мы пили чай с дачным вареньем, и Иммануэль Самуилович рассказывал о публикации литературного наследия С. Я. Маршака, а при прощании вручил свою обещанную мне научную монографию с трогательной дарственной надписью.

Позднее я узнал об интригах в институте и травле ученого, которые проливают свет на описанные события. Дело в том, что в это время руководство ведомства, которому принадлежал институт И.С.Маршака, начало проводить целенаправленную политику по лишению ученого возможности возглавлять созданный им научно-исследовательский институт. Они постепенно забирали у него те или иные функции управления коллективом института, отнимая директорские полномочия. Следуя этому плану, они забрали себе решение институтских кадровых вопросов. Когда при создании в институте нового отдела И.Маршак подобрал для трудоустройства группу специалистов, в которую также был включен и я, они в приказном порядке вообще прекратили в институте прием на работу. Затем добавились новые ограничения и запреты, сопровождавшиеся конфликтами, и в последние годы жизни ему и вовсе воспретили заниматься наукой. Прожил Иммануэль Самуилович Маршак всего лишь 60 лет. Это был человек редкой отзывчивости и порядочности, обширнейших знаний по физике и литературе.

Глава 12

Космос

Странным, но, к счастью, удачным стечением обстоятельств следует назвать мою третью попытку устроиться на работу в институт, из которого я также получил приглашение на собеседование. Приглашение было отправлено из Филиала всесоюзного научно-исследовательского института электромеханики (ФВНИИЭМ), который был недавно построен в небольшом подмосковном живописном городке Истра. Институт имел лимит на прописку наемных сотрудников и разворачивал для них жилищное строительство. Администрация широким фронтом набирала выпускников ВУЗов, главным образом, столичных, и иногородних специалистов высокой квалификации. Теперь из-за срока давности можно открытым текстом сказать, что Истринский филиал ВНИИЭМ планировал заниматься космосом, вычислительной техникой, специальными источниками питания в основном для военных применений.

Головной институт находился в сказочной древнерусской усадьбе князей Юсуповых, расположенной неподалеку от Садового кольца, рядом с метро

"Красные ворота" по адресу Хоромный тупик 4. В центре усадьбы располагалось большое двухэтажное здание, построенное в конце XVIII века. Боковые флигели выполняли вспомогательное назначение, они формировали парадный двор, который необходим для комфортного подъезда конных экипажей к главному входу здания. На его первом этаже справа располагался большой кабинет со сводчатыми расписными потолками, в котором работал главный конструктор и директор института Андроник Гевондович Иосифьян. В этом же крыле размещалась администрация института. Слева от входа находился невероятной красоты зимний сад, библиотека и информационные службы. Нарядная парадная лестница вела на второй этаж здания, где находились просторные и нарядные залы, в которых в былые времена устраивались светские приемы и театральные представления, а теперь проводились заседания ученого совета, собрания сотрудников института, праздничные мероприятия. Архитектурный ансамбль дворцового комплекса формировался веками, внутреннее убранство, облик помещений, интерьеры парадных залов многократно видоизменялись. Это наложение сказалось на художественном стиле дворца, и поэтому некоторые искусствоведы считают его эклектичным. Тем не менее дворец относится к памятникам старины и охраняется государством. Расположенный на территории комплекса институт с опытным производством (ВНИИЭМ) был создан в военное время осенью 1941 года для разработки и быстрее выпуска электротехнических средств для обороны страны, прославился своими научными и трудовыми достижениями и внес большой вклад в победу в Великой Отечественной Войне. Зародившееся в военное время на территории усадьбы производство разработало и испытало в бою фантастические виды вооружений, отличающиеся редкостной изобретательностью и эффективностью. Люди, знакомые с выпускаемыми изделиями, называли предприятие "заводом Жюль Верна", а с годами институт обрел славу "электротехнической империи Иосифьяна".

К моменту моего трудоустройства в Истринский филиал, головной институт уже был на передовых позициях в таких важных развивающихся областях как космические исследования, атомная энергетика, вычислительная техника. Для выполнения этих работ необходимым стало расширение института путем создания филиала за пределами старой территории. Строительству Истринского филиала, формированию его научных структур, оборудованию производства, обеспечению кадрами, управлению и контролю администрация головного института уделяла много внимания. Любопытной особенностью кадров института являлось большое число армян в его составе. Когда я делился

со своими друзьями планами устройства на работу во ВНИИЭМ, то многие из них спрашивали, владею ли я армянским языком, потому что, по их сведениям, совещания и семинары в институте проходят на армянском языке. Я понимал, что это преувеличение или, скорее всего, шутка, но в каждой шутке обычно зарыта доля истины. Когда я уже начал работать, то установил, что и в Истринском филиале процент сотрудников-армян также превышал среднестатистические цифры по стране. К их чести, следует сказать, что насыщение коллектива армянами ни в какой мере не отразилось на абсолютно интернациональных отношениях между сотрудниками. Кстати, и для евреев во ВНИИЭМе наблюдался перекося: их число существенно превышало процентную норму, установленную свыше для коллективов оборонных и секретных предприятий. Такие национальные особенности коллектива являлись следствием политики в подборе кадров, которой придерживался директор института. А.Г.Иосифьян был человеком исключительно порядочным, лишенным националистических предрассудков, он предпочитал общаться с людьми одаренными, и если ему на пути встречался талантливый человек, то он считал своим долгом предоставить ему возможность реализовать свои способности и принимал его на работу. Говорят, что порядочные и смелые люди выявляются при любых условиях и директивах. И тогда в море неприятия евреев появляются либеральные островки, не приемлющие антисемитизм. В области спецтехники одним из таких островков был институт электромеханики, куда принимали людей с "неправильными" биографиями.

Прежде чем продолжить рассказ о том, как я нанимался на работу, я должен немного отклониться в сторону и вернуться к моим родителям. Во время моего переезда в Москву они уже не работали и постепенно привыкали к пенсионному распорядку. Пока я жил с ними, мое присутствие, мои интересы занимали их, с моим отъездом ощущение одиночества усилилось, появилось много свободного времени, и это очень тяготило их. Я регулярно звонил им из Москвы по телефону, один раз в году во время отпуска проводил с ними неделю-другую. Отец вскоре начал писать мемуары на идише, в апреле 1962 окончил написание и вскоре предпринял неудачную попытку их опубликования в журнале "Советиш Геймланд". Как я уже говорил, мемуары увидели свет только через сорок лет в Израиле в переводе на русский язык. Мама помогала отцу при написании книги, он читал ей отрывки, и она напоминала ему события, которые им пришлось пережить в начале их совместной жизни. Мама с выходом на пенсию ещё чаще стала жаловаться на свои недомогания. В былые времена, когда мама ещё работала, она на летние

каникулы выезжала отдыхать к морю или подлечиться в санаторий. Достать профсоюзную путевку на лечение было трудно, но в Москве у меня появилась возможность покупать путевки в хорошие санатории за полную стоимость, и я каждый год предоставлял ей возможность подлечиться, что, по её словам, помогало ей не болеть в течение года.

Сейчас, во время моих попыток найти работу в Подмоскowie, она как раз проходила лечение в военной санатории для больных с сердечными заболеваниями. Каждую неделю я звонил по телефону папе домой, а маме в санаторий, и информировал их о состоянии дел с моим трудоустройством. Они были большими приверженцами идеи зацепиться за Москву, так как считали, что из столицы в Днепропетровск скорый поезд домчит меня в случае срочной необходимости за ночь, а в Сибири я буду полностью от них отрезан. Учитывая их интерес к проблеме, я детально описывал им все места, куда я направил свои документы, приводил подробности переписки и переговоров. В начале последнего моего звонка мама перехватила у меня инициативу и взволнованно, на одном дыхании рассказала, что в санатории она сидит во время еды за одним столом с пожилой интеллигентной супружеской парой из Москвы, что за прошедшие три недели она подружилась с ними, что они вместе ездят на экскурсии, слушают музыку, что у них совпадают вкусы, что замечательная певица Капитолина Лазаренко близкая подруга её друзей и многое другое. Но главное, на что она обращала мое внимание, что в этой паре Ксения уже вышла на пенсию, а её муж Константин, армянин по национальности, еще продолжает работать в городе Истра как раз в том электрическом институте, куда я направил свои документы и откуда я получил приглашение на встречу. Совпадение казалось странным, но, уточнив детали, мы убедились в достоверности информации. Когда я позвонил в санаторий на следующий день, то мама сказала, что во время беседы за обедом она выразила свою обеспокоенность по поводу моего трудоустройства, связанную с существующими ограничениями для евреев при приеме на работу, на что Константин ответил, что ничего подобного у них в институте не было и не может быть. Встречаются же такие наивные люди, - прокомментировала мама, - и добавила, что Константин предложил свою помощь. Он сказал, что на следующей неделе в понедельник он выйдет из отпуска, дал свой рабочий телефон и попросил, чтобы я позвонил хотя бы за день до собеседования. Ксения тоже успокоила маму, сказав, что Костя - влиятельный человек, проработал в этой системе 25 лет, а директор главного московского института Андрон его друг детства. Интрига с моим зачислением в институт закручивалась, как тугая пружина.

В кабинет директора на беседу со мной пригласили настоящее ассорти из представителей многих национальностей. С начальником отдела, русским парнем, который поддерживал мою кандидатуру, я встретился и побеседовал заранее, с армянином Константином – маминым знакомым по санаторию - я познакомился в его кабинете. Он взял мои статьи, сказал, что покажет их заместителю директора по науке, профессору, осетину по национальности, и вместе с ним придет на собеседование. Когда мы все уселись за длинным столом в директорском кабинете, начальник отдела кадров с украинским акцентом зачитал мои анкетные данные и заявление. Мой старый сосед по общежитию, который теперь уже работал в институте и передал мои документы на рассмотрение, успел мне сказать перед совещанием, прямо в приемной у директора, что кадровик утром побывал у директора и рекомендовал не брать меня на работу, так как число евреев сотрудников института превысило все разумные пределы. Наконец, белоруса директора меньше всего интересовала и судьба нанимающегося на работу еврея, и научные задачи института, требующие привлечения высококлассных специалистов. Ему надо было до обеда смотаться на собственную дачу и полить помидоры в теплице, потому что жара стояла невыносимая. Что касается его отношения к евреям, то он не был антисемитом и считал, что они тоже люди и должны работать, но решение брать еврея на работу или нет, точнее ответственность за любое из этих решений на себя принимать не хотел. Когда я в двух словах рассказал о себе, русский, осетин, армянин с жаром выступили за то, чтобы взять меня на работу в институт. Возражений не было, и директор, выдержав паузу, попросил меня выйти и подождать в приемной. Когда я вышел, он обратился ко всем с просьбой оценить, так ли уж я необходим институту для решения плановых заданий, потому что Иван Александрович (так звали начальника отдела кадров) говорит, что наш лимит на прописку не беспределен, и, отдав лимит данному соискателю, мы в следующий раз просто не сможем принять более нужного специалиста. Все зашумели, утверждая, что я действительно необходимый для института специалист, и тогда директор протянул им мое заявление и попросил оставить на нем свое мнение. После всеобщего подписания, директор обратился к своему заму по науке Исмаилу Джанхотовичу и попросил его дописать, на какую должность он рекомендует меня зачислить, а затем вернул документ начальнику отдела кадров, дав устное указание оформить на работу. Все перешли в приемную, поздравили меня, а кадровик взял меня под руку и повел к себе в отдел. Мой предполагаемый оклад на должности старшего научного сотрудника превышал мою текущую академическую зарплату в два с половиной раза. На завтра приказ о приеме меня на работу уже был готов, и

вечером в честь этого события я устроил сабантуй в общежитии для моих друзей. Утром я отправил по почте директору Института теплофизики СО АН заявление с просьбой об увольнении и приложил покаянное письмо, в котором попытался как-то объяснить причину моего ухода из института и просил прощения у своих коллег.

Оглядываясь на последние месяцы активного поиска места работы в Подмоскowie, вспоминая издевательские отписки чиновников, отсутствующее выражение их лиц во время отказа в приеме, извинения коллег, пытавшихся помочь мне, но не сумевших преодолеть антисемитское сопротивление, я понимаю, насколько велик был шанс остаться, как говорится, с носом. Я давно заметил, что в самых трудных ситуациях находятся славные, порядочные, принципиальные люди, способные отстаивать свои убеждения, которые в нужное время придут на помощь. По опыту моей жизни я не имею права жаловаться - мне всегда везло на таких людей. Вот и в этот раз - позитивным результатом своих поисков работы я обязан тому, что живу в окружении благородного человеческого сообщества. Итак, переломный момент в моей биографии наступил – московский академический период научной деятельности окончился, место работы изменилось, иными должны были стать и мои занятия. Каковы будут результаты моего труда в прикладном научно-исследовательском институте, где сущность и формы представления проектов радикально отличаются от академических? Как правило, ученые и инженеры во всем мире через 10-15 лет меняют направление исследований, форму занятости, переходят из одной промышленной фирмы в другую, и т.п. Эти переходы отражают рост профессионализма, изменение научных интересов, желание поменять регион проживания. Эти личные предпочтения считаются нормой и приветствуются в свободном обществе, так как являются признаком развития человека. В этом смысле мой переход на проектную работу, расположенную в изумительном природном заповеднике, находится в общечеловеческом тренде. За время трудовой деятельности я сменил педагогическую работу в высшем учебном заведении на исследовательскую в институте АН, и сейчас переходил на инженерную деятельность. Однако, обусловлены мои перемещения были не моими предпочтениями, повышением квалификации, сменой интересов или охотой к перемене мест, а были они связаны с преодолением преследований и запретов, непрерывно создаваемых государственной антисемитской системой.

Мои друзья по Черемушкинскому общежитию называли институт, в который я устроился на работу, шарагой. Слово "шарага", означающее учреждение, не вызывающее доверия, обрело в Советском Союзе ещё один смысл в виде

разговорного названия Научно-Исследовательского Института или Конструкторского Бюро (НИИ или КБ) тюремного типа. Подобные НИИ и КБ подчинялись органам внутренних дел, и работали в них осужденные учёные, инженеры и техники. Через шарашки прошли многие выдающиеся советские учёные и конструкторы. Основным направлением их деятельности была разработка военной и специальной техники. Множество новых моделей вооружений в СССР были созданы заключёнными шарашек. В дальнейшем значение термина "шарашка" расширилось, и в обиходе люди моего поколения уже применяли это слово при обозначении закрытого исследовательского или проектного учреждения, занимающегося оборонными или другими секретными проблемами. Насколько я знаю, ВНИИЭМ, строго говоря, не был шарагой, потому что не использовал труд заключенных, но по тематике, по закрытости, по размаху проводимых работ относился к шарашкам, хотя это и было первоклассное, прекрасно оборудованное и укомплектованное высокопрофессиональными кадрами исследовательское и проектное учреждение. Поэтому, когда я называю мой институт шарагой, то вкладываю в это слово ласкательный и уважительный смысл – ведь я проработал в Истринском институте 28 лет. Следует признать, что Истринский филиал ВНИИЭМ во всех отношениях - административном, научном, финансовом - зависел от головного института, и это подчиненное положение сохранилось до сих пор.

На момент моего поступления на работу научная и производственная деятельность, тематика проводимых работ и перспектива развития обеих

А.Г. Иосифьян

институтов определялась директором ВНИИЭМ Андроником Гевондовичем Иосифьяном, который был крупнейшим советским учёным в области электротехники, был одним из основоположников советского ракетостроения и космонавтики. По определению отца советской космонавтики Сергея Королёва, Иосифьян являлся просто "главным электриком всех ракет". А другой советский конструктор ракетно-космических комплексов из моего родного Днепропетровска, академик М.Янгель, в шутку называл его "верховным электриком всех армян" (по аналогии с "католиком всех армян"). А.Г.Иосифьян относился к плеяде ученых, изобретателей и конструкторов, связанных с военной техникой, которые в те времена были строго засекречены. Его имя долгие годы скрывали от

общественности, так что даже свои теоретические публикации он вынужден был подписывать псевдонимом "профессор И.Андронов". Успешно обеспечив космические ракеты электротехнической аппаратурой Иосифьян пожелал создать собственный спутник Земли, получил разрешение и осуществил свою мечту, самолично запустив на орбиту (с северного космодрома Плесецк) свою уникальную космическую электротехническую лабораторию – спутник "Омега", который в отличие от его предшественников, использующих для ориентации газореактивные двигатели, был снабжен трехосной электромеханической системой ориентации с питанием от солнечных батарей. С этого времени создание космических аппаратов гидрометеорологического направления, аппаратов для мониторинга окружающей среды из космоса, аппаратов для фундаментальных научных исследований стало на долгие десятилетия важным видом деятельности ВНИИЭМ и его филиалов. Для лучшего понимания свойств космического пространства и поиска новых возможностей их использования для практических целей Иосифьян организовал научный семинар по физике космоса, который возглавил профессор Кирилл Петрович Станюкович, приглашенный директором на работу специально для этой цели. Я сразу же включился в работу семинара вместе с десятком остепенившихся и не остепенившихся аспирантов - физиков из МГУ, которых Андроник Гевондович также принял на работу в Истринский филиал, используя лимит на прописку. Работали мы, разумеется, в головном институте, и под расписными сводчатыми потолками Юсуповского дворца постигали закономерности космического пространства. К.П.Станюкович был человеком исключительной одаренности и загадочности. Когда он появился во ВНИИЭМе после смены десятка других мест работы, за ним тянулся таинственный шлейф автора очень глубокой фундаментальной монографии по теории взрыва, оригинальных идей в области гравитации, шлейф, украшенный чьей-то эпиграммой:

Я – гений Станюкович,
Я к трудностям привык,
Передо мной Зельдович
Склонился и поник.

Если учесть, что Яков Зельдович был самым засекреченным академиком, главным теоретиком термоядерного оружия, то стишок получился далеко не шуточным. Кирилл Петрович человеком был подвижным, резким в движениях и высказываниях, стригся "ёжиком", поэтому выглядел, как эзк, недавно выпущенный из тюрьмы, Характер имел отвратительный, ругался со всеми, кто попадалось ему на пути, с коллегами, учениками, но особенно любил

ссорится с начальством. Комната, где мы работали, находилась рядом с его кабинетом, и через всегда приоткрытую дверь я часто слышал, как он конфликтует по телефону:

- Вы знаете, батенька, кто Вы такой? Вы - интендант от науки...Нет, Вы – интендант от инфантерии. Ать-два, Ать-два, Ать-два,.. Нет, вы - не начальник отдела, вы – не профессор, вы – держиморда, Вам только сапожным складом управлять. Вы говорите, что Ваш шеф – почти академик, заблуждаетесь, милейший, Ваш шеф сможет стать действительным членом только тогда, когда его член станет недействительным! Ха! Ха! Ха! Вот так-то, любезнейший!

И далее продолжал беседу в такой же оскорбительной манере. В такие моменты предмет спора его более не занимал, а интересовала только сама перепалка. Разумеется, скандалил он не всегда, а в процессе обсуждения научно-технических задач был корректен и остроумен. Несмотря на большие заслуги, его в Академии Наук за строптивость несколько раз проваливали на голосованиях, лишали званий и заслуг. Упомянутый семинар по космической физике под его руководством проработал несколько лет, подпитываемый кипучим энтузиазмом Иосифьяна. Время тогда было романтическое, как сейчас говорят, время первых, начало космической эры, новые аспекты открывались в космосе для исследователей и разработчиков. На заседаниях семинара обсуждались разнообразные космические проблемы. Темы, важные для проектирования, выносились на совет главных конструкторов отдельных систем спутника, совещание вел Главный Конструктор метеоспутника А.Г.Иосифьян в своем кабинете. Кабинет директора располагался во дворце Юсупова справа от парадного входа, помещение почему-то предназначалось для прислуги, но представляло собой просторный зал с декорированными стенами и высоким потолком, который был расписан пышнотелыми рубенсовскими женщинами каким-то известным русским художником. Достаточно серьезно обнаженные красавицы, витали в полете, скудное одеяние также полоскалось за ними по небу, оставляя большую часть их телес неприкрытой. Во время семинара не только я, многие его участники не могли себе отказать в удовольствии полюбоваться мастерством живописца. Тем не менее именно меня однажды пожурил Андроник Гевондович, обронив шутливо в конце заседания: "Фред, прекрати глазеть на голых баб". Когда я в очередной раз проштрафился, то уже немного освоившись и осмелев, я на замечание ответил, что наблюдение за летающими девушками помогает мне постигать тайны космического полета.

В кабинете Иосифьяна на заседаниях, посвященных принципам создания метеорологического спутника, я часто принимал участие в качестве эксперта. В процессе проектирования космического аппарата для каждой служебной системы - системы энергопитания, ориентации, связи, телеметрии и других – рассматривались различные компромиссные решения, и здесь, на совете главных конструкторов определялась и утверждалась оптимальная версия. Я участвовал в разработке системы терморегулирования, выпуске эскизного проекта и его защите на заседании совета. Руководила этой работой жена Андроника Гевондовича – Таисия Сергеевна, женщина лет сорока-сорока пяти, высокого роста, стройная и подтянутая. Она имела колоссальный инженерный опыт в тепловом проектировании электрических машин, говорила негромко, но уверенно, и я уверовал в правильность предложенного ею решения, провел массу расчетов и при завершении работы стал уже её правой рукой. Наша система отличалась исключительной простотой, в качестве теплоносителя использовался газ, которым был наполнен спутник, для оборудования спутника обеспечивались комфортные условия при полете на любых орбитах. В конкурирующем проекте использовался специальный жидкий теплоноситель, по нашему мнению, их система была неоправданно тяжелой, дорогой и ненадежной. Проектом руководила амбициозная дама, которую Иосифьян пригласил в институт на работу из КБ С.П.Королева. Поскольку один из проектов выполнялся женой Иосифьяна, и он опасался, что его могут обвинить в предвзятости, то проекты детально сравнивались на заседаниях в кабинете с разрисованными потолками в течение двух дней, участвовал независимый эксперт, который, как и другие голосующие члены совета, высказались в пользу нашего проекта. Наша команда ликовала, Таисия Сергеевна в институтском буфете за свой счет угостила всех шампанским, чашечкой кофе и пирожным. А в конце квартала мы получили достойную денежную премию.

В это же время произошел смешной эпизод, связанный с разработкой электромагнитной системы для сброса кинетического момента спутника. Работы ВНИИЭМ в космосе по использованию взаимодействия электрических токов с магнитным полем Земли признаны пионерскими, а магнитные системы, созданные в соответствии с изобретениями сотрудника института и моего друга Рудольфа Бихмана, до сих пор применяются на большинстве космических аппаратов, также, как и технологии изготовления магнитных катушек, длительное время успешно выдерживающих полет в открытом космосе. Так вот, в процессе разработки магнитной системы решили провести демонстрационный эксперимент на поверхности Земли, подтверждающий

воздействие земного магнитного поля на контур с током. Спроектировали крестовину из деревянного бруса с подставкой, напоминающую распятие в натуральную величину. По контуру крестообразной части проложили несколько витков электрического провода, и заказали изготовление макета в Истринском филиале, благо здесь уже всю действовала отменная столярная мастерская. Нормальных дорог на территории института тогда ещё не было, пространство вокруг главного корпуса представляло сплошное грязевое поле, и чтобы пройти по нему, надевали высокие резиновые сапоги и накидывали на себя брезентовый плащ. В таком наряде с трехметровым крестом на спине грузчик начал двигаться в направлении лабораторного корпуса, где готовились испытания макета, привлекая необычностью переносимого груза внимание все большего числа сотрудников института. Когда заместителю директора по режиму доложили о происходящем – он, прихватив двух вооруженных пистолетами служивых, быстро двинулся наперерез ничего не подозревавшему нарушителю спокойствия. Своим грозным видом и окриками замдиректора заставил грузчика остановиться, для безопасности оставил охранников на расстоянии, приблизился к грузчику и потребовал объяснений. Нехотя опустив крест на землю, носильщик предъявил накладную с печатью, где рукой начальника столярки было написано: "Секретное изделие №3. Крест для профессора Станюковича." Вокруг группы с распятием собралась набольшая толпа зевак, и инцидент с "Крестом для профессора Станюковича" стал достоянием гласности и циркулировал в кулуарах на презентации магнитной системы, как забавный анекдот.

Вообще-то, всевозможные демонстрации достижений и приезды именитых гостей всегда являлись источником курьезов и забавных случаев. Помню первое представление электромобиля Андрею Кириленко - члену Политбюро ЦК КПСС при режиме Л.И.Брежнева. В центре огромной территории ФВНИИЭМ заранее подготовили заасфальтированную площадку на которой установили работающий макет электромобиля, выполненный на базе корпуса популярной в то время машины "Жигули". Оба капота были открыты, обнажив внутреннее оборудование представляемой модели. Пояснения давал начальник отдела, где разрабатывалась модель, а роль стендистки выполняла сотрудница отдела Нина – яркая женщина лет тридцати, хорошо сложенная с упругими привлекательными формами. Конечно, её внешность нельзя было назвать модельной, как это сейчас понимается для стандартных высоких девушек, но так, как она выглядела на презентации, в обтягивающей бёдра юбке, с ярким макияжем, в импортных туфлях на высоченных каблук, она для настоящих мужиков была намного привлекательней, чем модные тощие

вертихвостки. В Советском Союзе представительский легковой автомобиль высшего класса ЗИЛ часто использовали члены правительства и других властных структур, поэтому в народе такие машины называли "членовозами". Именно в таком лимузине на нашу площадку въехала вельможная персона со своей свитой. Высадившись, они окружили электромобиль, выслушали пояснения, и, когда распорядители отвели гостей на безопасное расстояние, появилась улыбающаяся Нина, помахала всем рукой, закрыла капоты машины и, эффектно показав свои стройные ноги, уселась на место водителя. Через несколько секунд электромобиль не спеша тронулся, набрал скорость и, завершив на глазах гостей путь по кругу, вернулся на место стоянки. Из машины буквально выпорхнула Нина, показала руками, что горловина для заливки бензина у машины отсутствует, и вновь щедро улыбнулась, Публика захлопала и тогда Кириленко, кивнув на Нину, спросил у рядом стоящего директора, кто выполнял роль водителя, и директор ответил, что она старший инженер, специалист по аккумуляторам. Подумав, Кириленко спросил, не может ли товарищ инженер показать, удобно ли сидеть не только на водительском, но и на пассажирском месте, рядом с водителем? Когда Нине передали просьбу руководителя делегации, она быстро обошла машину, открыла дверку, лихо водрузила свою задницу на сидение, приподняв повыше ноги, втиснулась внутрь и захлопнула дверь. Спустя минуту, она уже стояла возле машины и поднятым вверх большим пальцем правой руки докладывала комиссии, что у неё нет претензий к пассажирскому месту.

Кириленко, чувствовалось, увлекся электромобильной тематикой и хотел немедленно подобным же образом исследовать удобство задних сидений машины, но ему намекнули, что до обеда остался один час времени, а проинспектировать необходимо еще состояние разработки спутника и работу системы энергопитания атомной подлодки. Забота о делах государства пересилила легкомысленные увлечения, комиссия уселась в "членовоз" и машина осторожно повезли их к испытательному корпусу. Тогда Кириленко был вторым лицом во власти, ближайшим другом вождя, сейчас он вызывает только жалость. Через год после визита к нам в институт его накрыла глубокая и чрезвычайно быстрая волна малярии, он пытался не признавать этого, но, когда Председатель КГБ Юрий Андропов все же убедил его, что пришло время подать заявление об уходе, он признался, что разучился писать, и попросил Андропова написать черновик заявления, а потом целый день переписывал его своим почерком. Его лишили всех постов, оставив право вести заседания комиссии по промышленности. На очередном заседании, подчеркивая свою лояльность власти, он отметил, что всегда действовал вместе с дорогим

Леонидом Ильичем Бежневым... Он хотел произнести: "в унисон", но, увы, склероз – забыл, и изрек: "в унитаэ". Не заметив оговорки, он, не останавливаясь, дочитал по бумажке свой спич до конца. Ему запретили где-либо появляться или выступать, но разрешили по просьбе Брежнева сидеть в доме ЦК на Старой площади в кабинете, не покидая его.

Мне довелось быть свидетелем еще одного забавного случая во время посещения Монтажно-испытательного комплекса (МИКа) какой-то высокой правительственной делегацией. МИК предназначался для проведения работ со спутниками типа "Метеор". В институте недавно завершили создание Автоматизированной системы проверок спутника (АСПС), которая позволяла без участия оператора, автоматически производить по программе всевозможные манипуляции с оборудованием внутри спутника, подтверждающие его работоспособность. МИК находился в помещении с высоким застекленным потолком, обеспечивающим яркое освещение в дневное время; в центре зала было выполнено углубление, в котором размещался сам спутник; на стене здания располагался балкон, с которого хорошо просматривалась внутренность зала; на полу, недалеко от спутника, находился главный экспонат сегодняшней презентации – наполненные электронными блоками стойки АСПС, на наружных панелях которых вспыхивали и гасли многочисленные цветные лампочки и индикаторы. Штатный спутник, проходящий испытания, расчехлили и подсоединили к АСПС, возбужденные разработчики системы проверок в белых халатах суежились возле АСПС, устраняя какие-то недостатки. Машина с делегацией уже была в дороге, когда во всем районе, прилежащем к институту, произошло отключение электричества. Доложили "Туда" и через некоторое время начальник МИКа получил указание "проводить испытания спутника без подачи питания" и готовиться к встрече гостей.

Начальник МИКа был человеком бывалым, поэтому абсурдное предписание не повергло его в панику. Первым делом он поднялся к себе в кабинет и сменил рабочую одежду на атласный элэгантный представительский костюм, в котором он в 1966 году сопровождал президента Франции Шарля де Голля на космодром Байконур на запуск метеорологического спутника. Это был первый случай, когда руководитель иностранного государства допускался на основной стартовый полигон страны. Визит де Голля считали историческим, а свой костюм начальник МИКа считал амулетом, приносящим удачу. В этом неотразимом костюме начальник МИКа зашел в буфет института, который легко переоборудовался в небольшой зал для приема гостей, и заказал обед

должного уровня для членов делегации и сопровождающих их сотрудников ВНИИЭМ. Спустившись в МИК, он приказал передвинуть шкафы АСПС немного назад, а на их место поставить две стойки другой контрольной системы, которые были укомплектованы аккумуляторами и во внешнем питании не нуждались. Когда испытательные стойки выкатили и включили, то их светящиеся элементы на панелях загорелись и забегали, как лампочки на елке. Мягкие кресла для гостей почистили от пыли и поставили на балкончике, откуда спутник было видно хуже всего. В дополнение к разработчикам АСПС, на испытательное поле вблизи спутника ввели еще десяток сотрудников в оранжевых халатах. Начальник МИКа поднес к губам ручной мегафон и прокричал: "Начинаем испытания", и все присутствующие в зале пришли в движение, имитируя кипучую деятельность, якобы связанную с проверкой спутника. В этот момент позвонили и сообщили, что гости прибыли. Не выпуская из рук мегафона, начальник МИКа вышел к ним на встречу, галантно поприветствовал, пригласил посмотреть реальные автоматизированные испытания спутника и проводил их на балкон. После того, как делегация разместилась в креслах, шоу продолжилось. Поднявшийся на балкон руководитель разработки АСПС давал по ходу представления пояснения, какие проверки спутника проводятся, но уже через пять минут секретарь директора пригласила гостей в кабинет Иосифьяна, мотивируя это тем, что Андроника Гевондовича срочно вызывают на Старую площадь, а он очень хотел встретиться с членами делегации. Гости спустились с балкона, поблагодарили начальника МИКа за демонстрацию и на этом шоу завершилось. В результате визита были списаны все расходы по созданию АСПС, получено финансирование на разработку будущих систем наземного контроля спутников, а участники шоу все без исключения в конце квартала получили повышенную премию. Таким образом, впервые в мировой практике были проведены испытания спутника "без подачи питания".

Подобные образцы словотворчества часто появляются в средствах массовой информации (СМИ); пытаясь навязать адресату свою точку зрения, СМИ часто жонглируют словами и искажают восприятие происходящего. В народе подобные подтасовки всегда высмеивались как, например, в анекдоте, в котором о победе американского президента США в соревнованиях по бегу между Н.Хрущевым и Д.Кеннеди в советских СМИ сказано, что "американский президент прибежал предпоследним". Аналогичное манипулирование понятиями можно привести, цитируя сообщение ТАСС о запуске в Советском Союзе нового спутника серии "Метеор". Этот спутник являлся серьезным продвижением вперед среди космических аппаратов,

производящих съемку в целях метеослужбы, и поэтому его предстоящий запуск широко освещался в печати. Однако, как бы ни было совершенно проектирование и изготовление космической техники, какими бы строгими ни были наземные испытания, отказы в полете неизбежны. В данном случае причиной потери спутника явилась примитивная небрежность. Система ориентации спутника успокаивает его после запуска и устанавливает одну из его осей по направлению на центр Земли. Одним из приборов, которые управляют системой ориентации, является датчик угловых скоростей, который измеряет скорость и направление вращения спутника. Ошибка электромонтажника при сборке аппарата состояла в том, что он перепутал концы датчика, и датчик показывал направление вращения противоположное действительному, а система ориентации вместо того, чтобы успокаивать спутник еще больше раскручивала его. Такой хаотически кувыркающийся спутник, естественно, не мог выполнять свою главную задачу – съемку земной поверхности. Какая-то второстепенная аппаратура на спутнике, возможно, работала, и "наверху" решили утрату спутника не признавать. В те годы было принято не информировать общественность в тех случаях, когда правда была неудобной. И тогда в результате манипуляций в области российской словесности в ТАСС родился перл, который я воспроизведу с небольшими сокращениями: "В соответствии с объявленной программой...в Советском Союзе успешно произведен запуск метеорологического спутника нового поколения. Спутник запущен на расчётную орбиту...Все системы спутника работают нормально. Отмечены несущественные отклонения в работе системы ориентации, однако в некоторые моменты времени спутник ориентирован на центр Земли с точностью, даже превосходящей заложенную в проекте." По существу, эта информация очень похожа на рекламный каламбур о золотых, красивых, но неработающих часах, стрелки которых один раз в сутки показывают самое точное время в мире. Надо сказать, что космос стал привлекательным объектом для пропагандистских манипуляций, например, в области религии. Если раньше Никита Хрущев в целях пропаганды атеизма спрашивал у Юрия Гагарина, не встретил ли он в космосе бога, и тот отвечал: "Никак нет", то в наши дни демагогическая риторика круто изменилась. Говорят, что в одном директивном документе, выпущенном недавно генералом из Роскосмоса, было записано, что, ежели освященный спутник не вышел на орбиту, значит, он грешен и нечего ему делать на небесах.

Я немного увлекся и отклонился от темы, поэтому возвратимся к вопросу о моей адаптации к условиям, существовавшим в отраслевых институтах. Мои коллеги, помогавшие мне при устройстве на работу в Истре, давали мне

понять, что должность, на которую я зачислен, имеет серьезные перспективы. И действительно, не прошло и года, как мне предложили занять должность начальника лаборатории. Разумеется, этому предшествовала напряженная работа, удачные идеи, завершённые разработки, формирование коллектива. Думаю, что моему успешному росту помогли два важных принципа, которые я почерпнул у Иосифьяна в первые месяцы совместной работы. Базовым научным кредо Андроника Гевондовича было убеждение, что в любой разработке необходимо "доводить идею до железа". Он считал, что настоящая наука дает плоды только тогда, когда она тесно связана с техникой и производством. Ученый нашел такие организационные формы проведения работ, которые обеспечивали четкое прохождение научных идей по всему циклу, вплоть до практического использования конечного продукта. Весь этот цикл он называл научным производством, и важным в конечном счете для него был технический и технологический результат. В годы войны его продукция испытывалась на полигонах и сразу же переправлялась на фронт. Эти же принципы Иосифьян исповедовал при создании космической техники, считал обязательным изготовление рабочих изделий для космоса, проведение их испытаний и передачу военному представителю образцов, пригодных для работы в космосе.

Другой его важный принцип относился к разработке составных частей спутника, жизненно необходимых для успешной работы в космосе и отсутствующих в номенклатуре приборов, выпускаемых в данный момент отечественной промышленностью. Если оказывалось, что их невозможно заказать специализированным изготовителям из-за сложности приборов или из-за консерватизма и трусости самих изготовителей, то Иосифьян не боялся браться за разработку нового для нашего института вида аппаратуры и всегда с блеском справлялся с заданием. В результате такого подхода большая часть оборудования разнообразного профиля для Иосифьяновских спутников была создана собственными силами - инженерами ВНИИЭМ. Ознакомившись с потребностями спутников в оборудовании, я убедился, что оптическое приборостроение не справляется с запросами космических фирм. Дело в том, что в космосе для определения положения в пространстве широко используются излучения небесных тел: Солнца, Земли, Луны и планет. Оптические датчики на спутниках получают это излучение, обрабатывают и выдают электрические сигналы. Датчики в зависимости от космической миссии, от орбиты имеют разную точность, поле зрения, массу, энергопотребление. Для спутника "Метеор" необходим был целый набор подобных устройств. В отделе кадров Истринского филиала я нашел еще

несколько человек, имеющих образование по оптике, и мы перешли на работу в отдел, который производил, испытывал, предъявлял военному представителю электронные блоки для использования на спутнике, готовом к запуску на орбиту. В нашей группе мы быстро развернули испытания уже готовых солнечных датчиков системы ориентации; для калибровки и настройки датчиков в лабораторных условиях создали оборудование, имитирующее солнечное излучение, и вскоре представили штатный образец датчика, годный к полету. "Метеоры" в это время запускались часто, по несколько штук в год, солнечных датчиков требовалось много, члены моего коллектива крутились, как белки в колесе, настраивали датчики, испытывали, устанавливали на спутник, испытывали в составе спутника на полигоне, на стартовой позиции, отслеживали работу датчика в полете по телеметрии. В институте к ребятам относились с уважением, лаборатория приобрела свое лицо, расширилась за счет испытателей, механиков, электриков. Наряду с выпуском готовой продукции, испытывались макеты новых датчиков для определения положения Солнца с уникальными масками, кодирующими положение солнечного пятна в двоичном коде Грея, разработанные по нашим идеям. В дальнейшем в полете побывало несколько измерителей точного положения Солнца, в том числе один такой датчик был установлен на геостационарном спутнике "Электро", созданном в нашем институте, и именно этот датчик спас спутник в критический момент, когда отказали датчики угловых скоростей, обеспечив спутник данными о его курсовой ориентации.

Одновременно моя лаборатория поставляла солнечные приборы, предназначенные для управления приводами панелей солнечных батарей с целью поворота поверхностей батарей по направлению на Солнце. ВНИИЭМ создавал приводы солнечных панелей для многих спутников, запущенных в Союзе, и заказчики предпочитали получать приводы вместе с солнечным прибором. Заказов было много, и мы были вынуждены выпустить унифицированную конструкцию солнечного прибора для приводов. Один из таких датчиков эксплуатировался с панелями, размещенными на военном геостационарном спутнике, подвешенном над Америкой в начале семидесятых годов и производящем непрерывную съемку важных объектов потенциального врага. В системах ориентации спутников, у которых одна из осей направлена на Землю, используются построители местной вертикали, определяющие направление на центр Земли по тепловому излучению нашей планеты. Как правило, подобные приборы представляют собой сложные и громоздкие конструкции с вращающимися или вибрирующими узлами, обеспечивающими просмотр лимба Земли. Мы разработали оригинальный построитель

вертикали, статический, без движущихся элементов, используя последние достижения электронной техники, такие, как полупроводниковые германиевые модуляторы инфракрасного излучения, конические отражательные элементы, быстродействующий приемник теплового излучения. Прибор успешно прошел летные испытания на борту спутника "Природа".

Последняя крупная работа, выполненная мною в Истре, связана с получением из космоса изображений земной поверхности в дальнем инфракрасном диапазоне спектра 14-16 мкм, на который приходится максимум теплового излучения Земли. Подобные снимки являются востребованными и метеослужбой, и разведчиками природных земных ресурсов, и оборонным ведомством. Однако, создание бортовой съемочной аппаратуры, обеспечивающей качественные инфракрасные изображения, до сих пор представляет большие технические трудности. Нам удалось, оснастив аппаратуру самой совершенной электроникой, решить эту комплексную проблему с привлечением возможностей Казанского оптико-механического объединения. При этом мы использовали высокочувствительные приемники инфракрасного излучения, разработанные в Институте прикладной физики (Москва), впервые применили на борту охлаждение приемника до температуры жидкого азота 77К, создаваемой с помощью микрокриогенной машины, выпускаемой Омским объединением "Микрокриогенмаш". Инфракрасные сканеры успешно работали на нескольких спутниках серии "Метео-3" и поражали потребителей высоким качеством получаемых изображений. По этому поводу я даже написал книжицу "Методы инфракрасного зондирования Земли из космоса" и опубликовал её в серии "Космонавтика" общества "Знание". Теперь наш директор, представляя меня, ревниво говорил: "Я – читатель, а он - писатель". Директор оказался абсолютно прав, уловив мою наследственную предрасположенность к писательству: я действительно вскоре опубликовал еще одну научно-популярную брошюру по злободневной космической проблеме, а в дальнейшем продолжил написание книг научного содержания. Упреждая события, на следующей странице я представил коллаж из обложек некоторых книг, изданных мною на протяжении жизни. К слову, общее количество моих статей, опубликованных к моменту выхода на пенсию в ведущих научных журналах и сборниках, я думаю, превысило сто наименований. Отмечу, что все новации в рамках работы по инфракрасным съёмкам из космоса, так же, как и технические решения по выполненным разработкам солнечных датчиков и построителя вертикали защищены авторскими свидетельствами (не менее двадцати полученных свидетельств). К сожалению, все эти изобретения закрыты, ни

прочитать, ни посмотреть, ни сослаться на них невозможно и, по-видимому, навсегда, хотя нищенские гонорары за внедрение изобретений в изделия, выпускаемые ВНИИЭМ, мы получили. Подводя итог Истринскому периоду моей трудовой активности, хочу отметить, что это был период плодотворный, насыщенный творческим взаимодействием со многими талантливыми людьми, научными и техническими коллективами. Благодаря новизне задач, чрезмерной сложности и разнообразию бортового оборудования, приходилось при выполнении работы общаться с институтами, конструкторскими бюро, предприятиями, разбросанными по всей стране.

Личные встречи, деловые контакты, выезды для проведения переговоров, для контроля состояния разработок, проведение совместных испытаний, поездки на стартовые позиции для запуска спутников заставляли меня постоянно перемещаться. Мне пришлось посетить множество мест в разных регионах Советского Союза. Если бы я составил перечень городов, в которых мне довелось побывать в этот период, то думаю, что получился бы солидный список на несколько страниц. Каждая из таких поездок, помимо целевой нагрузки, содержала и приключенческую составляющую, поскольку обустройство на новом месте было непредсказуемым. Приезжих поселяли в общежитиях, на частном секторе, в служебных квартирах - театральные и музыкальные гастролеры хорошо помнят это время. Гостиницы в больших городах скопировали сервис, присущий молодежным общагам, мне он напоминал обслуживание в "Доме колхозника", построенном в Днепропетровске сразу после войны рядом с Центральным рынком. В один номер поселялось не менее четырех человек, туалет был общественным, постельное белье меняли один раз в неделю, повсюду грязь, в комнатах - холод, в кроватях - насекомые, хамское отношение персонала и другие прелести. Постепенно сеть гостиниц расширилась и качество обслуживания улучшалось в связи с запросами туристической отрасли; сервис начал ориентироваться на западные нормы, существенно опережавшие советские уровни. К тому периоду времени, на который приходятся мои активные вояжи по стране, один остроумный конференсье, выходя на сцену, перед очередным номером сообщал зрителям, что в Нижневартовске начала прием гостей новая пятизвездочная гостиница; в ней пока отсутствует горячая вода, но, когда её подключат, отель может стать десяти звёздочным. Гостиничную школу жизни я, к счастью, прошел в облегченном режиме, поскольку иногда пользовался ведомственным жильем, например, на космодромах в Плесецке и Байконуре, при командировках на крупные предприятия оборонной отрасли, владеющие отдельными помещениями для проживания гостей.

SPIE. DIGITAL LIBRARY

CONFERENCE PROCEEDINGS

21 December 1994 Infrared scanning radiometer of high

Spatial and Spectral resolution for the Meteor-3 satellite

Fred Ortenberg; V. Adaslo; R. Salichov; V. Antoshkin;

Volume 2312, Optics in Atmospheric Propagation and Random

Phenomena; (1994) <https://doi.org/10.1117/12.197357>

Event: Satellite Remote Sensing, 1994, Rome, Italy

2. Hyperspectral Sensor Characteristics: Airborne, Spaceborne, Hand-Held, and Truck-Mounted; Integration of Hyperspectral Data with LIDAR

Fred Ortenberg

Contents

2.1. Introduction.....	39
2.2. HSS Concept.....	42
2.3. HSS Physics, Principle, and Design.....	45
2.4. HSS Operational Modes.....	48
2.4.1. Ground Based HS Imaging.....	49
2.4.2. Airborne HSS.....	52
2.4.3. Spaceborne Imaging.....	56
2.5. LIDAR and HS Data Integration.....	61
2.6. Summary and Outlook.....	65
References.....	67

КОСМОНАВТИКА, АСТРОНОМИЯ, 8/1987

Ф. С. Ортенберг,
МЕТОДЫ ИНФРАКРАСНОГО ЗОНДИРОВАНИЯ
ЗЕМЛИ ИЗ КОСМОСА
в приложении этого номера:
ХРОНИКА КОСМОНАВТИКИ

Издательство «Знание» Москва 1987

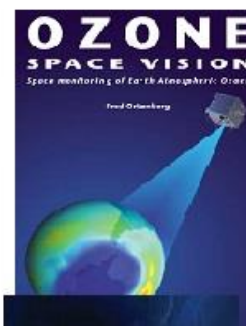
УСПЕХИ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК

Том 90, вып. 2, стр. 237-273, 1967г.

Ф. С. Ортенберг, Е. Т. Антропов
ВЕРОЯТНОСТИ ЭЛЕКТРОННО-
КОЛЕБАТЕЛЬНЫХ ПЕРЕХОДОВ
В ДВУХАТОМНЫХ МОЛЕКУЛАХ
535.338.41

Advances in Physical Sciences, 10, 717, 1967

English cover-to-cover translation of the
Russian journal Uspekhi Fizicheskikh Nauk
Ortenberg F., Antropov E.
Probabilities of electron-vibrational
transitions
in diatomic molecules

Разумеется, не миновали меня ночевки в привокзальных и аэродромных гостиницах, студенческих общежитиях, но вот о некоторых запомнившихся мне местах кратковременного проживания я хочу рассказать отдельно.

Не могу забыть одну из первых командировок в тогда ещё Ленинград, на которую я прибыл вместе с моим покровителем, армянином Костей, с которым я ранее уже знакомил читателя. С самого начала нашей поездки Костя настаивал на том, что проживать мы должны в гостинице "Англетер". Я знал, что цена проживания в такой фешенебельной гостинице очень высока, и бухгалтерия ни за что не согласится оплатить нам такую роскошь, но Костя пообещал после возвращения этот вопрос уладить. Администраторша, лучезарно улыбаясь, на нашу просьбу о заселении предложила свободный двухместный номер-люкс. Размер ежедневной оплаты ошеломил меня, но Костя передал ей наши паспорта, и уже через несколько минут мы оказались в царских хоромаш: мраморные стены, барельефы, повсюду позолота, высоченные расписные потолки, две кровати, думаю, три на три метра каждая с невероятными покрывалами, многочисленные зеркала – такой богатый и просторный гостиничный номер я видел впервые. Когда мы через некоторое время спустились вниз, поблагодарили администраторшу, то она по моей просьбе согласилась показать нам номер, в котором, как тогда считалось, повесился Сергей Есенин. Внутри номера мы не заходили, но с порога осмотрели помещение, напоминающее наши гостиничные апартаменты; минутой молчания почтили память великого поэта, ставшего жертвой бесчеловечного режима. Еще в более комфортабельных условиях я поселился через много лет во время моей первой зарубежной служебной командировки в город Гамбург, Германия. В отеле "Марриотт", в котором проживала наша делегация, были помещения, безупречно отделанные и украшенные, и такое внимательное, почтительное отношение к постояльцам, какого я никогда более не наблюдал.

Но самое сильное впечатление на меня произвела командировка в Красноярск на конференцию, где планировалось мое выступление с докладом. Конференция проходила на речном пассажирском теплоходе, который за время конференции прошел по Енисею расстояние от Красноярска до Дудинки и обратно. В стране была хрущевская оттепель, и мы были первыми не имеющими отношения к ГУЛАГу людьми, посетившими Норильский никелевый комбинат, на котором работали в основном заключённые. Событие было настолько необычным, что роль гида при нашем знакомстве с городом выполнял начальник планового отдела комбината. Во время плавания сделали

несколько остановок; в Туруханске, например, посетили дом-музей Сталина, в котором будущий усатый вождь в начале века отбывал ссылку; внутри музея – обстановка, экспонаты, пояснения экскурсовода – все ещё оставалось по-прежнему: подтасовки, раболепие и страх, как в годы его правления. В самом Красноярске мы побывали на разворачивающейся стройке ГЭС; со смотровой площадки полюбовались величием и красотой края, далеко внизу увидели котлован будущей электростанции; тогда мы поразились фантастичности строительных замыслов, но уже в 1967 году первый блок станции дал ток. Надолго запомнил я эту удивительную служебную командировку с проживанием в одноместной каюте, научными заседаниями в оборудованных салонах, с вечерними прогулками по палубе теплохода.

Завершая повествование о важности условий временного проживания в жизни, приведу курьез, случившийся со мной при заселении в центральную гостиницу Еревана. Я прилетел в командировку поздно вечером, усталым и измученным переносами вылета и другими дорожными неудобствами. Ереванский институт, в который я прилетел для переговоров, забронировал мне номер, но администратор сказал, что брони он не нашел, мест свободных нет, что можно подождать, пока освободится номер, но шансов мало. На все мои увещания, что я прибыл для решения важных научных проблем, что мне необходимо отдохнуть перед совещанием, что я пожалеюсь президенту Армянской Академии Наук В. А. Амбарцумяну, с которым я действительно был знаком, администратор никак не реагировал. Я отошел от него в лобби и в ожидании сел в кресло напротив его окошка. К нему непрерывно обращались гости, выезжали и въезжали, но на все мои повторные обращения он решительно отрицательно качал головой. После нескольких часов ожидания, присмотревшись к работе администратора, я обнаружил, что ключи от номера получают только те просители, у которых в передаваемом паспорте находилась бумажка, которая затем, как в цирковом фокусе, куда-то исчезала. Положение было безвыходным. Вложив купюру в свой паспорт так, чтобы краешек её был виден, я всунул голову в окошко, всучил ему мой паспорт, приговаривая, что меня необходимо заселить немедленно. Купюра мгновенно скользнула в приоткрытый ящик стола, а безразличное выражение его лица быстро сменилось на радужное. Вероятно, номинал купюры показался ему убедительным аргументом, и он громко заговорил с сильным армянским акцентом.

- Конечно, дорогой, конечно, немедленно поселим тебя. Почему ты мне сразу же не сказал, что ты профессор? – пожурил он меня и продолжил, - Зачем нам

беспокоить мирового астрофизика Виктора Амазасповича? Пусть отдыхает, мы мигом всё сделаем.

Документы он оформил молниеносно, вручил мне ключ от номера и проводил до лифта. Я шел по коридору к номеру и не мог понять, откуда администратор узнал имя и отчество, область исследований известного ученого? Описанный эпизод остался первым и последним случаем, когда я дал взятку должностному лицу.

Занимаясь космосом, меня очень занимало само общение с летательными аппаратами в процессе проведения их испытаний и эксплуатации на орбите. В обмене информацией по каналам связи со спутником, парящим высоко-высоко, виделось мне что-то мистическое, потустороннее, особенно в начале моей космической карьеры. Обычно от меня требовалось, из скудной телеметрической информации, полученной с борта спутника, и знаний о бортовых системах и их взаимодействии, установить, что же там наверху произошло, распутать всю цепочку событий, приведших к неожиданному результату. В случае отказа определить, какое нештатное поведение оборудования виновно в поломке, какие меры необходимо принять, какие команды следует отдать спутнику для устранения дефекта. Все это приходилось делать, находясь под прессингом руководства, которое, защищая честь мундира, всегда обвиняло во всех бедах смежников. Говорили, что мне чаще, чем другим, удавалось разгадывать подобные космические ребусы и ограждать институт от ложных обвинений в том, что отказы на каком-то спутнике связаны со сбоями в нашей аппаратуре. В заключение отмечу, что на протяжении нескольких десятков лет мне, стопроцентному еврею по Галахе, довелось успешно трудиться, решать важные научные и инженерные проблемы, участвовать в принятии ответственных решений в одной из самых закрытых отраслей промышленности страны – космической.

Глава 13

Личная жизнь

Проживая в Москве, и затем переехав в Истру, я регулярно поддерживал связь с родителями по телефону. В те времена телефон в личном пользовании всё ещё оставался редкостью: например, на всё общежитие в Черемушках был один телефон у вахтера на проходной, в Истре после получения квартиры я несколько лет состоял на телефонной станции в очереди в ожидании установки

телефона. Однако, даже при наличии частного телефона связаться с другим городом через междугороднюю сеть было крайне затруднительно – сделав заказ, приходилось часами ждать соединения и часто ожидание оканчивалось безрезультатно. В Москве техническими возможностями, способными обеспечить подобный сервис, обладали Главпочтамт и Центральный телеграф, в которых имелись огромные переговорные залы, укомплектованные десятками индивидуальных кабинок. В центре зала вдоль длинной стойки сидели рядышком симпатичные девушки в наушниках, которые, приняв заказ у клиента, вручную втыкала штекеры в нужные гнезда расположенного перед ними коммутатора, связывая телефон в кабине с заказанным городом. И телефонистки, и переговорные кабины, просторные с местом для сидения и массивной дверью, - стали своеобразным брендом того времени. Большинство посетителей столицы побывали в таких кабинках, но и людям, никогда не бывавшим здесь, они хорошо знакомы по кинофильмам тех лет, в большинстве из которых судьбы героев решались во время междугородних телефонных переговоров. С первых дней после моего приезда в Москву я понял, что для меня самым приемлемым способом связаться с родителями является связь по междугородней телефонной сети, размещенной на Центральном телеграфе. Легендарное здание Центрального телеграфа, построенное в необычном стиле рационального модерна и украшенное цветным глобусом и огромными часами, размещенными на фасаде, стало своеобразным символом главной улицы столицы, визитной карточкой Москвы, наряду, например, с видами Кремля. Вместе с находящимися поблизости театрами имени М.Ермоловой, МХАТом, гостиницей "Националь", появившимся позднее "Макдональдсом" здание Центрального телеграфа представляло какой-то центр притяжения, мимо которого не могли пройти, не обратив взора, москвичи и приезжие, оказавшиеся в центре столицы. Для гостей города, для командированных очень важно было быстро и без нервотрепки дозвониться по телефону до другого города или страны. Я не реже одного раза в неделю звонил в Днепропетровск, и поэтому стал завсегдатаем Центрального телеграфа. Я любил постоять на ступенях входной лестницы здания, наблюдая за потоком автомашин, мчащихся по улице Горького, в солнечные дни мне доставляло удовольствие смотреть на пеструю толпу людей, хаотично движущихся по тротуару, а вечерами любоваться красочной уличной иллюминацией. Мимо сновали вверх по лестнице отправители и получатели телеграмм, писем, посылок, телефонные переговорщики, связисты, а вниз сбегали люди, освободившиеся от этих забот. Среди мелькавших лиц было много знакомых, я безошибочно отмечал деятелей искусств и других известных стране персонажей, но наибольший мой интерес вызывали личности, такие же, как и

я, прикипевшие по разным причинам к этому пятаку, при встрече мы раскланивались, как добрые знакомые. Например, в центре пресловутой лестницы в состоянии задумчивости или в поисках вдохновения часто подолгу стоял замечательный актер Ролан Быков, у ступеней лестницы модный в те годы прозаик Владимир Лидин любил назначать встречи своей подруге, а в элитной парикмахерской на противоположной стороне улицы постоянно стригся тогда еще молодой, но широко известный певец Иосиф Кобзон. Услугами Центрального телеграфа я еще долго пользовался даже после переезда в Истру, пока местная телефонная станция не расширила свою пропускную мощность, и появилась возможность быстро дозвониться до другого города по домашнему телефону.

Теперь я расскажу об одной истории, случившейся на самом пике моей успешной карьеры и, к счастью, никак не повлиявшей на мою жизнь, но характеризующей общественные настроения в стране. В голову мне сразу же приходит известный афоризм "Хотели, как лучше, а получилось как всегда", который изрек уже в девяностые годы премьер России Виктор Черномырдин. Нетрудно догадаться, что речь идет об антисемитском инциденте. На протяжении моего повествования и в воспоминаниях моего отца наша семья периодически наступала, как говорят, на одни и те же грабли - на всевозможные эксцессы националистического толка, направленные против евреев. Великая поэтесса Анна Ахматова говорила: "Что за мерзость антисемитизм, это для негодяев - вкусная конфета, я не понимаю, что это...". Действительно - загадочное явление, точнее, многоплановое. Сейчас различным аспектам антисемитизма посвящено множество исследований, опубликовано несметное количество книг. На меня сильное впечатление произвело блестящее эссе писателя-фантаста и большого умницы Бориса Стругацкого "Больной вопрос", написанное им в 1992 году и опубликованное впервые лишь через двадцать лет в журнале "Корни" №56. В этой удивительно глубокой работе автор умудрился классифицировать юдофобов, выделив три их основных типа: бытовой, рациональный и зоологический. Определение второго типа антисемитизма процитирую по Стругацкому: "Рациональный, он же профессиональный – это более высокая ступень юдофобии, достояние людей, как правило, образованных, испытывающих определенную потребность обосновать свои реликтовые ощущения и обладающих способностями это сделать. В подавляющем большинстве случаев профессиональный антисемитизм поражает людей, столкнувшихся с лицом еврейской национальности как с конкурентом. Он широко распространен среди математиков, физиков, музыкантов, шахматистов – в этих кругах вас

познакомят с убедительными и завидно стройными теориями, объясняющими пронырливость, удачливость, непотопляемость "этой нации" при полном отсутствии у нее настоящей глубины, основательности и подлинных талантов."

Прежде чем рассказать конкретную историю о подобном человеке, я должен признаться, что сам-то я был начальником лаборатории неполноценным, потому что не являлся членом КПСС. Когда утверждали меня на должность, отметили при моем молчаливом согласии, что необходимо недостаток устранить и принять меня в партию. Однако, когда вспомнили об этом через несколько лет, то оказалось, что райком партии не приветствует увеличение числа евреев в своих рядах и принимает от первичных организаций рекомендацию в партию на еврея-кандидата только совместно с вступлением в партию трех-четырех настоящих пролетариев. По жизни же, способные пролетарии быстро становились инженерами и администраторами, т.е. переходили в категорию служащих, а рабочий класс предпочитал простые человеческие радости, партийную верхушку недолюбливал и в компартию не рвался. Затащить четверых работяг в партийные кандидаты для того, чтобы протолкнуть в партию еврея стало чрезвычайно утомительно, и вопрос о моем членстве в партии отпал сам по себе, тем более, что я заявления с просьбой принять меня в ряды КПСС никогда не подавал. Поэтому я очень удивился приглашению, которое я получил по телефону из институтского парткома. В назначенное время я был принят в кабинете партийным лидером, и он в доверительном тоне сообщил мне, что поступил сигнал о некоторых недостатках, отмеченных в работе моей лаборатории, что он осведомлен об успешных и значимых проектах, выполненных лабораторией, и тем не менее он обязан отреагировать на сигнал. Он сказал, что создана комиссия, которая ознакомится с ситуацией на месте, и я должен помочь ей в работе, содействовать встречам с моими коллегами. Имя автора письма он не скрывал – это был сотрудник моей лаборатории, и я вначале хотел привести в тексте его настоящую фамилию, тем более, что описываю реальную историю, большинство участников которой, если живы, вряд ли смогут прочесть эти строки, но потом решил во избежание обид обозначить нашего героя псевдонимом, например, Петр Васильевич (П.В), и в дальнейшем под этим именем П.В он и будет выступать.

Так вот, парторг сообщил, что П.В. обвиняет конкретно меня в создании нетерпимой обстановки в коллективе лаборатории и в разбазаривании государственных средств. Прочитав на моем лице недоумение и возмущение, парторг успокоил меня, сказав, что члены комиссии непременно поговорят со

мной, и мое мнение будет учтено в заключении, которое комиссия подготовит. Я выразил свою готовность содействовать работе комиссии, попрощался и, выйдя в коридор, с облегчением подумал, как хорошо, что сейчас не 1937 год, хотя предсказать, каковы будут последствия доноса П.В. на меня, пока что было невозможно. На работу в Истринский институт мы с П.В. были приняты практически одновременно в одинаковом статусе, я был уже остепененным ученым, а он вскоре тоже защитил диссертацию. Первое время мы даже проживали вместе, а затем получили отдельные квартиры и виделись редко. На работе каждый разрабатывал свою жилу. Я создал оптическую лабораторию, в которой проектировался широкий спектр оптических датчиков, предназначенных для систем ориентации спутников, систем слежения солнечных панелей за Солнцем, систем в инфракрасном диапазоне, определяющих направление на центр Земли, и другие оптические устройства. Мои сотрудники контролировали изготовление приборов в производстве, настраивали их, проводили наземные испытания, включая передачу готовых изделий военному представителю, участвовали в работах совместно со спутником, обеспечивали предстартовые проверки, следили за работой приборов в полете. Деятельность коллектива считалась престижной, хорошо оплачивалась. С другой стороны, заказов было много, работа становилась интенсивной, требовала постоянной сосредоточенности, возникала напряженность в отношениях, и в таких обстоятельствах мне приходилось разруливать конфликт. П.В. с самого начала работы увлекся идеей геофизика В.Г. Истомина об использовании ионных ловушек для определения направления полета спутника по набегающему потоку. П.В. изготовил несколько макетов прибора, и один из них даже прошел летные испытания на борту спутника "Метеор". Далее выяснилось, что подобные приборы давно изготавливаются и в Москве, и в Ленинграде, и широко используются в исследовательских целях большим сообществом ученых, занимающихся изучением ионосферы. Стало известно, что идея использования ловушек для целей ориентации проверена экспериментально в полете, и выявлены её принципиальные ограничения по высоте полета и по точности определения направления. В институте посчитали продолжение работ по созданию прибора нецелесообразным и прекратили финансирование.

П.В. решение проигнорировал, к другим работам, проводимым в подразделении, где он работал, не присоединился, и вместе со своей коллегой они остались верны прежней разработке и приступили к анализу телеметрической информации, поступившей ранее с летного образца. Они остались вдвоем в отдельной комнате и занимались исследованиями

ионосферы, не имея ни заказа, ни финансирования. В проектном НИИ, каким являлся наш институт, подобная самодеятельность не приветствуется. П.В. просили перестроиться, переводили из одного подразделения в другое, всё было безрезультатно – П.В. свято верил в свою особую миссию. Наконец, какой-то начальник решил приписать его к моей лаборатории, как бы объединить физиков. Я согласился без особого восторга, хотя денег в лабораторию поступало достаточно, чтобы прокормить двух дармоедов. Разумеется, никто из моих сотрудников не собирался делиться с ними целевыми, пусковыми и другими премиями, которые мы получали за поставки приборов, за успешный их запуск. Такова была обстановка в лаборатории. Что касается обвинений в разбазаривании средств, то речь шла о том, что от одного из многочисленных приборов, поставляемых лабораторией, заказчик отказался после нескольких успешных полетов. Этот прибор стоял на военном геостационарном спутнике, на который потребовалось установить дополнительно очень важную аппаратуру, а ракета в этом случае была уже не в состоянии вывести спутник на орбиту, и создателям спутника пришлось убрать со спутника некоторые приборы, чтобы уменьшить общую массу. Наш прибор попал в их число, хотя ведущие специалисты были довольны работой прибора в полете и сожалели, что придётся обходиться без него. Само собой разумеется, что все затраты нашего института, включая незавершенные работы, заказчики оплатили.

Я не был на том заседании парткома, на котором рассматривалось заключение комиссии по кляузе П.В., но друзья рассказали мне подробно, как проходил этот спектакль. Каждый член комиссии доложил, с кем и о чем он беседовал, какие документы изучил, после чего председатель комиссии сказал, что ни одно из обвинений, выдвинутых П.В. не подтвердилось, атмосфера в лаборатории трудовая, напряженная, коллектив доволен профессиональными и организаторскими способностями начальника лаборатории, плановый отдел отмечает высокую экономическую эффективность лаборатории, завершение работ по прибору, указанному в письме, проведено в установленном порядке и никаких финансовых потерь не принесло. Секретарь парткома развел руками и, повернувшись к П.В., спросил: "Так что же получается, что Ваше обращение в партком – поклеп на невинного человека?" И тогда П.В. сбросил маску радетеля за общественный интерес и прокричал: "Я не понимаю, почему он должен руководить лабораторией, а не я, - и он произнес громко, по слогам свои славянские имя, отчество и фамилию, сделал многозначительную паузу, обвел аудиторию глазами и добавил, - член КПСС?" Секретарь парткома охладил его пыл, сказав П.В. с угрозой в голосе, что он объяснит ему "Почему"

после окончания заседания. Заключение комиссии утвердили единогласно, секретарь парткома еще раз употребил слово "клевета", извинился перед членами комиссии за потраченное время, я же никаких извинений за моральный ущерб, естественно, не получил.

Я столь подробно описал этот пустяковый антисемитский инцидент, потому что он очень выпукло отражал обстановку в стране в период времени, называемый эпохой Брежнева, или периодом застоя, или развитым социализмом. Интервал этот продолжался два с небольшим десятилетия (1964-1986 годы) и считался самым стабильным и «сытым» периодом. В это время в связи с противостоянием Израилю антисемитская пропаганда сверху приобрела новые черты – понятие "сионист" постепенно начало совпадать с понятием "еврей". Манипулируя этими понятиями, пропагандистским материалам придавали ярко выраженную антиеврейскую направленность, создавали образ "внешнего и внутреннего врага", бросали тень на всех евреев страны, обвиняя их в неблагоденности. Усилились традиционные антисемитские меры в кадровой политике, ограничивающие прием евреев в вузы и на работу, практикующие запреты на профессии, поощрялись и антиеврейские, и антиссионистские мотивы в литературе и искусстве. Кампания поддерживалась исходящими сверху письменными и устными инструкциями и опиралась на массовое антисемитское сознание. В 1970 году в научных институтах количество евреев в процентном отношении стало в два раза меньше по сравнению с 1950 годом. Однако, несмотря на существовавшие ограничения, евреи оставались самой образованной группой населения страны: по общему количеству научных работников евреи находились на третьем месте после русских и украинцев, по количеству докторов наук – на втором месте после русских. Этой позитивной статистикой пользовались руководители государства, когда их обвиняли в дискриминации еврейского населения. Однако на личном уровне сложности при поступлении в высшие учебные заведения, невозможность обучения в престижных институтах, трудности последующего поступления на работу создавали напряженность в еврейских семьях, коверкали юношеские судьбы, заставляли искать возможности обучения в периферийных институтах, вынуждали выбирать непрестижные профессии. Власть же, используя СМИ, косвенно оправдывала антиеврейские меры в кадровой политике, поддерживала публицистические и литературные произведения, чернящие евреев. Проводимая пропаганда оставляла след в сознании многих, что выражалось в антисемитских выступлениях, в разрушении памятников на еврейских кладбищах, и т. д. Возвращаясь к попытке моего коллеги П.В. выгнать меня с должности, я хочу

сказать, что его публично высказанное требование заменить еврея, находящегося на руководящей позиции, русским человеком, выраженное в завуалированной форме, звучало в духе времени, в духе той антисемитской политики, которую проводило государство. Просто замену мне П.В. выбрал неудачно – не подходил он на эту должность ни по специальности, ни по своим деловым, творческим и человеческим качествам.

Перечитал несколько отрывков из написанного мной и ужаснулся – сплошь профессиональная деятельность вперемежку с антисемитскими акциями, и всё. Но ведь моя жизнь многообразнее, и она полна радостных, ярких событий, в том числе и потому, что в них участвовали представительницы прекрасного пола. Вот и сейчас, когда П.В., гонимый своими комплексами неполноценности, устроил мою травлю, я находился в состоянии эйфории от быстротечного служебного романа с переводчицей с французского. Но прежде чем поделиться деталями этого амурного приключения, я должен признаться, что никогда не был аскетом, от жизненных удовольствий не отказывался, начиная с юных лет восторгался женской красотой, уделял внимание спутницам по жизни. Позднее мое поклонение дамам идеологически формализовалось благодаря научному подходу кумира всех физиков Льва Ландау, который делил девушек на три категории – красивых, хорошеньких и интересных – и имел стройную систему представлений по женскому вопросу, систему, которой следовали многие его почитатели. По его терминологии я относился к той же группе мужчин, что и он, - к группе "красивистов", которые ценят в женщинах внешние данные больше, чем ум и деловые качества. Как известно, Остапа Бендера - героя романа И.Ильфа и Е.Петрова – "любили домашние хозяйки, домашние работницы и даже одна женщина – зубной техник". Эмансипация изменила профессиональный состав женского сословия, и в поле зрения такого, как я, современного мужчины, помимо домашней хозяйки, могли попасть и артистка, и скрипачка, и почтовая работница, и учительница, и спортсменка, и кандидат наук и даже второй секретарь райкома комсомола. Например, в студенческие годы у меня с моим приятелем были знакомые подружки - акробатки, которые каждый вечер сгорали и исчезали в пламени аттракциона, созданного родоначальником династии Кио, и тотчас же воскресали из находящихся рядом ящиков, быстренько раскланивались и убегали из цирка, чтобы успеть на свидание с нами. Мои немногочисленные пассии доставили мне бездну сладких мгновений и, теперь, когда я думаю или рассказываю о них, то только в превосходной степени. Точно, как в стихотворении Булата Окуджавы:

Иветта, Лизетта, Мюзетта,
Жанетта, Жоржетта,
Вся жизнь моя вами,
Как солнцем июльским, согрета.

Песня на эти слова знакома всем и называется "Женюсь". Отмечу, что я на заре моей трудовой деятельности крайне отрицательно относился к женитьбе, поскольку считал, что муж обязан самостоятельно содержать всю семью, а моей зарплаты едва хватало, чтобы прокормить себя самого. Позднее, когда я стал зарабатывать намного больше, появились дополнительные причины, мешающие женитьбе. Назову одну из них. Несмотря на то, что мои родители не обучили меня еврейским традициям и не требовали их соблюдения, какое-то негласное табу на женитьбу не на еврейке витало в воздухе. Этот запрет сдерживал мои порывы, когда я отмечал, что излишне сильно привязываюсь к русской красавице. Я достаточно долго пребывал в холостяках и за это время успел несколько раз попасть в сети романтических отношений. Мои увлечения проходили через все стадии – знакомство, проявление внимания, ухаживания, привыкание или чувства, взаимное влечение. Я никогда не форсировал события и не поступал против воли предмета моих вожделений. Может быть, поэтому и расставания наши тоже проходили в цивилизованном поле, и зачастую не я был их инициатором. Воспоминания - жанр исповедальный, требующий полной откровенности во всем, в том числе и в описании личной жизни. Более того, подробности любовных интриг, если бы я их помнил, могли придать занимательности сухому повествованию моих воспоминаний. Однако теперь я отношусь по-иному к этому периоду моей жизни, рассматриваю мои поиски тех лет, как неудачные попытки создать семью, и напроць забыл все пикантные детали прошлых приключений. Поэтому каюсь в своих любовных грехах в достаточно общих выражениях, не проводя тщательного анализа, а отсутствие в воспоминаниях развернутого романа компенсирую обещанным рассказом об одном моем мимолетном служебном увлечении. Точнее, я опишу производственный эпизод, придав ему колоритный романтический характер. Простите за легкомысленный стиль изложения - хочется сделать сюжет захватывающим и таинственным, а чтение моей книги увлекательным. Поэтому я думаю, что события, описанные в этом сюжете, в действительности не происходили, а являются лишь плодом моего писательского воображения.

Итак, вернемся в ФВНИИЭМ в начало семидесятых, в докомпьютерную эпоху, когда о возможностях Интернета никто не ведал, а информационную

поддержку выполняемых в институте работ, обеспечивал специальный отдел, включающий архив, книжные и журнальные фонды, контроль документации, группу переводчиков, машинописное бюро. Руководил отделом знаток немецкого языка, прошедший всю войну переводчиком при генштабе, мудрый и неспешный пожилой человек Иван Федорович (ИФ), симпатизирующий мне потому, что я один из немногих активно пользовался его услугами и высоко ценил информационное обеспечение научно-исследовательских работ. Так вот, если с переводами с английского и немецкого никаких проблем не было, то, когда я обнаружил, что в одном из научных направлений французы значительно опередили других, и попросил срочно перевести несколько важных для института материалов, ИФ беспомощно развел руками и спросил: "Вы знаете, что надо делать, если сны сняты на французском языке?" И, не дожидаясь ответа от меня, ответил сам: "Спать с переводчицей." В настоящее время достаточно ввести текстовый файл в хорошую переводческую программу, и через минуту принтер распечатает более или менее приемлемый перевод на нужном языке. Тогда же следовало в первую очередь иметь барышню, владеющую, например, французским языком, обучить её навыкам перевода текста, например, по космической тематике, отредактировать выполненный ею рукописный перевод и передать его машинистке.

В отделе у ИФ не было переводчицы с французского, но он пытался решить эту проблему, и однажды раздался его звонок по телефону, и он радостно сообщил, что по его заявке прибыла выпускница института, изучавшая французский, но он хочет проверить её способности и просит меня дать ей задание и проверить качество перевода. Я дал согласие, и на следующий день утром в моем кабинете появилась шикарно одетая холеная привлекательная девушка. Она сказала, что родом из Ростова, но хочет работать в Москве или Подмоскowie и сама пытается решить пресловутую проблему московской прописки. ИФ принял её на недельный испытательный срок и просил в конце каждого дня показывать мне выполненные ею переводы. Я дал ей три большие статьи по интересующей меня тематике, и она ушла на рабочее место. К концу дня она принесла рукописные странички перевода значительной части первой статьи. Сев рядом, мы, абзац за абзацем, начали продираться через достаточно сложный текст, устраняя неточности, ошибки, недопонимание. Устроили перерыв, выпили по чашечке кофе, разговорились. Оказалось, что она из профессорской семьи и всесторонне образована, за время учебы в институте досконально познакомилась с театральной жизнью столицы, её предпочтения совпали с моими и, когда мы захотели продолжить править текст, то заметили, что за окном уже темно. Я сказал, что пора заканчивать работу, что остаток

текста я завтра выправлю сам, и она направилась к выходу, но перед дверью в нерешительности замешкалась, и тогда я выяснил, что идти ей в общем-то некуда. Гостиницы в Истре не было, электрички вечером ходили редко, путь до Москвы электричка проходила за час с лишком. Если она успевала до закрытия метро, то до общежития требовалось еще около часа, а рано утром следовало уже быть на работе. Короче, перспектива – удручающая, и она спросила, не знаю ли я кого-нибудь, кто смог бы за деньги предоставить ей ночлег. Таких знакомых у меня не было, и я предложил ей переночевать у меня на квартире, предупредив, что живу один. Задумавшись на минуту, она согласилась. На институтской проходной стоял мой "Запорожец", и через десять минут мы уже были дома. У меня была бутылка вина и холостяцкий минимум в холодильнике, она поджарила колбасу с яйцами, сварила кофе, а после ужина мы смотрели телевизор и трепались. Я безуспешно попытался втиснуть раскладушку на кухню, но потом перенес её в 16-ти метровую комнату моей однокомнатной квартиры, и мы улеглись спать в разных постелях, продолжая беседовать.

Я несколько раз замечал, что, если предоставить двум разнополым здоровым выпускникам института отдельное помещение для работы над проектом, то через несколько месяцев получается или роман, или гражданский брак, или свадьба. Поэтому я считаю лицемерами тех молодых людей, которые утверждают, что проживали с лицом иного пола в одной комнате с загородкой и не имели интимных отношений. Как бы там ни было, но последующие дни мы с французской переводчицей в таком же режиме продолжили править тексты, очень довольные предоставленными нам обстоятельствами. Она оказалась не только способной переводчицей и интересным человеком, но и изумительной женщиной. За день до окончания проверки я попросил её передать ИФ чистовые переводы и, позвонив ему через некоторое время, сказал, что испытания она успешно выдержала, и он приобретет классного специалиста, если возьмёт её на работу. ИФ ответил, что он уже это понял, пригласил девушку на работу, взял у неё заявление, подписал у директора, попросил её со следующей недели приступить к работе и отпустил домой. Она не приехала и не позвонила ни мне, ни ИФ ни в первый, ни в последующие дни недели. В начале я тешил себя надеждой, что до нас просто тяжело дозвониться, всё-таки закрытый институт. Я даже вспомнил анекдот, который ходил тогда в народе:

В самый разгар холодной войны в секретной лаборатории раздается телефонный звонок, и мужской голос спрашивает: "Это лаборатория систем

навигации ракет стратегического назначения наземного базирования?" Ошалевший сотрудник в недоумении кладет трубку на рычаги. Звонок повторяется с этим же вопросом, и он снова бросает трубку. И лишь на пятый раз, не выдержав наглости звонящего, отвечает: "Да" и слышит в ответ: "Настю позовите". Шутки шутками, но через неделю ИФ по телефону спросил, что я думаю по поводу исчезновения, как он сказал, моей француженки. Я ответил, что полагаю, что она вела поиск места работы с размахом, широким неводом, и, скорее всего, одновременно с нашим предложением работы в её сети попалась намного более жирная рыбёшка, и "моя француженка", естественно, предпочла более выгодное предложение, быть может, в самой Москве, с жильем, с заманчивой зарплатой, без секретности, с перспективой роста и т.д. ИФ согласился со мной, выразил сожаление, что дело приняло такой оборот, и вдруг совершенно неожиданно добавил: "Придется Вам самому переводить Ваши сны с французского, без переводчицы". Возможно, местное "сарафанное радио" уже доложило ему, где переводчица проводила ночи, находясь в Истре, но меня больше волновал вопрос, почему она не позвонила ни мне, ни уважаемому ветерану войны Ивану Федоровичу. Не пойму, до сих пор.

Глава 14

В кругу семьи

Когда я фундаментально обосновался в Истре, оборудовал и меблировал свою "однушку" в девятиэтажном доме и даже вступил в гаражный кооператив рядом с домом, ко мне на несколько месяцев приехали родители. Им предложили поменять нашу старую квартиру, превратившуюся в развалюху, на двухкомнатную квартиру в новом районе, строящемся на левом берегу Днепра. Они согласились, освободили свое жилье, но до заселения в новостройку приходилось ждать два месяца, и они решили провести их у меня. И для меня, и для них это был замечательный незапланированный подарок, мы снова жили в одной квартире, вместе завтракали и ужинали – все, как в былые времена. Днем, пока я был на работе, они занимались домашними делами, много гуляли в окрестностях города, в двух шагах от дома был лес, протекала речка, природа изумительная. Вечерами отец, склонившись над

радиоприемником, слушал "вражеские голоса", потом с восторгом рассказывал нам об успехах и достижениях Израиля в агротехнике, науке, строительстве, на ухо мне шепотом приговаривал: "Пойми, эта страна - оазис в пустыне невежества и дикости ". Очень гордился он победами евреев в войнах с арабами, знал подробности всех сражений, имена военачальников.

Примерно раз в две недели отец совершал наезды в Москву, чаще всего в редакцию журнала "Советиш геймланд" - единственного в стране издания на языке идиш. Здесь он встречался с сотрудниками, внештатными корреспондентами, волонтерами, просто с посетителями, говорящими на идиш, здесь ему удалось подготовить и опубликовать в журнале несколько небольших статей. Кроме того, в помещении редакции, в процессе общения с людьми, интересующимися еврейской историей и литературой, он успел приобрести несколько книг для своей библиотеки. Интересно, что однажды, возвращаясь электричкой домой, он познакомился с известным израильским государственным деятелем Натаном Щаранским, проживавшим с мамой и папой в городе Истра, который тогда еще был Анатолием Щаранским, студентом московского института, секретарем комитета комсомола, чемпионом города Истра по шахматам. После встречи отец пришёл домой сильно возбуждённым и по секрету рассказал нам с мамой, что в электричке случайно сел рядом с молодым человеком еврейской внешности, который держал в руках книгу на иврите и читал её. Отец, извинившись, поинтересовался, что он читает, и парень спокойно ответил, что это книга для начинающих изучать иврит. Отец представился, сказал, что иврит он изучал в детстве в хедере, но до сих пор хорошо помнит язык. Они разговорились, и Анатолий сказал, что, если ему когда-нибудь удастся попасть в Израиль, то знание языка может ему пригодиться. По тем временам это было невероятно смелое признание, и отец был потрясен заявлением своего попутчика. Через некоторое время из официальных источников мы узнали о драматической судьбе этого юноши: за желание репатрироваться в Израиль его обвинили в шпионаже и на долгие годы уперли за решетку.

Вернувшись в Днепропетровск, родители сразу же въехали в новую квартиру, освоили её и были очень довольны условиями проживания. В это время помню ещё одну нашу встречу, доставившую всем нам много положительных эмоций и связанную с покупкой мною автомашины. Как известно, автомобилестроение в СССР было слабо развито, легковых автомобилей производилось мало, невозможно было зайти в магазин и просто купить машину в личное пользование, легковые автомобили распределялись

властями, создавались очереди, в которых приходилось стоять много лет. Поэтому, когда завод в Запорожье начал производить заднемоторный легковой автомобиль особо малого класса "Запорожец", появилась в первое время возможность приобрести машину непосредственно у производителя. На Украине началась запись на покупку, и маме совершенно случайно удалось попасть в эту очередь. Когда мама получила открытку с уведомлением, что машину можно получить на заводе немедленно, я с главным инженером нашего института Борисом без промедления вылетели в Днепропетровск. Оформив документы и оплатив машину, мы действительно без проволочек получили на заводе прямо со сборочного конвейера новенькую голубенькую машинку. Вернувшись в Днепропетровск уже на машине, мы все вместе с мамой и папой прокатились по родному городу, показали Борису его достопримечательности, а на следующее утро отправились на машине в путешествие по стране, держа курс на столицу.

Пробег небольшой – порядка тысячи километров, но для собранного на живую нитку "Запорожца" – это было серьезное испытание. Двигатель располагался сзади машины, охлаждался воздухом, а воздухозаборники находились на боках корпуса и напоминали торчащие уши, за что машина получила в народе прозвища "Ушастый" или "Чебурашка". Нам казалось, что охлаждение неэффективное и двигатель перегревается. Поэтому через каждые 200-300 км мы делали остановку, открывали капот, пока двигатель не охлаждался до нормальной температуры. С учетом одной поломки путешествие продлилось сутки. К счастью, Борис оказался не только талантливым инженером, но и, как говорят, "рукастым" человеком. Обнаружив дефект, он нашел машинно-тракторную станцию, попросил у них болт с гайкой и хомут, соединил в машине детали так крепко, что на станции техобслуживания, куда я через несколько дней отвез машину, их долго не могли разделить, чтобы заменить дефектный узел на новый. Запомнился мне перегон машины ещё и тем, что погода была бесподобной, тепло и солнечно, а год оказался невероятно урожайным на абрикосы, и по всей трассе Белгород-Курск-Орел-Тула вдоль дороги стояли на продажу по смехотворно низкой цене ведра, доверху наполненные отборными, крупными плодами. Семья Бориса была многодетная, а жена – кулинарка и любительница делать заготовки овощей и фруктов впрок на зиму. Раздобыв ящички, Борис по ходу нашего движения скупал абрикосы разных сортов, разной степени зрелости, так что вскоре машина оказалась загруженной до крыши, и на ухабах на наши головы сыпался дождь из спелых, ароматных плодов.

На следующий день утром, разгрузив "Запорожец" на даче Бориса и подкрепившись, мы поехали дальше напрямик на работу и включились сразу же в служебные проблемы. После окончания рабочего дня, на проходной, я встретился с собственным "Ушастым" один на один и приступил к его освоению. Права на вождение я получил ещё тогда, когда родители гостили у меня, но опыта вождения у меня не было никакого. На водительском месте было неудобно, но, что делать, мало-помалу я тронулся в путь, благо дорога уже опустела, и я не спеша доехал домой, поставил машину в собственный кооперативный гараж. В нашем институте на две тысячи сотрудников приходилось, думаю, не более десятка легковушек, находящихся в личной собственности, но "Запорожец" был единственный – мой. Правда, называть его полноценным автомобилем будет небольшим преувеличением, вместо четырех у него было две двери, и посадка на задние сидения была мучением. Глушитель у машины был, но выхлоп газов сопровождался грохотом, который напоминал то ли пулеметную пальбу, то ли рев мотоцикла на форсаже при наборе скорости. К недостаткам машины я быстро привык и пользовался услугами, которые она предоставляла в повседневной жизни, в течение пяти лет, до появления в продаже первой модели "Жигулей", на которую я тотчас же пересел.

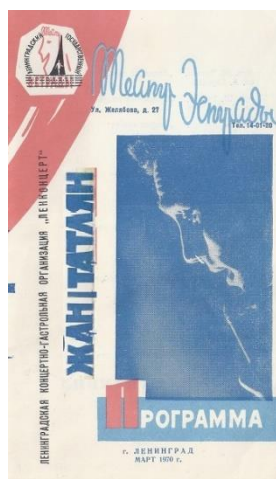
Во время короткого визита к родителям в связи с получением "Запорожца" отец, как заговорщик, отвел меня как-то в сторону и поднял тему, которая уже неоднократно поднималась при нашем общении. Речь шла о проблемах в семье его брата Вольфа. За прошедшие годы он вышел на пенсию и превратился в немощного, больного человека с постоянными кишечными болями. Он очень бедствовал, вместе с психически ненормальными женой и дочерью. Когда появился новый эффективный психотропный препарат, достаточно дорогой, а у них не было средств на его приобретение, то я несколько раз через отца передавал им деньги на покупку лекарства. По свидетельству Вольфа, прием препарата успешно поддерживал состояние Эси в пределах нормы. Вольф видел единственную возможность изменить нищенское и голодное существование в выезде из страны и подал заявление в ОВИР на репатриацию в Израиль, но вначале получил отказ. На этот раз отец сообщил мне, что семье Вольфа наконец-то разрешили всей семьёй выехать на постоянное место жительства в Израиль. Им предстояли большие расходы, а у них не было ни гроша за душой. Например, необходимо было выплатить государству значительную сумму денег за "полученное высшее образование", хотя все они были на тот момент нетрудоспособными и никак не могли воспользоваться полученной профессией. Мои родители были весьма ограничены в средствах,

и отец спросил, не могу ли я в последний раз выручить семью Вольфа. Я согласился помочь им материально и оставил отцу солидную сумму денег, благодаря которым они благополучно выехали из страны, успешно устроились на новом месте, получили квартиру в Иерусалиме и достойную социальную поддержку. В связи с отъездом семьи Вольфа в Израиль, мои родители всеми силами постарались уберечь меня от возможных неприятностей на работе. Для того чтобы "там" не узнали о том, что у меня появились родственники за границей, они для конспирации вели переписку с Вольфом через третье лицо, зашифровав свои имена псевдонимами. Сейчас все это выглядит смешно, но в то время люди с совковой психологией, а евреи, в особенности, боялись собственной тени.

Во время моих встреч с родителями всегда затрагивалась ещё одна тема, связанная с моей женитьбой. К моей затянувшейся холостяцкой жизни они относились неодобрительно: в мягких выражениях, без давления они неоднократно намекали, что пора уже обзавестись семьей, приводили имена моих школьных и университетских друзей, у которых в семьях родилось уже по несколько детей. В последний мой приезд за "Запорожцем" мама прямым текстом заявила, что их жизнь без внуков безрадостна, и попросила Бориса объяснить это мне. Я и сам уже давно тяготился своим статусом холостяка, но найти себе жену становилось все труднее, и труднее. Во время перегона машины Борис крутил баранку, а я глазел по сторонам, любовался природой, размышлял и решил в ближайшем будущем использовать любые пути для поиска спутницы жизни и перестать привередничать при ее выборе.

Буквально через две недели я поехал в командировку в Ленинград, где помимо выполнения служебных заданий, планировал познакомиться с потенциальной невестой, которой моя московская приятельница передала подарок и письмо. Я позвонил девушке на работу, и мы договорились о встрече. Прихватив букет цветов, в назначенное время я уже стоял у Казанского собора в ожидании своей судьбы. Девушка появилась без опоздания, вела себя безукоризненно, порадовалась подарку и цветам, но главное, по внешним своим параметрам отвечала всем моим запросам и представлениям о женской красоте и привлекательности. Мы прогулялись по Невскому, посидели в кафе, рассказали друг другу о себе. Звали её Виктория, или просто Вика, родом она была из Махачкалы, после окончания филфака ЛГУ устроилась библиотекарем, жила в пригороде, снимала комнату, жизнь ей отравлял все тот же запрет на прописку, который действовал в Ленинграде, также как в Москве. Она была на десять лет моложе меня, но, похоже, её это не очень смущало. Не

помню, чем завершился этот вечер, но все последующие вечера до конца командировки после работы мы проводили вместе: посетили кино, театр, ресторан, музей, болтались по городу. Не обошлось и без романтических взглядов, вздохов, прикосновений, поцелуев, мне показалось, что мы друг другу понравились. Вика проводила меня на Московском вокзале на поезд "Красная Стрела", и при расставании мы договорились, что я вскоре приеду, и мы решим, что нам делать дальше. Через месяц я снова приехал в командировку в Ленинград. На этот раз мы встретились, как родные люди, обнялись, расцеловались, чувствовалось, что мы оба ждали этой встречи с нетерпением. На следующий день мы попали на концерт молодого эстрадного певца и композитора Жана Татляна, который сыграл роковую роль в нашем

сближении. Концерт проходил в помещении театра Аркадия Райкина: в маленьком зале казалось, что Татлян поет только для нас, его лиричные и проникновенные песни потрясли нас и содержанием, и музыкой, и уникальной исполнительской манерой. После концерта, выйдя на улицу, мы долго еще испытывали эмоциональный подъем, и я, как физик, сказал бы, немного выпренно, но точно, что наши сердца бились, стучали, или попали в резонанс. Назавтра, утром мы прокатились на катере по Неве, пообедали в гостинице "Ленинград", где я остановился, и зайдя на минутку в мой номер, задержались там надолго. Вечером я проводил Вику

домой, на обратном пути в гостиницу по дороге вспомнил старушку-соседку из моей юности, которая посещала наши танцы во дворе и со зрительской скамейки контролировала поведение своей внучки. Однажды, увидев, как ухажер внучки в танце страстно прижимает её к себе, она встала и сказала, что, если он порядочный человек, то должен на ней жениться.

Вернувшись к нашим с Викой отношениям, хочу сказать, что давно это было, и я боюсь запутаться в хронологии последующих встреч, но точно знаю, что 10 февраля 1973 года мы с ней поженились в городе Истра, имеется брачное

свидетельство. Была роскошная свадьба в центральном ресторане города, приехали мои родители, мама Вики, другие родственники, явилась вся космическая общественность, мои сотрудники, играла живая музыка. Мой близкий друг Володя Шустер – лучший в городе стоматолог, человек очень влиятельный в общепитовских кругах, заказал такие изысканные блюда, которые в то время можно было увидеть только на столе у членов ЦК КПСС. Невеста в стильном свадебном наряде была чудо как хороша, без преувеличений выглядела божественно, очаровала всех гостей и своей красотой, и общительностью; она сделала себе новую восхитительную прическу, благодаря которой я был пленен окончательно. У нас не было медового месяца, но на недельку я освободился от работы, познакомил жену с городом, окрестностями, соседями, друзьями, несколько раз смотались в Москву за покупками, попали на премьеру в театр "Современник", а затем я вернулся к делам, а Вика приступила к созданию в квартире семейного уюта и занялась поиском работы. Помимо филологического, у неё было музыкальное

Невеста за минуту до регистрации брака

Окольцевал самую завидную невесту

На свадьбе

образование, и её с радостью приняли на работу преподавателем по классу фортепиано в Истринскую музыкальную школу. В ноябре у нас родилась дочка Юля, и для меня началась новая жизнь, полная радости и любви. А через три года появился у нас сын Илья. Развлечения и забавы с малышами, уход за ними доставляли мне большое удовольствие, общение с ними было для меня праздником. Я понял, что в детях и состоит абсолютное счастье, конечная цель жизни человека. Перед играми ребятишек, их смехом померкли все мои служебные достижения и космические победы.

В своей новой жизни я восхищался женой не меньше, чем в добрачный период, и она отвечала мне взаимностью. Рождение детей способствовало усилению чувства близости и привязанности, постепенно мы выстроили с Викой отношения, основанные на взаимном доверии и взаимопомощи, я не помню

каких-либо серьезных ссор между нами, при возникновении разногласий всегда находился компромисс, даже моменты напряженности, всегда присутствующие в обыденной жизни семьи, куда-то испарялись. Но самое главное, что такие гармоничные, близкие и сердечные отношения сохранялись у нас на протяжении тех двух десятков лет, которые мы провели вместе в городе Истра. Вика стала моей единственной и всепоглощающей женщиной - остальных не существовало в природе. По мере рождения и взросления детей администрация института улучшала условия проживания нашей семьи, а когда родился Илья, мы переехали в новую просторную трехкомнатную квартиру. Все эти годы наше с Викой время распределялось в основном между работой и воспитанием детей. Мы внимательно следили за их развитием в детском саду и учебой в школе, обеспечивали посещение кружков, контролировали занятия музыкой и спортом, часто совершали вылазки на природу, собирали грибы и ягоды, катались на лыжах, купались и катались на лодке на Истринском водохранилище. Пока дети были маленькие, мы летом отдыхали на Каспийском море в Махачкале у родителей Вики, а когда они стали постарше, то вначале посещали моих родителей в Днепропетровске, а заканчивали отпуск в Махачкале. Два раза нам удалось всей семьей отдохнуть на Черном море. Первый раз в Пицунде, где наш институт построил базу отдыха, состоящую из нескольких десятков отдельных деревянных домиков, общественной столовой, клуба, Второй раз в Адлере в роскошном многоэтажном пансионате общества "Знание", путевкой в который меня наградили, как председателя этого общества в Истринском районе. Позднее, когда мы обзавелись небольшим дачным участком в пригороде Истры, построили домик, посадили фруктовые деревья и кустарники, то стали часть летнего отпуска и осенний период проводить на даче, ковыряться в земле, собирать собственный урожай, готовить соленья и варенья на зиму.

Я ограничился лишь перечнем событий, произошедших в Истринский период моей жизни, потому что, если начать описывать детали, то получится отдельный большой роман, выходящий за рамки кратких воспоминаний. Между тем годы, проведенные в кругу семьи, были самыми лучшими и важными в моей жизни, для меня и Вики это были годы любви и радости. За прошедшее время мы стали опытнее и мудрее, а дети успешно прошли весь путь взросления и превратились в красивых молодых людей, Юлия успела проучиться на первом и втором курсах Московского пищевого института, а Илья окончил среднюю школу. Говорят, что чужие дети растут очень быстро, да и сама жизнь проносится на безумной скорости. Эту быстротечность я с особой отчетливостью и сожалением наблюдал на моих родителях во время

наших регулярных приездов к ним на летних каникулах. Появление детей в их доме было светлым пятном в однообразной пенсионной жизни, вносило разнообразие, очень радовало их. Когда дети были ещё маленькие, и отец, и мать с удовольствием водили ребятишек на детскую площадку. Район, в котором жили родители, был построен в последнее время, имел современную инфраструктуру, в частности, на площадке находилось множество аттракционов для детей разных возрастов. Родители с детьми обходили все спортивные и игровые сооружения одно за другим, помогали детям осваивать устройства для развлечений, следили за безопасностью. От этих прогулок родители были в восторге, но год от года я отмечал, что игры с детьми даются им все труднее и труднее. Иногда я по утрам ходил с ребятами купаться на Днепр, лодочная станция и небольшой пляжный песчаный участок находились в трёхстах метрах от дома родителей. Плавать в море и Юля, и Илья умели, но не знали, что в речной воде плавать труднее, так что однажды мне даже пришлось Юленьку спасать, когда она после плавания попыталась стать на ноги, не достала дна, перепугалась, захлебнулась, и я вытаскивал её из воды на руках. Вообще с ней всегда во время отдыха у моих родителей случались приключения. Однажды я прямо у дома с совхозной машины купил из-за жадности сразу же три ящичка свежей клубники. Надо сказать, что украинская клубника отличается от подмосковной и израильской, она мельче по размеру, но в миллион раз вкуснее. Вкусотища такая, что её можно съесть в один присест, думаю, целый килограмм, что наша восьмилетняя Юленька и сделала. Аллергия была невероятная, всё тельце девочки обсыпало прыщики, у родителей было много друзей во врачебной среде, подняли в ружьё всех кожных, прописали мазь, и через две недели аллергия прошла, но я до сих пор помню её мордашку в прыщиках и расстроенные лица родителей, склонившиеся над ней. Сейчас, сорок лет спустя, вспомнив свои волнения во время описанной клубничной истории, я понял, как сильно любил свою дочурку, думаю, что сильнее меня это маленькое существо могла любить только Вика.

Когда паника с Юленькиными прыщиками спала, к отцу в гости приехал бывший студент Еврейского Индустриального техникума, в котором отец ещё до войны работал завучем, и я обратил внимание, с каким почтением гость обращался к отцу и ловил каждое слово, произнесенное отцом. Общались они на языке идиш, и я из их разговора ничего не понял и в очередной раз пожалел, что не выучил язык в детстве, ведь отец с мамой при мне часто разговаривали

на своем родном языке, а папа вообще был выдающимся носителем идиш. У меня сохранились письма и воспоминания его студентов, коллег отца - деятелей культуры и образования, - которые жили и работали вместе с ним, в

Папа наедине со своими книгами

которых рассказывается о том, какую важную роль он играл в еврейской общественной жизни того времени. Жаль, что отец сам побоялся об этом рассказать в своих воспоминаниях. Такое было время. Я, например, хорошо помню, что Михоэлс и Зускинд во время гастролей в Днепропетровске приходили к нам домой в

гости, помню, как они дурачились со мной. В своих воспоминаниях отец об этом даже не упоминает. К сожалению, мои отношения с отцом развивались по одной из традиционных схем "отцов и детей". Заботу и любовь, которую я получал в детстве, я воспринимал, как нечто само собой разумеющееся. Став заносчивым, подающим надежды ученым, я посчитал отца старомодным и отдалился от него духовно, формально оставаясь хорошим, преданным и внимательным сыном. Когда же наступила моя зрелость, и я понял, какой мощный родник был рядом со мной, оценил его светлый ум, толерантность, эрудицию и попытался снова сблизиться с ним, то времени уже оставалось мало. Здравый смысл, искренняя привязанность и любовь к отцу пришли ко мне слишком поздно. Прочитав воспоминания отца через много лет после их написания, я осознал, каким глубоким, одаренным и мудрым он был

Могила отца

человеком, сколько доброго и полезного я мог от него перенять, сколько радости я мог ему доставить, если бы поддерживал между нами по-настоящему близкие отношения. 11 июля 1984 года (день иудейского месяца тамуз, 7 תמוז) отец скончался от сердечной недостаточности и был похоронен на кладбище Амур-Нижнеднепровск (АНД), Клочко, город Днепропетровск. Через год я установил на его могиле небольшой памятник из черного гранита, выполненный в виде раскрытой книги. Однако в 2012 году при

благоустройстве захоронения место вокруг могилы по моей просьбе окружили металлической оградкой, сам памятник укрепили, приподняли на постамент,

а от старого надгробия оставили лишь плиту из чёрного гранита с выгравированными данными об отце – Ортенберг Самуил Петрович.

Некоторое время после смерти отца мама жила сама в своей квартире в Днепрпетровске, но вскоре стало ясно, что обслужить саму себя в полном объеме она не в состоянии. Найти человека, который бы на постоянной основе обслуживал её, не удалось по целому ряду причин, и тогда она согласилась переехать поближе ко мне, желательно в Истру. В то время единственным способом решить проблему был размен квартир, но практически было невозможно поменять жилплощадь в провинциальном Днепрпетровске на жилье в Подмосковье. Я потратил много времени и средств, чтобы всё-таки произвести обмен маминой двухкомнатной квартиры на равноценную в Истре, и расположенную в двухстах метрах от квартиры, где проживала моя семья. Вначале совместное проживание, как казалось, облегчило её жизнь, так как все бытовые вопросы питания, стирки, уборки мы приняли на себя, но в дальнейшем наша с женой занятость, длительное пребывание вместе с детьми подросткового возраста начали её тяготить. Она стала большую часть времени проводить на своей квартире сама. Разумеется, мы выполняли работы по обеспечению её всем необходимым. Но прогулки её становились все короче, новые друзья появлялись, но встречались они редко, её родной брат, который проживал в Москве, был человеком немолодым и тоже не очень здоровым, навещал её редко – вначале раз в полгода, а потом раз в год. Уход отца из жизни, разрыв с привычным для неё образом жизни в Днепрпетровске, расставание с друзьями оказывали на её состояние тяжелое воздействие. Она чаще болела, несколько раз попадала в больницу, страдала от забывчивости, мне приходилось по несколько раз в день контролировать, поела ли она. В июле 1989 года скорая помощь вновь увезла её с сердечными жалобами в больницу. Моя жена с детьми отдыхали в это время на юге, а я, учитывая мамино состояние, от отпуска отказался. Каждый день после работы, прихватив или приготовив что-нибудь вкусненькое, я ехал к ней в больницу и оставался до закрытия больницы. Даже мои гостинцы ела она плохо, я пытался с ней разговаривать, возможно, я надеялся, что мое присутствие каким-то образом уменьшит её страдания. Мама угасала на глазах. В один из дней телефонный звонок разбудил меня в пять утра и женский голос сообщил, что мама умерла. Я похоронил её на Новом кладбище города Истра, которое находилось на окраине города в полукилометре от районной больницы, где мама скончалась. Памятник на её могиле представляет подлинную неотёсанную глыбу из цельного серого гранита. На отполированной площадке в центре камня написано: "Сигал Зинаида Савельевна". Она пережила отца на

пять лет и скончалась 27 июля 1989 года, в том же месяце тамуз по еврейскому календарю, в котором умер отец. Теперь, после перестройки и распада Советского Союза, могилы моих родителей находятся в разных государствах: в России, Московская область, город Истра и в Украине, город Днепропетровск.

Миновали дни скорби, пришло осознание необратимости потерь, и, когда Вика

с детьми возвратилась в Истру, я с особой ясностью осознал свою ответственность за происходящее, за судьбу моей семьи. Жизнь продолжалась. Между тем, экономический спад в СССР отмечался во всех сферах, основные показатели неуклонно падали, страна переживала продовольственный кризис, разрастались национальные движения, росла международная изоляция, житейские трудности, невзгоды для граждан страны становились невыносимыми. Одновременно с этим

власти с маниакальной настойчивостью продолжали антисемитскую пропаганду. Как известно, экономическое положение, политическая обстановка, деградация власти разродились пресловутой перестройкой; последующие так называемые демократические реформы, властные перевороты привели к распаду Союза. Всё это создало невообразимую путаницу, нестабильность в обществе, наблюдалось ещё большее снижение уровня жизни населения. Государственный антисемитизм заменили на уличный, бытовой, общественный; в Москве в киосках, на всех переходах в метро свободно продавалась антисемитская литература любых сортов, включая погромную; на прилавках лежала книга Гитлера "Майн кампф"; какие-то отморожки в националистических группировках обучались боевым приемам, маршировали на стадионе в Тушино, их идеологи формировали общественные организации, партии, рвались во власть. Такая обстановка вызывала у евреев страх, стремление покинуть страну. Когда для этого появилась лазейка и евреев мало-помалу начали отпускать на постоянное место жительства в Израиль, подобное желание возникло и в нашей семье, вначале, как фантастическая неосуществимая мечта, а затем постепенно преобразовалось в реальный план. Дело в том, что я долгие годы работал в

секретной системе, например, часто выезжал на космодромы, был знаком с техническими характеристиками ракет, космических аппаратов и владел другой информацией, составляющей государственную тайну. В связи с этим подача заявления на выезд из страны могла обернуться получением отказа, возможно на долгие годы, а стать, как тогда говорили, "отказником" означало потерять работу, социальный статус и ожидать других бедствий для всей семьи. Ты становился как бы изгоем общества, лишенным всех прав. Если же ты продолжал после такого наказания настаивать на отъезде, то тебе пришивали уголовную статью или направляли на лечение в спец. психушку. Обычно обстановка во время преобразований в обществе меняется с невероятной быстротой, и мы надеялись, что и для нас вскоре появится возможность обрести свободу.

Тем временем, с началом перестройки в нашем институте катастрофически снизилось финансирование работ в области космоса, до такой степени, что иногда просто нечем было платить зарплату. С другой стороны, из магазинов и с прилавков исчезли товары и предметы первой необходимости. Для регулирования спроса предпринимались попытки создать подобие карточной системы для жителей района. Весь этот хаос привел к тому, что для того, чтобы выжить сотрудники института занялись "шабашками" - подработками на стороне – строителями, спекулянтами, рабочими в кооперативных бригадах, грузчиками, уборщиками улиц, устраивались в частные и иностранные конторы, которые плодились в стране, и т.п. Мне повезло больше – я попал в медицинский международный проект России и Германии, который подписали Борис Ельцин и Герхард Коль. В соответствии с соглашением, немецкая сторона передавала российской стороне технологию и ключевые компоненты современного рентгеновского оборудования, на базе которых в России планировалось развернуть производство нескольких типов медицинских приборов для здравоохранения. Дело в том, что в России лечебные учреждения использовали древние рентгеновские устройства начала века, спроектированные, думаю, еще при жизни самого Рентгена; в нашей Истринской земской больнице, например, снимки больных производились на оборудовании, изготовленном на заводе "Мосрентген" еще до войны. За рубежом в лечебной практике использовалась рентгеновская аппаратура, существенно опережающая российскую медтехнику. Проблема состояла в том, что российские предприятия производили архаичные медицинские приборы на допотопном оборудовании. Когда немецкие специалисты ознакомились с оборудованием предприятий Медпрома, то посчитали сотрудничество бессмысленным из-за необходимости полной переделки заводов отрасли.

Тогда было решено поручить выпуск рентгеновских устройств высокотехнологичным предприятиям, производящим оборонную продукцию. Задание поручили нашему институту и ещё двум институтам авиационной и ракетной отраслей. Нашему институту предстояло освоить производство двух типов диагностических рентгеновских устройств, партнером была определена кампания "PHILIPS MEDICAL SYSTEMS", находящаяся в Гамбурге. Группа ведущих специалистов института, в которую входил и я, была направлена в Германию для ознакомления с производством медтехники и для получения технической документации. Разумеется, со своей задачей мы справились и, вернувшись, приступили к подготовке изготовления медицинской рентгеновской техники на нашем оборудовании. Для меня поездка в Гамбург была важным событием, во-первых, потому что ранее я за границей не был, а благодаря поездке стал человеком "выездным", во-вторых, я перестал заниматься космосом и любыми другими секретными делами, наконец, в-третьих, сэкономив, на чем только можно, командировочные, я купил импортные подарки: Вике – куртку, Юле – плащ, Илье – джинсовый костюм. Медицинская тематика удачно прижилась в институте, и вследствие активности созданного нами коллектива, современная диагностическая рентгеновская аппаратура через некоторое время стала поступать в лечебные учреждения страны.

С институтом же творились чудесные преобразования. Лишившись серьезного государственного финансирования, администрация института начала сдавать в аренду предприимчивым молодым людям отдельные помещения и даже целые корпуса для коммерческой деятельности. Меня поразило, когда в огромном корпусе, где испытывались сложные энергосистемы специального назначения, разместили лесопилку – большое предприятие первичной переработки леса на лесоматериалы. По утрам лесовозы, груженные бревнами, заезжали через секретные ворота и разгружались возле лесопилки, а вечером пиломатериалы, установленных размеров и качества, вывозились за территорию. Любопытной была также реакция на развал института спецслужб, которые остались без работы и, как и все остальные, устремились в коммерцию; некоторые службисты устроились на работу в компании и фирмы, возникшие на институтских площадях, другие охраняли или "крышевали" бизнес, получая за это оплату, но своими непосредственными делами никто уже не занимался. Поэтому, когда моя семья подала в ОВИР заявление на выезд в Израиль, кто-то, установив, что я занимаюсь медтехникой и уже подал документы на увольнение в связи с выходом на пенсию, подмахнул запрос на меня, и нам выдали разрешение на выезд. Решение о выезде из страны именно

в этот момент мы приняли потому, что Илья закончил школу и его ожидал призыв в армию. Антисемитизм и насилие среди призывников именно в те годы достигли максимума, и в армии для еврейского паренька было заготовлено столько жутких унижений и нечеловеческих испытаний, после которых, если он и выживал, то был искалечен физически или духовно. Мальчика необходимо было спасти от подобного развития событий, и опасения за судьбу Илюши стали основным побудительным мотивом для эмиграции семьи.

Мы продали все наше имущество: квартиру, машину, гараж, дачу, но, к сожалению, цены в это время были низкими и вырученные деньги составили менее третьей части суммы, которую мы должны были выплатить за квартиру по новому месту жительства в Иерусалиме. Пришлось взять ссуду, которую мы выплачивали последующие пятнадцать лет. Конечно, смена страны проживания – не развлекательная прогулка, и трудности начинаются с момента расставания со страной. Дети прикипели к родному городку, в котором они провели всю свою жизнь, рвалась связь с друзьями детства, с приятелями и подругами, с которыми связывались уже более крепкие отношения. Расставаться со всем этим в их пылком возрасте было очень непросто. Мы с Викой родились и всю сознательную жизнь провели в Советском Союзе, срослись с его народом, его судьбой. Я до сих пор считаю русский народ одним из самых одаренных и талантливых народов в мире. В доме моих родителей русская культура считалась образцом совершенства и самобытности. В процессе моей трудовой деятельности мне посчастливилось взаимодействовать с интеллектуальной элитой страны, сотрудничать с ее представителями, добиться существенных результатов на научном поприще, занять не последнее место в служебной иерархии, принести пользу своей стране. Как человек я, что называется, "состоялся", достиг достойного положения в своей области, стал уважаемым членом общества, создал семью, вырастил детей. Но невозможно забыть, что и я, и все мои родственники на протяжении всей жизни неоднократно сталкивались с дискриминацией, запретами и ограничениями. В СССР каждый еврей на собственной шкуре испытал в различной степени проявления юдофобии, почувствовал отношение к себе, как к гражданину второго сорта. Власти систематически сваливали все неурядицы в стране на евреев: недостаток продовольствия и товаров широкого потребления, потогонную систему на промышленных предприятиях, мизерную оплату труда, абсолютное гражданское бесправие. После перестройки, с приходом свободы антисемитская литература, полная презрения к евреям, замшелых сказок, вроде "Протоколов сионских

мудрецов", абсурдных шпионских обвинений, злобных надуманных историй, заполонила книжные магазины и киоски. Эта бомба с зарядом, направленным против евреев, могла и может взорваться в любую минуту. Никто не в состоянии гарантировать еврею достойную и безопасную жизнь в такой стране. Бессмысленными становятся любые попытки евреев приспособиться к подобным условиям существования. Сразу же приходят на ум строки из популярной песни Александра Галича: "Ой, не шейте вы, евреи, ливреи, не ходить вам в камергерах, евреи!" Повторю, что отъезд из России был для нас событием болезненным, ему предшествовали мучительные сомнения, жаркие обсуждения, длительная подготовка, но решение было принято, и в конце мая 1993 года наша семья вместе с пожилыми родителями Вики вылетели из Москвы в Израиль на постоянное жительство.

В результате перестроечных процессов в начале девяностых годов двадцатого века Россию ежегодно покидало максимальное число евреев за всю историю возвращения их в страну Израиль. С этим массовым исходом ("алией") евреев из России мы влились в поток репатриантов ("возвращенцев"), освоились в новой стране, полюбили её. Израиль – еврейская страна, дом для евреев. Здесь мы чувствуем себя её полноценными и свободными гражданами, здесь я не услышу похвалу в свой адрес, которой меня часто награждали попутчики по жизни в России: "Какой Вы (ты) отличный, добрый, порядочный, умный и т.д. человек, хотя и еврей". Прошло уже более четверти века, как мы живем в Израиле, и с каждым днем всё очевиднее становится правильность принятого в свое время решения об отъезде. Возможно, покидая Россию, мы немного преувеличивали страхи репрессий и погромов, но не потому, что их не может быть - их вероятность и сегодня не равна нулю, - а потому, что антисемитская зараза распространена по всему свету, присутствует во всех странах, даже в тех, где нет ни единого еврея. Граждане многих стран в той или иной степени разделяют антисемитские взгляды. Просто степень антиеврейских проявлений нарастает в одном месте и спадает в другом, и поэтому неправильно считать Россию единственной или главной страной, враждебной евреям. Однажды прочитал, что в Германии, например, по результатам опроса почти каждый четвертый гражданин страны ненавидит евреев, а 41% считает, что евреи "спекулируют" на Холокосте. Недавно узнал, что Франция держит первенство по числу нападения на евреев, количеству терактов в синагогах и еврейских учебных заведениях. А в ноябре 2019 года прочитал в газете, что в стране, где я родился, где похоронен мой отец, в стране, в которой президентом избран еврей – в Украине - минувшей ночью вандалы нарисовали красной краской на памятнике еврейскому писателю Шолом Алейхему,

установленному в центре Киева возле Центральной синагоги Бродского. Во время большой алии из России я вместе с почти миллионом соотечественников, евреев по национальности, принял бесспорное и своевременное решение выехать в Израиль. Думаю, пришло время принятия радикального решения для еврейского населения в мире: каждый еврей должен выбрать подходящий момент и, где бы он не находился, собрать своих близких, перелететь в Израиль, реализовать свой талант, отдать свою творческую активность родной стране и, если понадобится, защитить и спасти свой народ, свою родину от любой угрозы, потому что нет другого способа уцелеть, кроме как, собравшись вместе, победить врагов, желающих нашей смерти. Это должно стать основой еврейского самосознания.

При этом следует помнить, что зло, противостоящее евреям, может рядиться в любые наряды, прикрываться разными масками, включая "миролюбивые". Стремясь уничтожить Израиль, наши враги не гнушаются применять лживые, провокационные приемы, манипулируя догмами демократии и свободы. История научила наш народ, что с врагами невозможно добиться согласия, идя на компромиссы и уступки, потому что за первой уступкой последуют новые требования и новые уступки, а это путь к повторению Холокоста. Иллюзорные представления о возможности договориться с ненавистниками и террористами, которые позволяют себе некоторые либеральные элиты, потерявшие чувство опасности и утратившие инстинкт самосохранения, являются недопустимыми. В борьбе с врагами еврейский народ должен быть решительным и смелым. В тоже время, надо понимать, что мы живем среди нормальных, добрых, порядочных людей, далеких от злобной ненависти к евреям, людей, лишенных националистических предрассудков. Недавно меня потряс поступок губернатора американского штата Флорида Рональда Десантиса, который официально заверил подписью закон об антисемитизме, в соответствии с которым, антисемитизмом будет считаться призыв к насильственным мерам против евреев, поддержка заговорнических теорий и стереотипов о евреях, а также отрицание Холокоста. Следует всеми силами способствовать тому, чтобы подобная практика стали примером для подражания во всем мире, а идеи непредвзятого отношения к евреям проникли в массовое сознание человечества.

Когда мы перебрались в Израиль, моя дочка Юля и мой сын Илья были молодыми людьми, только начинающими свой путь. В их памяти сохранились нечеткие образы бабушки Зины и дедушки Самуила, расплывчатые представления о стране, которую они покинули в подростковом возрасте, и

совершенно туманные воспоминания о событиях того смутного времени. Так вот, основным стимулом издания воспоминаний отца и написания продолжения истории нашей семьи является попытка воссоздать дорогие мне черты моих замечательных родителей, рассказать, из какой великой, сложной и чуждой страны произрастают наши корни, и в какое противоречивое время довелось нам жить. Хочется оставить эти знания нашим потомкам, в назидание будущим поколениям, которые, очень надеюсь, будут всегда жить на земле, дарованной нашему народу, и более никогда не испытают горечь пребывания в галуте. Подготовкой к выпуску воспоминаний отца я начал заниматься незадолго до отъезда из России. При наших беседах отец часто упоминал, что известный писатель Михаил Лев, пишущий на идиш, является его земляком, другом детства и человеком необычной судьбы. Например, после закрытия еврейских культурных институций в СССР он остался без работы и с 1949 по 1961 год трудился носильщиком, а в последнее время, невзирая на недовольство властей, собирал материал о восстании в концлагере в Собиборе. Мы встретились с Михаилом недалеко от его дома в московском скверике на скамейке. Он увидел меня впервые и поразился моему сходству с отцом. Выслушав мою просьбу помочь с переводом воспоминаний отца на русский язык, он грустно и точно заметил: "У других народов нельзя встретить человека, который бы не умел прочесть то, что написано отцом или матерью. Только у нас, у евреев, это возможно". Он познакомил меня с корректором журнала "Советиш геймланд", и тот, как мог, перевел воспоминания отца на русский язык. Уже в Израиле, внимательно прочитав перевод, я обнаружил, что он далек от совершенства. К сожалению, переводчик хорошо владел языком идиш, но русский язык он, по-видимому не сумел изучить досконально, и мне пришлось потратить много усилий на редактирование, чтобы придать переводу достойную форму. Тем не менее, я признателен Михаилу Льву что он направил меня по результативному пути. Тогда в скверике, прощаясь со мной, Михаил пожелал мне успешной репатриации и добавил, что издание воспоминаний необходимо обязательно довести до конца, потому что никто не сможет лучше моего отца описать родное местечко в начале 20 века, да и евреев - выходцев из Погребище - становится все меньше, а в самом местечке сейчас проживает лишь несколько еврейских семей. Я добавил, что недавно видел информацию о том, что в Погребище на территории старого еврейского кладбища разбиты огороды местных жителей. Через несколько лет мы встретились в Израиле, куда он тоже вскоре переехал. Здесь он закончил и издал свою книгу "Собибор", над которой долго работал. И теперь по переводам книги, по кинофильму с этой героической историей знаком весь мир.

Израиль

Для меня с Викой одной из самых трудных преград на пути приспособления к жизни в израильском обществе стал языковой барьер. Юля и Илья сразу же поступили в молодежный международный центр изучения иврита, весело и легко вместе со своими ровесниками, выходцами из других стран, прошли интенсивный курс языка по пять часов в день, и за короткое время освоили иврит в пределах, достаточных для успешной профессиональной и социальной интеграции. Юля затем при Иерусалимском университете прошла годичный подготовительный курс, здесь же получила высшее образование в Академии искусств "Бецалель" по специальности керамика и начала трудовую деятельность на педагогическом поприще. Илья также получил высшее образование в Иерусалиме, окончив Академический колледж "Хадасса" по специальности оптометрия, устроился в частную фирму в Тель Авиве и успешно практикует там по специальности по сей день. Я надеюсь, что когда-нибудь они сами в деталях опишут, как прошла их абсорбция в Израиле, чтобы сага об Ортенбергах не оборвалась на этих моих воспоминаниях. Общеизвестно, что восприимчивость к языкам с возрастом падает, а на момент переезда в Израиль мне перевалило за шестьдесят, у Вики возраст тоже был не юношеский, так что дорога к постижению иврита у нас была тернистой. Мы окончили школу для изучения иврита базисного уровня, где обучают алфавиту, основам грамматики, формируют словарный запас, затем несколько лет развивали в школе навыки повседневного общения на языке иврит. В это же время Вика окончила курсы воспитателей детских садов, нашла хорошее место недалеко от дома и проработала с детьми в садике до пенсии. На первых порах государство Израиль оказывало нам, как репатриантам, материальную помощь, но её было недостаточно для оплаты квартиры, проезда, питания, покупок предметов первой необходимости. Поэтому, пока мы изучали иврит, а дети получали образование, приходилось подрабатывать: я год проработал ночным сторожем на стройке, Вика устроилась продавцом в русском продовольственном магазине, Юля – официанткой в ресторане, Илья – убирал подъезды в жилых домах и мыл машины на мойке. Работа была тяжелая, унизительная, плохо оплачиваемая, но мы безропотно пронесли этот крест, понимая неизбежность трудностей, сопутствующих смене страны проживания. Сейчас, когда мы вспоминаем первые, необычайно напряженные годы жизни в Израиле, наше скудное, безденежное бытё и изнурительный

труд - в голову приходят только комичные эпизоды, которых было предостаточно, а бедствия полностью забылись.

Получив первые шекели за подработку, Юля, не поставив никого в известность, поехала в питомник и купила породистого двухнедельного щенка английского кокер-спаниеля. Это была собака необыкновенной красоты и

человеческими, в хорошем смысле слова, чертами характера: преданная, деликатная, опрятная, игривая, энергичная и т.д. По паспорту её предками были выдающиеся представители породы с такими звучными именами, что мы, дабы не отстать, дали нашему любимцу кличку Феллини, по фамилии великого итальянского режиссера, но в быту щенок отзывался на укороченный вариант – просто Фил. Фил прожил в нашей семье 16 лет. По принятому у собак порядку у него обязан был быть хозяин или вожак, таким вожаком был я. Мы сильно прикипели друг к другу. Фил доставил много

радости всем членам нашей разросшейся семьи; сам того не ведая, пережил вместе с нами лишения, которые выпадают в начале репатриации, и потом долгое время наслаждался сытой, безбедной и веселой жизнью в многодетной семье. Фил успел оставить после себя потомка от чистопородной кокерши, как две капли воды похожего на него, и ушел в мир иной, стараясь доставить нам как можно меньше забот. Дело было вечером, Фил лежал посредине салона нашей большой пятикомнатной квартиры, в которой я с Викой жил вместе с её мамой, семья Юли была у нас в гостях, и, когда Юля, её муж и дети собрались идти домой, Фил не пошел, как обычно, провожать их до лифта, а только взглядом проводил их до двери. Я подошел к нему, погладил по голове, сказал какие-то утешительные слова, которые говорят близким людям, когда им тяжело, Фил долго смотрел на меня, как мне показалось с благодарностью, а потом положил голову на вытянутые вдоль пола лапы, и больше он голову не поднимал. Это был скорбный вечер для всех членов нашей семьи.

Незабываемые события тех лет и любовь к собаке отвлекли меня от последовательного повествования, и я обязан вернуться к началу нашей репатриации, когда Филочка ещё лакал молочко из блюдца. На тот момент прогнозы, касающиеся моего трудоустройства по специальности, были малоутешительными, потому что страна не нуждалась в таком количестве

научно-технических работников, которое прибыло с массовой репатриацией евреев в девяностые годы. Раньше по поводу прибывающих в Израиль из России шутили, что если спускающийся из самолета по трапу репатриант не держит в руках футляр со скрипкой, то он – пианист. Теперь в этом потоке, казалось, значительную часть составляли инженеры, техники, изобретатели, академики, кандидаты и доктора наук, и большинство из них имело непомерные амбиции и планировало продолжить свою карьеру в Израиле. Разумеется, многие из этих планов не могли реализоваться потому, что репатрианты из России не освоили в достаточной мере иврит, не знали иностранных языков, не владели компьютерами, не были знакомы с современными технологиями. Особенно безнадежным устройство на работу виделось для пожилых людей, таких как я; при каждом собеседовании, при поиске работы приходилось снова и снова доказывать, кто ты такой, демонстрировать свою профессиональную пригодность, свой опыт, способности и талант, если представлялась такая возможность. Я разослал своё резюме и по почте, и по Интернету на десяток адресов, где, как мне казалось, я мог бы сгодиться, получил несколько вежливых отказов в работе, связанных с отсутствием вакансий или слишком высоким уровнем моей квалификации. Я прошел три собеседования, завершившиеся обещанием, что они обратятся ко мне в будущем, когда я им понадобится, и, наконец, менее чем через год после репатриации в Израиль я был принят на работу в Институт космических исследований (ИКИ), который и территориально, и административно принадлежал факультету аэронавтики Техниона – высшего учебного заведения, расположенного в Хайфе. В то время основной разработкой ИКИ являлся малый спутник "Техсат", представляющий собой куб со стороной грани 0.5 метра и весящий около 50 килограмм, и я стал участником создания этого спутника. Я сразу же попал в творческий молодежный коллектив, увлеченный теми же проблемами, которыми я занимался в России долгие годы. Такое точное попадание в жизненную ситуацию иным словом, чем "мазаль", не назовешь ("мазаль" на иврите – это "удача"). Таким образом, спутник "Техсат" стал моей первой разработкой в Израиле.

Ключевой фигурой при создании спутника был недавний выпускник Техниона талантливый инженер Игаль Флор, обеспечивающий его интеграцию; сам спутник проектировал конструктор милостью божьей Анатолий Вольфовский из Москвы; вопросы связи спутника с наземным оборудованием решал скромный и опытный специалист Геннадий Гольтман - также репатриант последней волны; за разработку основных систем спутника отвечал Владимир Петрушевский, получивший техническую закалку еще в России на ракетном предприятии; орбитальным анализом занимался профессор Йоси Шартиель;

ориентацию спутника в полете обеспечивал Александр Ширяев – астроном из С.-Петербурга; за компьютерные аспекты проекта отвечал Рони Валер. Всем этим ансамблем умело дирижировал руководитель проекта Моше Шахар. К моменту моего прихода на проект первый экземпляр спутника, "Техсат-1", уже проходил наземные испытания. К сожалению, космических высот он не достиг и на орбиту не вышел. Следует признать, что за запуск спутника с израильской стороны отвечали "неумейки", пуск производили с космодрома Плесецк одной из модификаций ракеты "Старт", которая на тот момент еще не прошла никаких испытаний. Риск был велик, но санкции на случай неудачи договором не предусматривались, так что после аварийного запуска российская сторона не только не компенсировала ущерб, но даже потребовала оплату завершающего этапа договора, невзирая на утрату спутника. Экономические потери были значительными, поскольку запуск спутника не был застрахован. Держатели договора – пусковики (ракетчики), стремясь сократить расходы, даже не удосужились подключить к запуску на участке выведения наземные средства слежения и связи, что является вопиющим нарушением порядка при запуске. Короче, "Техсат-1" плюхнулся в Охотское море и затонул, почему остряки относят его к "водоплавающим" космическим аппаратам. Вскоре после его кончины началась интенсивная работа над новой версией спутника – "Техсат-2". В этот спутник я вложил много труда и новых идей, полезными оказались мои обширные связи в России. Израиль был молодой космической страной, по сравнению с Россией, и мой опыт, приобретенный в России, оказался востребованным при проектировании спутника "Техсат-2" и помог избежать многих ошибок.

Мне удалось установить тесный контакт с несколькими российскими фирмами космической отрасли, благодаря чему на израильском спутнике было установлено новое прогрессивное оборудование, и спутник удалось быстро запустить на орбиту, используя российские средства доставки грузов в космос. Включившись в работу, я выяснил, что институт ВНИИЭМ, в котором я работал до репатриации, планирует в ближайшее время запустить большой двухтонный спутник "Ресурс" на круговую орбиту высотой около 820 км. Орбита была синхронно-солнечной и подходила для исследовательских задач, стоящих перед "Техсат-2", и я договорился с моими бывшими коллегами, что они разместят израильский спутник на поверхности "Ресурса" и доставят его на орбиту как попутный груз, а затем в процессе совместного полета на активном участке орбиты разделят спутники между собой. От израильской стороны я отвечал за все виды деятельности по запуску, включая наземные испытания, стартовые работы на космодроме Байконур. Запуск был

экономически выгодным, привлекательным по срокам запуска и, пожалуй, самым надежным из имеющихся на тот момент возможностей. Я заказал на другой московской фирме, с которой долгие годы сотрудничал, самые прогрессивные солнечные панели, покрытые специальным слоем, предохраняющим фотопреобразователи от радиационных повреждений. Панели предназначались для эксплуатации в условиях космоса без существенного снижения эффективности. Обычно в ближнем космосе спутники работали в течение 2-3 лет, полет "Техсат-2" в рабочем режиме продолжался около 12 лет, тем самым полностью подтвердив достоинства панелей, благодаря которым спутник "Техсат-2" стал космическим долгожителем. Учитывая большую заинтересованность российской фирмы в продаже панелей, цена на их поставку была установлена невысокой, и контракт был исключительно выгодным для Израиля.

Следующей важной для спутника работой я считаю радикальную переделку прибора для измерения содержания озона в атмосфере, точнее, создание нового устройства для этой цели. Дело в том, что первый мониторинг атмосферного озона из космоса был осуществлен американским прибором ТОМС на спутнике "Метеор", запущенном ВНИИЭМ. Я принимал участие в этом международном проекте и в процессе выполнения проекта даже написал и издал книжку о методах измерения концентрации озона из космоса. Ознакомившись с озонометром, предназначенным для "Техсат-2", я установил, что, к сожалению, при его проектировании были допущены принципиальные ошибки, не позволяющие использовать прибор по его назначению. Экспертиза американских специалистов подтвердила его несостоятельность, и тогда я предложил новый миниатюрный ультрафиолетовый монохроматор для измерения атмосферного озона, который был разработан, испытан и установлен на спутник. Для обработки результатов измерений в полете я предложил новый алгоритм, в котором впервые использовалась *a priori* информация из Интернета о среднемесячных значениях концентрации озона, полученных ранее при космическом мониторинге озона. В результате оказалось, что точность, с которой "Техсат-2" определял общее содержание озона и озонные профили, отвечает современным требованиям.

Наконец, по моему предложению, на малом спутнике впервые была установлена сборка специальных отражателей (Ретро-Рефлекторов – РР). Посылая с поверхности Земли лазерный импульс и измеряя время возвращения отраженного от рефлектора сигнала, можно очень точно определить расстояние между спутником и наземной станцией, а,

следовательно, с большой точностью рассчитывать орбиты. История этого нововведения для "Техсат-2" такова. На лицевой панели спутника, обращенной к Земле, предполагалось вначале установить инфракрасный датчик. Однако, за месяц до отправки спутника в Россию для подготовки к запуску выяснилось, что датчик не будет поставлен, и было принято решение продолжить работы со спутником, заменив датчик на его механический эквивалент. Мое предложение установить на освободившееся место не массогабаритную болванку, а реальную полезную нагрузку - РР, соответствующую по массе и размерам датчику, было воспринято с пониманием, так как РР придавал спутнику новое качество. Оставался открытым вопрос, как можно в столь короткий срок создать достаточно сложный оптический прибор. Опять помогли мои связи в России - РР был разработан, испытан и установлен на спутник уже в России незадолго до запуска. На орбите при измерении расстояний до спутника с использованием РР были получены интересные результаты, но запомнился забавный случай, произошедший в первые дни полета "Техсат-2". Оказалось, что снаружи на большом спутнике "Ресурс" временными пассажирами, помимо израильского "Техсат-2", размещены ещё четыре спутника: Германии, Англии, Таиланда, Австралии. После отделения пяти маленьких спутников от спутника-носителя на орбите образовался рой из шести космических аппаратов, движущихся на близких орбитах. Параметры орбит были зарегистрированы в международном

каталоге, но приписаны не к тем спутникам в группировке, которым они принадлежали. Благодаря РР, установленному на "Техсат-2", по оптическому отражению, спутник был выделен из сборки и ошибочное отождествление спутников исправлено в реестре. После экспериментов с нашим спутником, лазерное определение расстояний с помощью бортового РР стало устойчивой темой исследований в Институте космических исследований.

Я сопровождал спутник непрерывно, начиная от зарождения идей об его комплектовании и до момента его кончины на орбите после долгих лет успешного полета; прошел с ним все стадии проектирования, изготовления, наземных испытаний, совместных проверок со спутником "Ресурс", преодолел проблемы при запуске, обеспечил контроль его работы на орбите, обработку телеметрической информации и, наконец, через много лет, при завершении

работы спутника на орбите, по команде с нашего наземного пункта управления полетом, расположенного на крыше здания факультета аэронавтики Техниона, отключил все его системы от питания и законсервировал спутник. Во время совместных с российской стороной работ по запуску "Техсат-2" между нашими коллективами поддерживались деловые дружеские отношения, обеспечившие успешную доставку израильского спутника на орбиту. Я расскажу лишь о двух эпизодах нашего взаимодействия, характеризующих перестроечную атмосферу в России того времени, когда проводился запуск. Дважды, вначале с макетом спутника, а потом и с его летным образцом, с большой тщательностью в монтажно-испытательном комплексе ВНИИЭМ проводились совместные отработки системы отделения "Техсат-2" от "Ресурса" на орбите. Система отделения разделяла спутники, скрепленные между собой пироболтами, по команде, которая приводила к срабатыванию системы – стержни пироболтов разрушались взрывом, головки болтов отрывались, а освободившиеся спутники расталкивались друг от друга с необходимой скоростью пружинным механизмом. Перед каждым испытанием системы в неё закладывался комплект пироболтов. К сожалению, во время перестройки завод по производству болтов обанкротился, его перекупили, перепрофилировали, и он прекратил их выпуск. Поэтому испытатели ВНИИЭМ дорожили сохранившимся у них запасом пироболтов и при наземных отработках иногда для экономии использовали пироболты с просроченным сроком годности. В космическом производстве подобное нарушение технологии недопустимо, но при наземных испытаниях приходилось закрывать на это глаза, поскольку весь процесс отделения вручную контролировался операторами и не мог повредить спутникам. В то же время, отказ системы отделения на орбите представлял собой катастрофу для всей миссии спутника. Поэтому в Байконуре я присутствовал на всех этапах соединения "Техсат-2" со спутником-носителем с целью проверки, что в систему отделения вставлены пироболты последней партии выпуска с действующими гарантиями.

Запуск спутника "Техсат-2" проходил во время экономического кризиса в России. Израильский спутник запускался как одна из пяти попутных нагрузок - спутников, изготовленных в Германии, Англии, Таиланде, Австралии и Израиле и размещенных на большом российском аппарате "Ресурс", с космодрома Байконур за два месяца до дефолта российской финансовой системы в 1998 году. Первый перенос даты запуска, на который прибыли делегации всех стран, участвующих в этом международном проекте, произошел после отказа датчика курса ракеты "Зенит" за день до старта.

Запасного датчика не было, завод подобные приборы уже не производил в связи с отсутствием заказов. Аналогичный датчик сняли с другой ракеты "Зенит", находящейся в монтажно-испытательном корпусе и предназначенной для запуска спутников связи, и установили на нашу ракету. Пока принимались и реализовывались эти решения, члены зарубежных делегаций разъехались по домам. И правильно сделали, потому что более длительная отсрочка запуска произошла вскоре, когда казахская сторона отключила электричество на стартовых позициях за неуплату долгов российской стороной. Тем не менее, запуск оказался успешным, и это следует признать чудом на фоне царящего хаоса, учитывая, что предыдущая и последующая ракеты "Зенит" ушли, как говорили "за бугор", т.е. до космоса не долетели, а взорвались на Земле.

Поездки в Россию, связанные с реализацией проекта "Техсат-2", существенно отличались от моих прошлых служебных командировок по стране прежде всего потому, что теперь я находился в России, как гражданин Израиля, сохранивший российское гражданство. Двойное гражданство позволяло пересекать границу без оформления визы. При командировках в Москву принимающая сторона обеспечивала заселение иностранных граждан в ранее недоступные для меня элитные отели столицы "Украина", "Белград" и другие. Однажды мне довелось проживать в бывшей гостинице Московского городского комитета КПСС. Расположенная на Арбате в тени высотки Министерства иностранных дел и переоборудованная в современный отель, она по старой памяти была просто нашпигована охранниками – они мелькали и на улице перед входом, и на входе, и на каждом этаже. Посольства стран, бывших республик Советского Союза, начали практиковать предоставление на коммерческой основе своих апартаментов для командированных из-за рубежа. Таким образом нашу делегацию поселили в латвийское посольство, расположенное рядом с домом, в угольном подвале которого делал первые шаги молодежный театр "Табакерка" - детище известного актера Олега Табакова, а ныне очень популярный у театралов коллектив. Должен похвастать, что мне удалось попасть на их спектакль, посидеть на зрительских, тогда еще деревянных скамейках со спинками, и прикоснуться к рождению подлинного искусства. В посольстве обстановка тоже была восхитительная: чистенькие номера, маленький уютный конференц-зал с играми и музыкальными инструментами, предназначенный для отдыха и совещаний, кафе, в котором подавали национальные блюда из натуральных латвийских продуктов. Так что после переговоров и испытаний спутника мы проводили свободное время в превосходных условиях. Наш конструктор Толя, разработавший спутник "Техсат-2", вечерами исполнял на фортепиано

классические и эстрадные произведения, и всё пространство посольства наполнялось ласкающими звуками замечательного инструмента. Короче – командировочный рай. Тем не менее, когда мы возвращались из России, и в иллюминаторе самолета становились видными контуры и огни Тель Авива, я всякий раз испытывал эмоциональный подъем, который отсутствовал в моей прошлой жизни, когда я прилетал в Москву после деловых поездок по стране. Теперь меня охватывало радостное возбужденное состояние возврата в семью, к себе домой, в мой родной Израиль.

Хотелось бы сразу же оговориться, что такое подробное описание коллизий со спутниками "Техсат" ни в коей мере не связано с их какой-то исключительной ролью в израильской космонавтике. Преувеличенное внимание к спутнику и коллективу, его создавшему, обусловлено судьбой автора данной книги. Техсат - лишь небольшая часть тех масштабных проектов, которые принесли славу Израилю, а упомянутые мною коллеги – только малая доля тех больших коллективов, благодаря талантам и трудолюбию которых была написана космическая история Израиля. В Советском Союзе я готовил и отправлял в полет много разных спутников. В Израиле работа с "Техсатом-2" стала моим первым космическим опытом. Поэтому он занимает в моей жизни особое место, я в него просто влюблён, "Техсат-2" **не** только спутник Земли, это – спутник моей жизни. Спутник продемонстрировал предельные характеристики для космических аппаратов своего класса. Я уже упоминал, что "Техсат-2" является рекордсменом по длительности полета (около 12 лет). На момент его запуска он считался одним из самых маленьких спутников, стабилизированных по трем осям. На борту спутника находились научные приборы, позволяющие выполнить шесть интересных экспериментов. Такую разнообразную программу исследований даже не каждый большой спутник может себе позволить. Результаты этих космических экспериментов мы опубликовали во многих научных журналах. Успешный длительный полет спутника был по заслугам оценен специалистами, и на международной конференции по малым спутникам Технион в 2006 году был назван флагманом космического приборостроения в области создания и исследований малых спутников, наряду с другими пятью известными космическими фирмами. В том, что израильская наука занимает ведущее положение в данной отрасли, я вижу и свою заслугу.

Помимо малых спутников, мне довелось принимать участие в нескольких космических проектах концернов "Авиационная промышленность" и "Рафаель". Запомнился мне, например, Ретро Рефлектор (РР), за разработку

которого я отвечал и который по нашему проекту изготавливался в России и предназначался для полета на спутнике "Офек-6". Все работы со спутником были успешно завершены, но при запуске с полигона "Пальмахим" в сторону Средиземного моря на израильской ракете "Иерихо" произошел отказ, приведший к тому, что ракета не дотянула даже до Гибралтара и "Офек-6" нырнул в море вместе с моим РР.

В Институте космических исследований (ИКИ) при Технионе, кроме прикладных работ по освоению космоса, проводились исследования принципиальных и перспективных проблем космической науки. В рамках этой деятельности я выполнил разработки звездного датчика для точной системы ориентации и спутника с гиперспектральной аппаратурой.

Специалисты нашего института, который возглавлял известный ученый, профессор Моше Гельман, сотрудничали и проводили совместные исследования со своими коллегами из США, Франции, Германии, Южной

Израильская Конференция по безопасности, г. Герцлия

Кореи, Голландии, Индии. Разумеется, мы сотрудничаем и с российскими учеными. Замечу – половина из 25 специалистов нашего института – выходцы из стран СНГ. По результатам работ, выполненных мною за время работы в ИКИ с 1994 по 2011 годы опубликовано более 40 статей в престижных международных научных журналах. Мои представления по вопросам, которыми я занимался все эти годы в Израиле, я суммировал в трех монографиях, изданных на английском языке, которые до сих пор цитируются и используются исследователями космоса: 1. Мониторинг атмосферного озона из космоса, 2002, Хайфа; 2. Израиль в космосе. Двадцатилетний опыт (1988-2008), 2009, Хайфа; 3. Гиперспектральное оборудование. Характеристики, 2012, Лондон, Нью Йорк.

В ИКИ я вел не только научную, но и педагогическую деятельность. Дело в том, что, начиная с 2000 года на факультете авиации Техниона было введено обязательное выполнение коллективного дипломного студенческого проекта, завершающего обучение. Мне поручили руководить студентами, желающими в будущем посвятить себя изучению космоса. Обычно группе

студентов, состоящей из восьми-десяти человек, я предлагал разработать малый спутник, предназначенный для различных применений в космическом пространстве. Например, спутник «Инспектор» должен был, в случае необходимости, облететь Международную космическую станцию, сфотографировать ее и передать изображения на Землю. Другой, спутник-заправщик, доставлял порцию горючего на орбиту, стыковался с космическим аппаратом и перекачивал ему горючее, которое было ему необходимо для совершения маневра. Третий, наноспутник, отделялся на лунной орбите от индийского спутника Луны и измерял с помощью лазера расстояние между спутниками. За год работы студенты успевали полностью разработать спутник и успешно защищали свои замечательные космические проекты. Все студенческие работы докладывались на Израильской ежегодной конференции по аэрокосмическим наукам, несколько лучших проектов было представлено на Международном аэронавтическом конгрессе. Проекты получили высокую оценку научной общественности, включены Аэронавтической федерацией в перечень лучших студенческих работ. Все эти годы я с большим удовольствием сотрудничал со студентами, эти ребята – будущий цвет израильской науки и техники. Я до сих пор поддерживаю с некоторыми из них связь, слежу за их успехами.

Популяризацией науки, ознакомлением людей с последними техническими достижениями, объяснением важных открытий и развенчанием ложных и ошибочных представлений я начал заниматься сразу же после окончания университета, как говорится, по велению сердца, без принуждения. Когда я работал в Москве в АН СССР, меня даже угораздило попасть в какой-то комитет, который обсуждал с народными изобретателями их предложения по созданию "вечных двигателей". Во Французской академии наук предложения по этой теме, начиная уже с прошлого века, не принимаются к рассмотрению, так как противоречат фундаментальному закону природы. Членам же нашего комитета следовало разъяснить заявителям в письменной или устной форме неадекватность их проекта. Изобретатели были, как правило, людьми неотягощенными особым образованием, но очень уверенными в своей исключительности, и отстаивали свои убеждения с редкой настойчивостью. Мой коллега Герман Корицкий стал жертвой изобретателя, которого журналисты позднее назвали "гением с обрезом." За неделю до инцидента Герман отправил заявителю отрицательный отзыв на его абсолютно пустое и безграмотное предложение на "энергопроизводитель без затрат", приложив разгромные отзывы еще двух рецензентов. Заявитель, получив материалы, попросил о встрече, на которой он, по его словам, собирался привести свои

контраргументы. Явился он в назначенное время с тубусом для чертежей в руках, прошел в кабинет Германа, вынул из тубуса обреза и выстрелил с порога в упор. Поражения от выстрела дробью были не смертельными, но Герман был человеком в возрасте и скончался тут же в кабинете от шока. После этого случая я предпочитаю вместо встреч с подобными людьми, одержимыми манией величия, вести с ними полемику по переписке, пусть даже длительной, избегая личных контактов.

После переезда в Истру я выступил в красных уголках целого ряда отделов и цехов с рассказами об освоении космического пространства, лекции понравилась сотрудникам, и меня начали приглашать в другие подразделения института, а затем я стал популярным лектором Истринского района, выступая перед, как говорили, трудовыми коллективами. Меня избрали председателем общества по распространению политических и научных знаний в институте, а через некоторое время председателем общества Истринского района. Я безропотно принял эти назначения, потому что обязан был, как и всякий руководящий сотрудник института, иметь какую-нибудь общественную нагрузку, а просветительскую деятельность я считал благородной миссией образованного человека. Так что даже мое участие в таких пропагандистских мероприятиях, как Конференция московской областной организации общества или Съезд всесоюзной организации "Знание", не вызывали моих возражений хотя бы потому, что здесь я встретил многих коллег из научного сообщества, например, академика Басова Н.Г., который возглавлял Всесоюзную организацию. В повседневной же лекционной работе, я с пафосом и верой произносил первую заготовленную заранее фразу: "Как бы ни были далеки и высоки орбиты будущих космических трасс, мы всегда будем мысленно возвращаться к их истоку – полету Юрия Гагарина, потому что в клубке орбит, опоясавших земной шар и протянувшихся во Вселенную, никогда не потеряется орбита первого советского космонавта". А затем я мог увлекательно рассказывать о разнообразных свершениях в космосе и отвечать на любые вопросы слушателей по космической тематике. Думаю, что способность свободно и доходчиво описывать явления природы в увлекательной форме досталась мне от отца по наследству – он очень любил вести разъяснительную работу среди населения.

В Израиле я безо всяких усилий с моей стороны также оказался вовлеченным в информационную деятельность. Насущная потребность в средствах массовой информации на русском языке возникла в стране в девяностых годах одновременно с репатриацией из СССР более миллиона евреев. Радиостанция

РЭКА вначале сообщала репатриантам новости о войне в Персидском заливе и требования гражданской обороны, которые необходимо выполнять населению Израиля, затем перешла на передачи на русском языке продолжительностью около 10 часов в день, которые вскоре сменились круглосуточным вещанием. Для меня работа на радиостанции началась с просьбы дежурного по радиостанции РЭКА прокомментировать в новостном блоке запуск военного израильского спутника, а потом я превратился в главного комментатора по космосу, а в дальнейшем и по всей научной проблематике, участвуя в текущих обзорах, тематических встречах и других форматах радиопередач на протяжении всего периода моей работы в Институте космических исследований. В 2002 году в Израиле появился телевизионный канал на русском языке, и я стал его обозревателем всё по тем же космическим проблемам. Вспоминаю серию передач в феврале 2003 года, посвященную гибели первого астронавта Израиля Илана Рамона, совершившего полет на американском шаттле "Колумбия", который потерпел крушение при входе в плотные слои атмосферы при возвращении на Землю. Телеведущие Елена Лагутина, Владимир Мальковский и я на протяжении нескольких вечерних передач знакомили зрителей с выдающейся личностью астронавта, программой его исследований, которые он успешно выполнил в полете, описывали катастрофу, технические версии причин, приведшие к ней, информировали о результатах работы комиссий, расследующих трагедию, случившуюся на шаттле. Руководство русскоязычного канала отметило высокий профессионализм всех трех ведущих, включая меня, а также большой интерес телезрителей в течение всего цикла передач. Тогда, рассказывая о тех драматических для человечества и для страны событиях, мне кажется, нам удалось эмоционально отразить на экране и горечь потерь, и величие подвига первопроходцев. Сейчас, оглядывая то время, у меня наибольшую жалость и сострадание вызывает жена погибшего астронавта Рона Рамон – небо забрало у неё не только мужа, но и одного из сыновей – Асафа. а затем и сама Рона после тяжелой болезни ушла из жизни в раннем возрасте. Если вспомнить, что Илан Рамон был сыном бывших узников Освенцима, то надо признать, что судьба очень несправедлива к этой семье. Человеческое начало в последнее время все больше превалирует в моих представлениях о сущем, даже в такой важной для меня области, как израильский космос. Так же, как и на лекциях по космосу в России, на встречах в Израиле с радиослушателями и телезрителями самым распространенным был уже упомянутый мною ранее вопрос о соседстве на небе Господа и космических посетителей. Так вот, сейчас я на него отвечаю, что вопрос об обители Бога и Его близости к покорителям космоса и еврейскому народу достаточно сложный, но я думаю,

что Всевышний находится не в космосе, а в каждом из нас, и в тоже время в каждом из нас – космос. Поэтому любой человек - это высшая ценность. Чтобы закончить тему моей увлеченности просветительством, отмечу, что, если в России лекционная деятельность символически оплачивалась, то в Израиле моя радио- и телевизионная активность совершенно бескорыстна, и может быть объяснена либо моим тщеславием, либо упомянутым наследственным фактором. С другой стороны, моя книга "Израиль в космосе" появилась в результате встреч и бесед с людьми, и написал я её в знак благодарности слушателям, зрителям, читателям за общение со мной и за их любопытство и интерес к космическим проблемам.

Всё время, что я проработал в Технионе, мне пришлось жить на два дома, точнее на два города. Большую часть рабочей недели я проводил в Хайфе, много и допоздна работал, ночевал в съемной квартирке, а в конце недели продолжительностью около трех дней жил со своей семьей в Иерусалиме. Так что я 16 лет вояжировал на комфортном автобусе, раз в неделю пересекая полстраны из её центра на север и обратно. Дорога в один конец занимала менее двух часов и не утомляла меня, моя научная деятельность в Технионе всегда получала высокую оценку работодателей и сотрудников, и поэтому я не испытывал никаких неудобств от несколько необычного распорядка жизни. За те три дня, что я проводил дома, я успевал вдоволь пообщаться с родственниками, поиграть и позаниматься с внуками, выполнить возложенные на меня хозяйственные обязанности и даже отдохнуть. Такой размеренный темп жизни прервался единожды, когда в 2000-ом году я перенес инфаркт. Сказалось, я думаю, напряжение, связанное с запуском спутника Техсат-2, а именно, завершающие испытания аппарата, его доставка в Москву, а затем на Байконур, переносы запуска и предстартовые волнения и, наконец, обеспечение управления и связи со спутником на орбите, обработка телеметрической информации, поступающей со спутника. Триггером, запустившим сердечную болезнь, врачи посчитали курение. Я курил всю жизнь, но в описываемый период увеличил, по собственной дурости, потребление сигарет в 1.5-2.0 раза, полагая, что курение поможет мне справиться с повышенными рабочими нагрузками. Медицинское обслуживание в Израиле превосходное, что называется на "ять", вставили мне в коронарную артерию стент – хитрую такую конструкцию, которая расширила мне в нужном месте кровеносный сосуд. Мне категорически запретили курение, предписали соблюдать диету. Все назначения врачей я выполнял неукоснительно, и к концу лечения чувствовал себя совершенно здоровым, как будто заново родился. Когда я через месяц - полтора вернулся

на работу, то у меня был такой молодцеватый вид, что все посчитали, что я проводил время не в кардиологическом отделении больницы, а загорал на райском острове Бали.

Справедливости ради надо отметить, что мой сердечный срыв в какой-то мере был также обусловлен семейными нагрузками, свалившимися после переезда в Израиль. Первые годы жизни в новой стране у меня были заполнены не только удовлетворением повседневных запросов, но и решением важных бытовых проблем, получением ссуды, съемом и покупкой жилья, приобретением машины, меблировкой квартиры, покупкой необходимых электроприборов. Очень важным делом я считал помощь детям и контроль всего того, что с ними происходит на таком ответственном этапе, как выход в самостоятельную жизнь в незнакомых условиях. Всё это отнимало много времени, и я стал меньше уделять внимания моей дорогой половине, несмотря на то, что она, как всегда, оставалась и моим тылом, и моими флангами, и моим верным помощником. Напряженная работа, домашние дела не добавляли в наши отношения спокойствия, душевности и теплоты, но, слава Богу, после выхода на пенсию нагрузки снизились, жизнь нормализовалась, и мы долгие годы проживаем с Викой дружной семьей вместе с её престарелой сейчас уже 103-летней мамой в хороших условиях, окруженные вниманием наших детей, и радуемся успехам внуков.

Глава 16

Заключительная

С возрастом у каждого человека сужается круг общения, уменьшается число близких, понимающих и любящих людей. Сначала тебя покидают родители, родственники, уходят из жизни друзья. Одиночество – неизбежный спутник старости, своеобразная плата за долголетие. Потребность же в общении, наоборот, усиливается. Необходимость в собеседнике и отсутствие последнего толкают тебя в объятия суррогата – сажает за клавиатуру компьютера. Вместо того, чтобы выговориться и обсудить проблемы с живым существом, ты вынужден изливать свою душу компьютеру, доверять свои сокровенные мысли и чувства, воспоминания о дорогих тебе людях и событиях существу бездуховному – бумаге. Так рождаются мемуары. Таковы, я думаю, и мои

побудительные мотивы написания воспоминаний. В начале, правда, я предпринял попытку вести дневник, но сразу же понял, что в данный момент подобная затея выглядит смехотворно, потому что в моём глубоко почтенном возрасте пенсионное однообразное существование предоставляет слишком мало материалов для дневниковых записей, и тогда я засел за написание воспоминаний. Сейчас, завершая работу, я вижу, что книга посвящена не только родителям, но и событиям в моей жизни, в моей семье. И большое место в ней занимает описание общественных процессов в СССР и России, связанных с условиями проживания евреев. Выйдя на пенсию, я начал также собирать биографические данные о моих ближайших родственниках. Базовую информацию я почерпнул из родового древа, представленного в воспоминаниях отца, дополнил её архивными материалами ЗАГСов и сохранившимися записями о браке и рождении в книгах казенных раввинов, в "ревизских сказках", сведениями, полученными от живых свидетелей и извлеченными из других доступных для меня источников. На их основе я создал генеалогическое древо моего семейства, включающее 135 персон. Древо охватывает пять поколений, начиная с моих и Викиных бабушек и дедушек и заканчивая поколением моих внуков и внучек. Однако, родословная моего деда по линии отца - Ортенберга Пинхаса - углублена еще на шесть поколений и указан также предполагаемый прародитель рода, живший в XIII веке. Наследственная информация представлена в двух документах: (а) непосредственно в генеалогическом древе, схематически отражающем родственные отношения, и (б) в поименном перечне всех персонажей, включающем дополнительные сведения о местах рождения, смерти, бракосочетания, данные о профессии, о важных событиях в жизни персонажей. Для большинства персонажей документы иллюстрируются их фотографиями. В конце воспоминаний приложен фрагмент древа, на котором изображен только основной ствол родословной семьи Ортенбергов. Это приложение объединяет персонажей воспоминаний в единый клан и помогает понять, в какие времена и при каких обстоятельствах приходилось жить и работать различным поколениям нашего родственного сообщества.

Сведения из подготовленного мною генеалогического древа пригодились недавно в наследственном деле при доказательстве моих прав. Дело в том, что до отъезда в Израиль я нашел в бумагах отца адрес его брата Вольфа, который уже давно после репатриации с женой и дочкой поселился в Иерусалиме. Я написал ему письмо, в котором сообщил о планах моей семьи выехать в Израиль, и о том, что в связи с либерализацией в России он может ответить непосредственно на мой домашний адрес, на прибегая к конспирации. Ответ

последовал незамедлительно от моей двоюродной сестры Эси; в письме она сообщила, что родители умерли, сначала мама, а затем, совсем недавно, ушел из жизни отец. Она написала, что все годы, прожитые их семьей в Израиле, были самыми лучшим, и этот период их совместной жизни она считает счастливым. Вольф в старости стал почитаемым в стране человеком, встречался с одним из отцов-основателей страны Давидом Бен-Гурионом и даже издал книгу воспоминаний на иврите с символическим названием "Промолчавши жизнь", посвященную его злоключениям в Советском Союзе. Книга открывалась фотографией, сделанной во время беседы Вольфа с Бен-Гурионом. О себе Эся ничего не написала, кроме того, что теперь она проживает в квартире одна и будет рада помочь мне. Я отправил ей по почте часть наших вещей, после нашего приезда в Иерусалим мы несколько раз виделись с ней, но, к сожалению, болезнь её прогрессировала, она уже больше не могла обслуживать себя, и вынуждена была переехать жить под патронажем в специальном медицинском учреждении. Мы с Викой регулярно навещали её, стараясь скрасить её пребывание не в домашних условиях; физически она чувствовала себя удовлетворительно, занималась физиотерапией, художественным вышиванием, но через несколько лет её перевели в отделение приюта, расположенное в Хайфе, и наша связь оборвалась. Недавно, в январе 2016 года мне позвонила распорядительница приюта, сообщила о смерти Эси и сказала, что Эся назвала меня единственным родственником, дала мой телефон и просила до меня дозвониться. Родители Эси покоятся на кладбище в Иерусалиме, и я решил, что захоронение Эся тоже должно находиться здесь; тело Эси перевезли из Хайфы, и я похоронил её и установил памятную плиту. Во время поминальной молитвы я вспомнил историю наших теплых отношений и встреч, представил себе ту нелегкую судьбу, которая выпала на её долю. Она была абсолютно права, что в нашем с ней поколении родственников я являюсь последним, оставшимся в живых. Когда мне сообщили, что после смерти Эси осталась небольшая сумма денег, и я могу её получить, если докажу свои наследственные права, то я подал заявление, приложив необходимые документы, включая генеалогическое древо семьи Ортенбергов, и получил эти деньги. Они оказались, как нельзя кстати, так как моя дочка готовилась поменять квартиру на новую, большей площади, в связи с тем, что у неё недавно родилась девочка Лиза.

Лиза - младшая из пяти моих внуков, и появилась она уже после моего выхода на пенсию. Её родители - дочь Юля и её муж Илья - целыми днями заняты служебными и домашними делами, моя жена по уши загружена уходом за своей престарелой мамой, а поэтому я, человек свободный, проводил с

внученькой с самого рождения всё свое время. Я получал и получаю от общения с ней удовольствий и эмоций намного больше, чем от любых других занятий. Недавно мы всем большим семейством отметили Лизочкин пятый день рождения, она пела, плясала, выразительно читала стихи на русском языке, которому мы стараемся её научить, и на иврите, который она с легкостью освоила в детском саду. Лиза для меня, как поплавочек, который поддерживает меня на конечном этапе жизненного пути. Я украсил свои воспоминания, поместив её фотографию на празднике Пурим, где она выступала в облике клоуна. Когда я смотрю на неё, то без труда отмечаю дорогие мне черты, присущие и её прабабушке Зине, которую она никогда не видела, и моей жене Вике, и моей дочке Юле.

Генетика, ничего не поделаешь. Гены, состоящие из ДНК, делают нас уникальными, каждый из нас - это просто производное из суммы генов наших

отцов и матерей, и до последнего времени считалось, что наш образ жизни, пища, привычки и характер никак не влияют на нас. Однако, недавно ученые установили, что наследственная информация от гена преобразуется по-разному в зависимости от окружающей среды, поэтому только от человека зависит то, насколько он раскроет и воплотит в жизнь свой "генный потенциал". А это означает, что судьба человека в какой-то степени находится в его собственных руках. С другой стороны, в исследовании института "Am Hazikaron", проведенном для более чем

шестидесяти еврейских семейных кланов, отмечена корреляция в профессиях, характерах, интересах, судьбах и пр. членов одного и того же клана, которая сохраняется аномально долго по мере удаления по генеалогическому дереву. Это позволяет выявить закономерности в генеалогическом дереве семьи на протяжении многих лет, повторяющиеся через несколько поколений, определить условную доминантную "клановую личность", черты которой устойчиво передаются потомкам в ряде склонностей или талантов, использование которых приводит человека к достижениям и успехам или, наоборот, в случае отказа от собственного предназначения, ведет его к

неудачам, а порой и к личностному краху. Это исследование во многом изменяет наше представление о семейных и родственных связях. Оказывается, что члены одного рода на протяжении столетий выбирают одни и те же сферы деятельности, присущие этому роду. Далее, своих семейных партнеров они находят не случайно - в каждом роду существует некий тип партнера, который бессознательно предпочитают почти все члены этого рода. Кроме того, члены одной семьи, живущие в разное время и на разных континентах, имеют идентичные характеры, привычки и психологические портреты. Наконец, члены одного рода веками повторяют судьбы, причем не только близких, но и дальних родственников. Это означает, что некий унаследованный нами генетический заряд настолько силен, что ни политические формации, ни экономическое положение не меняют того, что заложено в нас предками. Если эти результаты подтвердятся, то можно себе представить, что в недалеком будущем родители новорожденного еврея, обратившись к специалисту по генеалогии и предъявив ему генеалогическое древо семьи, смогут получить полный прогноз жизненного пути ребенка, включая сферу его деятельности, облик спутницы или спутника его (её) жизни, черты характера младенца и его привычки, и даже представления о том, как сложится его судьба. От такой перспективы пахнет мистикой или астрологией, но тем не менее возможность такого провидения реально существует. Необходимо лишь одно – наличие развернутого генеалогического древа данного рода.

Генеалогическое древо, воспоминания, семейные архивы - важные свидетельства нашего прошлого, часть истории нашего народа – должны быть доступны нашим детям и внукам. Генеалогическое древо является связующим звеном между предками и потомками каждого рода. К сожалению, многие люди забывают об этом и спохватываются слишком поздно. Я очень доволен тем, что успел создать базу данных о моих родственниках, эти сведения позволили наполнить корни, ствол, ветви и листья родового древа конкретным содержанием. С помощью специальной компьютерной программы я смог нарисовать семейное древо на бумаге. Не знаю, как оценят мой труд продолжатели рода? На высокую оценку современников я особо не рассчитываю, но надеюсь, что через несколько поколений эта информация, если сохранится, может оказаться востребованной. Если признать, что развитие рода в значительной степени генетически "запрограммировано", то генеалогическое древо будет служить паролем, паролем в процессе прогнозирования жизненного пути для каждого нового индивидуума из этого рода. Мне кажется, что для нашего семейного генеалогического древа также прослеживаются некие общие закономерности. Например, сферой

деятельности многих членов сообщества является научная работа, ранее теологическая, а в последнее время – связанная со сбором и обработкой информации. В тоже время генетически predetermined высокий интеллектуальный потенциал членов семьи по мужской линии часто не смог быть реализован из-за форс-мажорных обстоятельств (войны, революции) или вследствие неудачного брака. Что касается меня, как персонажа семейного древа, то мои родители снабдили меня превосходным набором генов, окружили заботой и любовью, подарили мне долгую, прекрасную, разнообразную и счастливую жизнь, за что я им безмерно благодарен. На этом я завершаю свое повествование, и в заключение приведу два простеньких высказывания, созвучных моему сегодняшнему мироощущению. Острословы говорят, что доказать свою мудрость проще всего, приводя цитаты выдающихся личностей. Так вот, оглядываясь назад, я понимаю вместе с Альбертом Эйнштейном, что каждый из нас появляется на Земле "на короткий миг, без понятной цели, хотя некоторым удаётся цель придумать. Но с точки зрения обыденной жизни очевидно одно: мы живём для других людей — и более всего для тех, от чьих улыбок и благополучия зависит наше собственное счастье." И завершу воспоминания отрывком из дневника Анны Ахматовой: "Теперь, когда все позади - даже старость, и остались только дряхлость и смерть, оказывается, все как-то, почти мучительно, проясняется: люди, события, собственные поступки, целые периоды жизни."

Написание завершено под Новый Год 31.12.2019,
Иерусалим, Писгат Зеев Цафон

Благодарю моих замечательных друзей Владимира Ханелиса и Александра Ширяева за критические замечания и помощь при подготовке книги к печати.

Приложение

"Моя родословная"

Генеалогическое древо

нескольких родственных семей, имеющих российские корни

Отчет включает два документа:

1. Древо жизни, схематически связывающее родственников между собой,
2. Основные данные жизни для каждой из персон.

Число персон в генеалогическом древе: 126. Древо включает 11 последовательных поколений, охватывающих 1700-2017 годы, а также данные на прародителя рода, жившего в 1215-1293гг.

Дата построения отчёта: 15/03/2017.

Отчет подготовлен Фредом Ортенбергом с использованием программы "Древо Жизни".

Далее для иллюстрации представлен небольшой
фрагмент Генеалогического древа на двух листах

41

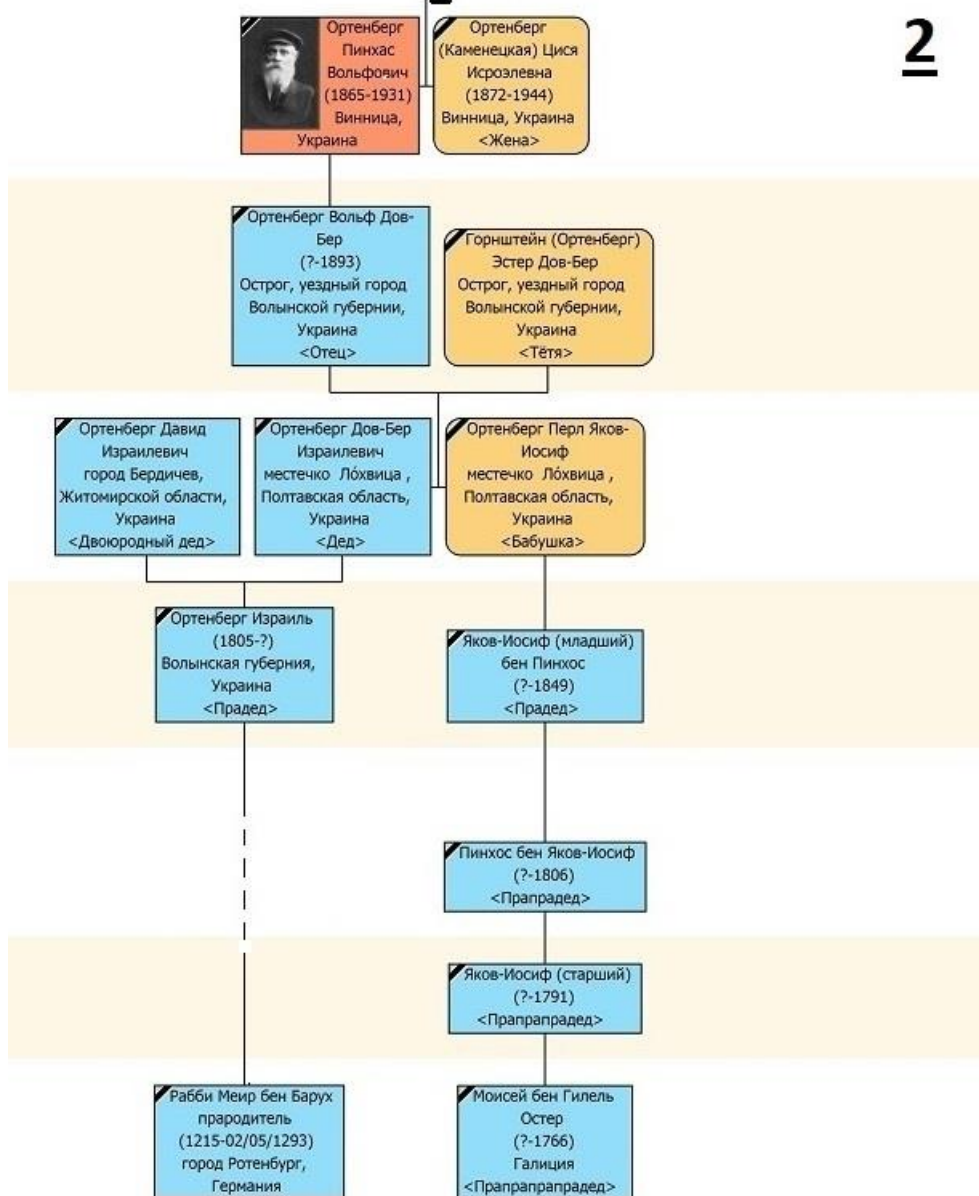
Указаны родственные отношения с Ортенбергом Пинхасом

К листу 1

2

Указаны родственные отношения с Ортенбергом Пинхасом

Фред Ортенберг

ТКАНЬ ЖИЗНИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

воспоминания
российского
еврея

В предлагаемой книге сын идишского писателя Самуила Ортенберга - Фред Ортенберг - принял эстафетную палочку памяти и продолжил семейную хронику, начиная с того момента, на котором оборвались воспоминания его отца "Ткань жизни". События охватывают 1930-2019 годы и происходят в Советском Союзе, перестроечной России и Израиле. Судьбы членов типичной еврейской семьи показаны на фоне сталинских репрессий, войны, эвакуации, Холокоста, послевоенных антисемитских акций, развала СССР, большой алии евреев в Израиль.

